

Следственный комитет Российской Федерации
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева
Союз ветеранов следствия

**Следственный комитет Российской Федерации
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева
Союз ветеранов следствия**

СЛЕДСТВИЕ СКВОЗЬ ГОДЫ...

(воспоминания ветеранов следствия)

Выпуск 4

Москва 2024

С 47 **Следствие сквозь годы...** (Воспоминания ветеранов следствия).
Выпуск 4 / Авт-сост. В.А. Рева и др., под общ. ред. А.И. Бастрыкина.
М., Издательский Дом «Славянка», 2024. – 368 с.

ISBN 978-5-6041553-5-6

Под общей редакцией А.И. Бастрыкина, Председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерала юстиции Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации.

В четвертый выпуск серии книг «Следствие сквозь годы...» вошли повести и рассказы как заслуженных ветеранов следствия, так и молодых авторов, избравших следственную стезю. Книга будет интересна всем, кому небезразличны темы служения Закону и Отечеству и извечной борьбы с силами зла за справедливость. Действующие и будущие следователи, студенты юридических вузов, найдут на страницах сборника подробное описание хода расследования преступлений самого разного вида: расхищения государственной собственности, межэтнических конфликтов, убийств, изнасилований, краж и даже банальной на первый взгляд порчи соседского имущества и не только.

Для следователей, студентов, преподавателей учебных заведений юридического профиля и широкого круга читателей, достигших 18 лет (содержит описание сцен жестокого насилия).

Составители:

В.А. Рева, ветеран следствия, старший советник юстиции.

А.А. Бессонов, ректор Московской академии СК им. А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции.

А.В. Хмёлева, руководитель управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики), руководитель отдела исследования проблем методик расследования преступлений ГУК (Криминалистического центра) СК России, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Воспроизведение всей книги или какой-либо ее части любыми средствами, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения авторов.

УДК 82-94
ББК 84-44я43

© А.И. Бастрыкин, Р.Д. Вафин, Н.В. Гришина,
А.Л. Драбкин, А.И. Кондратов, В.Е. Костарев,
М.В. Лебедев, Я.Я. Пистер, В.А. Рева, А.П. Савченко,
В.М. Самароковский, Р.С. Тамаев, текст, 2024

Уважаемые читатели! Дорогие друзья!

Представляю вам четвертый выпуск серии книг «Следствие сквозь годы...» Авторы этого сборника – ветераны следствия, состоящие в общественной организации «Союз ветеранов следствия» при Следственном комитете Российской Федерации, за плечами которых многие годы следственной работы, десятки сложнейших расследований резонансных преступлений, и действующие сотрудники нашего ведомства, обладающие следственным опытом и наделенные даром художественного слова.

С гордостью отмечу, что в минувшем году за подготовку и издание трех книг серии «Следствие сквозь годы...» творческий коллектив ветеранов следствия, Следственного комитета Российской Федерации награжден дипломом Союза писателей России, а инициатор, составитель и один из самых активных авторов этой серии книг, старший советник юстиции *В.А. Рева* удостоен высокого звания лауреата национальной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина в номинации «История» (2023).

Открывает четвертый выпуск повесть государственного советника юстиции 3 класса *А.И. Кондратова* «Кировабадский дневник». Автор повествует об истоках и развитии карабахского конфликта между Арменией и Азербайджаном, о кровавых столкновениях между армянами и азербайджанцами в 1988 г. В те времена А.И. Кондратов, будучи следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, руководил следственно-оперативной группой по расследованию массовых беспорядков в азербайджанском городе Кировабаде (ныне г. Гянджа), в ходе которых совершены убийства, изнасилования, погромы и поджоги государственного и личного имущества граждан, причинены телесные повреждения представителям обеих конфликтующих сторон, а также военнослужащим и работникам милиции. Повесть основана на записях автора в личном дневнике и сохранившихся материалах следствия.

Тему расследования следственными бригадами Прокуратуры Союза ССР массовых беспорядков, вызванных межэтническими конфликтами в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия, продолжает повесть «Узгенская резня» *В.Е. Костарева*, руководившего расследованием беспрецедентных по своему размаху и тяжести массовых беспорядков в Узгенском районе Ошской области Киргизской ССР в 1990 г.

Документальность такой прозы, ее скрупулезность и внимание к деталям, стремление авторов, не принимающих ту или другую сторону конфликта, к объективности и беспристрастности, помимо несомненных художественных достоинств, создают историческую ценность книг серии «Следствие сквозь годы...», делая их важнейшими документами эпохи.

Расследование уникального не только для России уголовного дела о коррупции в высших эшелонах власти в середине 90-х годов XX века, возбужденного по факту беспрецедентного по масштабу хищения драгоценностей из Гохрана, освещается в повести *Р.С. Тамаева* «Афера века». Деятельность преступной группы лиц, включающей председателя Роскомдрагмета

Е.М. Бычкова, высокопоставленного чиновника Правительства России и их подельников, похитивших и вывезших за рубеж огромные ценности (общий ущерб превысил 187 млн долл. США), удалось благополучно раскрыть и усадить расхитителей на скамью подсудимых благодаря высочайшему профессионализму и исключительному личному мужеству автора повести и его коллег. Что это, как не пример для подражания и своеобразный наказ профессионалов, которые посвятили жизнь любимому делу, своим молодым преемникам.

Другие рассказы сборника, написанные разными авторами, разнообразны по тематике, многоплановы и, безусловно, поучительны. Здесь нет места литературному вымыслу, сквозь призму своего эстетического, этического и образного восприятия ветераны следствия и действующие сотрудники ведомства документально и реалистично излагают факты, изображая персонажей и события. Их произведения представляют интерес с точки зрения методики расследования и практического применения следственных приемов в работе. Это относится и к несложным на первый взгляд делам. Воспоминания авторов убеждают нас, что не бывает простых дел: за каждым стоит судьба человека, гражданина, и это налагает на следователя огромную ответственность.

Книга будет интересна действующим и будущим следователям, а также широкому кругу читателей. Всем тем, кому небезразличны темы служения Закону и Отечеству и извечной борьбы с силами зла за справедливость. Это новая яркая страница в истории отечественного следствия.

А.И. Бастрыкин,
Председатель
Следственного комитета Российской Федерации,
Генерал юстиции Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Доктор юридических наук, профессор

А.И. Кондратов

Кировабадский дневник

Документальная повесть

Памяти А.В. Фролова посвящается

Предисловие

Настоящая повесть является продолжением серии очерков и рассказов о расследовании следственными бригадами Прокуратуры Союза ССР массовых беспорядков, происшедших в стране в конце 80-х годов прошлого столетия. Впервые эту тему затронул В.И. Калиниченко в своей книге «Следствие и власть». Затем продолжил В.А. Рева в рассказе «Закавказский узел», опубликованном во втором выпуске сборника воспоминаний ветеранов следствия «Следствие сквозь годы...»

Мои воспоминания об этих событиях пришли в канун столетия образования СССР в последние дни уходящего 2022 года. Тут же вспомнилось и то, что в эти же декабрьские дни 31 год назад завершил свое существование Союз Советских Социалистических Республик – государство, основанное на принципах справедливости, равенства, братства и дружбы населявших его народов. В январе 1992 г. прекратила свою деятельность в связи с ликвидацией и Прокуратура Союза ССР, работа в аппарате которой относилась к лучшему периоду моей жизни и которой я горжусь до сих пор. Содержание этой повести и относится к серии моих воспоминаний об этой работе.

В новогодней суете наступившего 1988 года никто из советских граждан не мог и предположить, что именно этот год явится предтечей будущего распада великого государства. На фоне проводимой в этот период времени Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачёвым политики «перестройки и

нового политического мышления», объявленной им в 1987 г. на январском Пленуме ЦК КПСС и повлекшей за собой демократизацию советского общества, в союзных республиках активизировались процессы национального возрождения, которые, как правило, возглавляли лидеры образованных так называемых «народных фронтов» – неформальных общественных движений. При ослабевающей руководящей, организующей и направляющей роли Коммунистической партии, принижении пропаганды преимуществ социализма и интернационализма, избирательности применения правовых норм за антисоветскую агитацию и пропаганду, а затем и полной их отмене в 1989 г., эти общественные движения закономерно стимулировали резкий рост националистических и сепаратистских настроений в союзных республиках под лозунгами «национального суверенитета» и «национальной независимости».

Под влиянием экстремистов эти настроения начали быстро перерастать в формы межнациональной вражды и розни, этнической агрессии. Национализм как раковая опухоль стал быстро расползаться по стране, поражая всё новые регионы и провоцируя вооруженные конфликты. В то же время проводимые экстремистами и радикальными националистами акции постепенно перерастали в формы открытой борьбы с партийными и советскими органами, сначала в республиках Прибалтики, а затем в Закавказье и Средней Азии. Недальновидность политики «перестройки», гласности и демократизации советского общества, нерешительность и медлительность центральной союзной власти в отстаивании принципов социализма и интернационализма в проводимой на их основе внутренней национальной политике, непринятие на этом фоне правоохранительными органами союзных республик своевременных мер уголовно-правового воздействия к лидерам экстремистских организаций привели к возникновению массовых беспорядков и кровопролитию в республиках Закавказья и Средней Азии. В свою очередь, эти проявления нанесли непоправимый

урон государственной безопасности и сохранению территориальной целостности государства.

Вот на таком фоне в каких только горячих точках в экстремальных условиях не приходилось тогда работать следователям прокуратуры и органов внутренних дел в это сложное и непростое для страны время...

Истоки конфликта (Карабахский узел)

Катализатором движения за национальное самовыражение в республиках Закавказья стал Карабахский территориальный конфликт между Арменией и Азербайджаном, который имел исторические корни. Политика «перестройки и нового мышления» дала карабахским армянам надежду на воссоединение с Арменией и выход из состава Азербайджана. В связи с этим уже с августа 1987 г. начался процесс сбора подписей под обращением в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР о передаче Нагорно-Карабахской автономной области в состав Армянской ССР. А далее, уже в декабре 1987 г., а затем и в январе 1988 г. делегации карабахских армян передали эти обращения и собранные подписи заведующему приемной ЦК КПСС А.М. Кригину, а также заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР П.Н. Демичеву. Однако тогда руководители высших партийных и советских органов страны не придали серьезного значения этому национальному движению. Для рассмотрения этих обращений не было образовано официальных комиссий и соответствующая работа по установлению их причин с инициаторами движения, а также руководителями Азербайджана и Армении по этому вопросу организована не была.

Не дождавшись реакции Москвы, 20 февраля 1988 г. Совет народных депутатов НКАО на внеочередной сессии принял официальное обращение в адрес Верховного Совета СССР и

Верховных Советов Азербайджана и Армении с просьбой согласовать передачу Карабаха из состава Азербайджана в состав Армении. Естественно, что это обращение получило полную поддержку у руководства Армении и было категорически отвергнуто руководством Азербайджана.

А что же Москва? 21 февраля 1988 г. в Кремле состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС по вопросу Нагорного Карабаха, с участием руководителей Азербайджана и Армении К.А. Багирова и К.С. Демирчяна. После бурных обсуждений было принято решение, основанное на позиции Азербайджана, об отказе в удовлетворении обращения Совета народных депутатов НКАО. В качестве его аргументации было отмечено, что данное обращение принято «в результате действий экстремистов и националистов, противоречит интересам Азербайджанской ССР и Армянской ССР и создает угрозу межнациональным отношениям»¹. Постановление Политбюро ЦК КПСС ограничилось общими призывами к нормализации обстановки, а также выработке и осуществлению мер по дальнейшему социально-экономическому и культурному развитию автономной области.

А тем временем обстановка в Нагорном Карабахе только накалялась. Прибывшие 22 февраля в г. Степанокерт (столица НКАО) представители ЦК КПСС и Верховного Совета СССР Г.П. Разумовский и П.И. Демичев выступили на бессрочном митинге на центральной площади города и объявили о принятом решении по Карабахскому вопросу. Однако решение Политбюро ЦК КПСС по обращению жителей Нагорного Карабаха и его доводы не смогли изменить настроения людей и убедить их нормализовать обстановку в автономной области. Наоборот, «пар вырвался из кипящего котла», страсти еще более накалились и этот конфликт, разжигаемый активистами народного движения, теперь уже окончательно вышел из-под контроля, а авторитет союзной власти был растоптан толпой

¹ Газета «Правда» № 54 от 23.02.1988 г.

на грязном снегу площадной мостовой. Власти в тот момент было нужно и необходимо найти компромисс в этом территориальном вопросе. Но искать его не захотели и не стали, что и привело в дальнейшем к кровавому противостоянию двух народов, мирно уживавшихся до этого на одной земле.

В тот же день, 22 февраля 1988 г., на дороге между Агдамом и Степанокертом в районе населенного пункта Аскеран произошло первое столкновение между армянами и азербайджанцами. Последние двигались в колонне на автомашинах в Степанокерт, но были остановлены группами радикально настроенной армянской молодежи, которые палками разбивали стекла в автомобилях, переворачивали и поджигали их, а пассажиров безжалостно избивали. В результате этих противоправных действий пролилась первая кровь. Двое азербайджанцев погибли, десятки других получили ранения. Но это было только начало большой трагедии.

Заместитель Генерального прокурора СССР А.Ф. Катусев, выступая 27 февраля по центральному телевидению, сообщая о совершении этого преступления и возбуждении прокуратурой СССР уголовного дела, неосторожно упомянул об убийстве двух азербайджанских юношей. А спустя несколько часов после этого в азербайджанском городе Сумгаит начались армянские погромы, продолжавшиеся до 29 февраля. В процессе массовых беспорядков в Сумгаите погибли 32 человека (из них 26 армян и 6 азербайджанцев), сотни человек получили ранения различной степени тяжести, 12 женщин были изнасилованы, разгромлено, разграблено и сожжено 120 квартир и домов, сожжено и повреждено 150 единиц автотранспорта.

Только на третий день этих кровавых событий, 29 февраля 1988 г., вновь состоялось экстренное заседание Политбюро ЦК КПСС, посвященное обсуждению ситуации, возникшей в г. Сумгаит. Решение, принятое по результатам этого заседания, не было опубликовано в печати, однако, как это стало известно в процессе следствия, по решению Политбюро

в Сумгаит в тот же день, т.е. 29 февраля, были направлены 22-я гвардейская бригада специального назначения Закавказского военного округа, два полка отдельной дивизии оперативного назначения (ОМЗДОН) им. Дзержинского ВВ МВД СССР, а также курсанты Бакинских общевоинского и военно-морского училищ. После их введения в город и установления режима особого положения и комендантского часа удалось остановить беспорядки и стабилизировать обстановку.

Однако медлительность, нерешительность и запоздалые решения политического руководства страны привели к дальнейшей эскалации конфликта на всей территории Армении и Азербайджана, бессмысленному кровопролитию и жертвам.

В этот же период времени, 28 февраля, группа азербайджанской молодежи начала вершить погромы и поджоги домов в армянской части города Кировабада (ныне г. Гянджа). Здесь в этот раз обошлось без жертв, так как напавшие экстремисты вынуждены были отступить в результате активных действий отрядов самообороны, организованных жителями армянских кварталов. Помогло и своевременное выдвижение на улицы города военнослужащих воздушно-десантной дивизии, дислоцированной в городе и в его окрестностях.

Но процесс неумолимо шел дальше. 15 июня 1988 г. Верховный Совет Армянской ССР дал согласие на вхождение Нагорно-Карабахской автономной области в состав Армянской ССР. 17 июня 1988 г. Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР официально отказался удовлетворить просьбу армянского населения Нагорного Карабаха о передаче области в состав Армении. Тогда через месяц, 12 июля 1988 г., восьмая сессия Советов народных депутатов НКАО объявила свое решение о выходе Нагорно-Карабахской автономной области из состава Азербайджанской ССР.

Наконец, 18 июля 1988 г. в Кремле открылось заседание Президиума Верховного Совета СССР, посвященное карабахскому

вопросу, на котором доминирующую роль в ходе обсуждения исполнял Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв. В своем постановлении Президиум Верховного Совета СССР, опираясь на ст. 78 Конституции СССР (территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия), признал невозможность изменения границ и установленного на конституционной основе национально-территориального деления Азербайджанской ССР и Армянской ССР. После этого уже по всей территории Азербайджана и Армении покатилась волна митингов, протестов, столкновений и насилия на почве национальной вражды и розни между двумя народами.

Так, 18 сентября 1988 г. на шоссе, проходящем через город Ходжалы в Нагорном Карабахе, теперь уже группы азербайджанской молодежи напали на транспортные средства, в которых передвигались армяне на пути в Степанокерт. Камнями и палками они разбивали стекла, переворачивали автомашины, избивали водителей и пассажиров. Информация об этом достигла проходившего на центральной площади Степанокерта многочисленного митинга. В ответ на это сотни радикально настроенных армян, вооружившись топорами и охотничьими ружьями, двинулись из Степанокерта в Ходжалы, где учинили погромы домов и избиения проживавших там азербайджанских жителей. В результате этого 25 человек, в том числе и военнослужащие внутренних войск, получили ранения различной степени тяжести, был причинен и значительный материальный ущерб жителям Ходжалы. Об этом официально сообщила газета «Правда» 20 сентября под заголовком «К событиям в Нагорном Карабахе».

Эти события еще более обострили отношения между армянским и азербайджанским населением Нагорного Карабаха и спровоцировали беспорядки уже в Шуше и самом Степанокерте. В результате насильственных акций последние армяне под защитой военнослужащих были эвакуированы из Шуши в Степанокерт, а из Степанокерта в Шуши также были

эвакуированы почти все азербайджанцы. В области участились столкновения на национальной почве, погромы и поджоги домов, имелись раненые с обеих сторон. Следствием всех этих событий стало введение 21 сентября в НКАО и соседнем с ним Агдамском районе Азербайджана режима особого положения и комендантского часа, исполнение которого было возложено на военного коменданта района и подразделения внутренних войск МВД и Советской Армии. Но волна протестов и насильственных противоправных действий, подгоняемая преувеличенными слухами и рассказами беженцев, покатилась дальше по территориям двух закавказских республик.

В ноябре 1988 г. массовые беспорядки на национальной почве произошли в азербайджанских городах Шемахе, Шеки, Шамхоре, Закаталы и Мингечауре, они сопровождались избиениями армянского населения, погромами и поджогами принадлежащих им домов и имущества, в городах Закаталы и Шеки экстремисты подожгли здания отделов милиции и прокуратуры.

23 ноября начались погромы азербайджанцев на территории Армении, которые продолжались до 3 декабря 1988 г. Наиболее кровавые события произошли в г. Кировакане, пос. Калинино, Степанованском и Гугарском районах Армении, а всего беспорядки охватили территорию восьми районов республики, где погибло в общей сложности 24 человека, десятки жителей получили увечья и телесные повреждения различной степени тяжести, были разгромлены сотни домов, автомашин и иное имущество, принадлежавшее азербайджанцам.

В это же время наиболее масштабные беспорядки вновь охватили самый крупный после Баку город Азербайджана – Кировабад, где проживало на тот момент свыше 280 тыс. жителей и из них более 40 тыс. являлись представителями армянской общины. В период с 21 по 26 ноября 1988 г. в процессе

массовых беспорядков 9 человек погибло, свыше 300 человек получили телесные повреждения и увечья различной степени тяжести, совершено 4 изнасилования, более тысячи погромов и поджогов домов, квартир, автотранспорта и боевой военной техники воинских частей. Жертвами и потерпевшими наряду с армянами и азербайджанцами стали и военнослужащие Советской Армии.

В организации расследования совершенных в Кировабаде преступлений пришлось принять участие и мне, о чем и пойдет рассказ в последующих главах настоящей повести, основанной на записях из личного дневника и сохранившихся материалах следствия.

Кировабадский дневник

В ноябре 1988 г. я находился в Баку – столице Азербайджанской ССР, где вместе со своим коллегой по Следственной части следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре ССР А.Г. Морозовым осуществлял расследование по уголовному делу о фактах хищений и взяточничества в системе Министерства автомобильного транспорта республики. Уже в это время обстановка в Баку была очень напряженной на фоне Карабахских событий и обострившихся из-за них армяно-азербайджанских отношений. На начало года общая численность населения в столице республики составляла более 800 тыс. человек, из них свыше 200 тыс. являлись представителями армянской национальности. 17 ноября на центральной площади им. Ленина начался бессрочный митинг в знак протеста против претензий армянского народа на Нагорный Карабах и изгнания азербайджанцев из Степанокерта в октябре и ноябре этого года. Беженцы и вынужденные переселенцы своими рассказами и преувеличенными слухами о зверствах, чинимых армянами в отношении азербайджанцев в Карабахе,

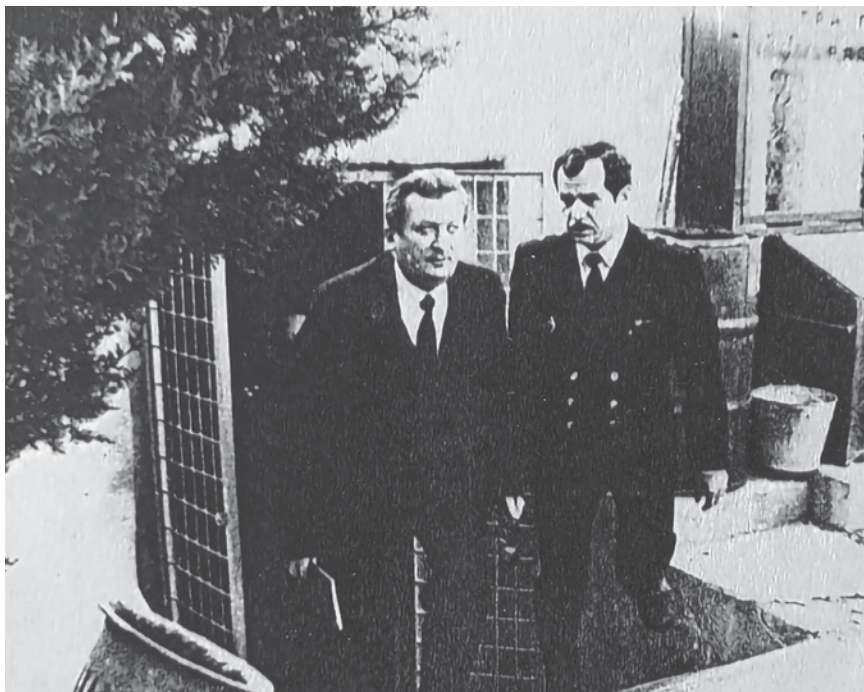
создавали почву для выражения массовых протестов в Баку. С этого дня начались сначала отдельные нападения на армян и их избияния на улицах, а затем и массовые погромы их квартир, и принудительное выдворение их из мест постоянного проживания. Вслед за этим волнения перекинулись и в другие города и районы Азербайджана. В этих условиях Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР 22 ноября 1988 г. ввел в Баку и на значительной территории республики режим особого положения, исполнение которого возлагалось на военных комендантов городов и районов. С 23 ноября в Баку был введен комендантский час.

На следующий день, ближе к полудню, работники республиканской прокуратуры сообщили мне, что меня разыскивает заместитель Генерального прокурора СССР А.Ф. Катусев и попросили срочно ему позвонить. Некоторое время спустя я связался с Александром Филипповичем по телефону и получил от него указание немедленно выехать в Кировабад, где он в это время находился и где происходили масштабные беспорядки на межнациональной почве. Каково будет мое участие в их расследовании, он мне не сообщил.

На следующий день, 25 ноября в 17:30 я вылетел самолетом из Баку и уже в 19 часов мой ЯК-40 приземлился в аэропорту Кировабада. Здесь меня встретили заместитель прокурора города В.С. Грузин и прокурор Гянджинского района (центральной части города Кировабада) М.Л. Набиев. Все вместе мы поехали в образованный комендантом города оперативный штаб особого района, где находился в это время А.Ф. Катусев. По пути следования они мне сообщили, что в связи с введением в городе режима особого положения комендантом города в ночь на 23 ноября введен комендантский час с 22 часов до 6 часов утра.

Минут через двадцать мы приехали в оперативный штаб особого района, располагавшийся на территории 23-й гвардейской Краснознаменной мотострелковой дивизии, коман-

диром которой был генерал-майор П.П. Полях – военный комендант города Кировабада. Помещение оперативного штаба находилось в укрытом под землей бункере. В большой комнате для совещаний в это время было уже много людей.

*На выходе из подземного бункера мотострелковой дивизии,
Катусев А.Ф. (слева) и Мельников А.В.
Кировабад, 25 ноября 1988 г.*

Далее из дневника: «Здесь уже находились: заместитель Генерального прокурора СССР А.Ф. Катусев, заместитель прокурора Азербайджанской ССР М.К. Бабаев, прокурор города Кировабада Э.А. Фаталиев, начальник Главного следственного управления МВД СССР В.Г. Новиков, начальник Главного управления уголовного розыска МВД СССР В.К. Панкин, начальник отдела ГСУ МВД СССР Л.Н. Федоров, начальник отдела

ГУУР МВД СССР В.Ф. Шехватов, начальник УВД г. Кировабада З.В. Дунямалиев, заместитель начальника УВД города по оперативной работе Б.А. Алиев. Как выяснилось, меня здесь уже с нетерпением ожидали. Как только я вошел, А.Ф. Катусев, хорошо зная меня в лицо, так как мы ранее с ним неоднократно общались, тут же представил меня собравшимся здесь должностным лицам как старшего советника юстиции и следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, и сразу сообщил, что теперь руководство следственно-оперативной группой и расследование совершенных в Кировабаде преступлений он возлагает на меня. Я почувствовал по одобрительным возгласам присутствующих на этом совещании, что они с каким-то облегчением восприняли это сообщение. Действительно, наконец-то появилось ответственное должностное лицо, с которого можно будет спросить за всё – и за раскрытие неочевидных преступлений, и за качество следствия, и за законность задержания и освобождения из-под стражи лиц, наконец, за количество привлеченных к уголовной ответственности и количество направленных в будущем уголовных дел в суд. Вот только у меня такой уверенности, что я со всем этим справлюсь, в тот момент как раз и не было, так как ни опыта расследования массовых беспорядков, ни опыта руководства большими следственно-оперативными бригадами я еще не имел. Но мог ли я тогда сказать об этом всем, кто присутствовал на совещании, и прежде всего самому А.Ф. Катусеву? Днем ранее, в телефонном разговоре со мной, он не поставил меня об этом в известность и не спрашивал на то моего согласия. Но мог ли я уронить честь Прокуратуры Союза ССР и ее Следственной части? Мог ли бросить тень на авторитет заместителя Генерального прокурора СССР? Конечно, нет».

Поскольку поток обрушившейся на меня информации захлестывал возможности моей памяти, то прямо на этом первом для меня совещании в Кировабаде я начал делать записи

в попавшийся под руку блокнот, которые в дальнейшем и стали основой для моего Кировабадского дневника.

В процессе докладов и обсуждений на совещании произошедших в минувшие дни событий, а также принимаемых мер к нормализации обстановки в городе, мне стало известно следующее.

21 ноября, около 17 часов, в ходе неконтролируемого властями митинга на центральной площади им. Ленина, толпа экстремистов ворвалась в здание городского комитета компартии Азербайджана и исполнительного комитета городского Совета депутатов, где учинила погром помещений на первом этаже административного здания и дважды поджигала их. Перед этим, в процессе произошедших столкновений с военнослужащими, прибывшими для обеспечения охраны здания, несколько десятков военнослужащих получили ранения различной степени тяжести, был подожжен и поврежден бронетранспортер. В это же время напротив здания военного трибунала и военной прокуратуры Кировабадского гарнизона на улице Азизбекова одним из экстремистов бутылкой с зажигательной смесью был подожжен стоявший там автомобиль КАМАЗ одной из воинских частей с личным составом военнослужащих на борту, которые получили многочисленные ожоги. В этот же день группа азербайджанских националистов под лозунгами «Бей армян!» прорвала оцепление работников милиции у моста через реку Гянджачай и ворвалась через мост в армянскую часть города на правом берегу реки. Здесь они совершили нападение на храм Армянской апостольской церкви Святого Григория Просветителя, разбили стекла в окнах, сорвали с купола храма крест, который унесли в неизвестном направлении, а затем совершили погромы и поджоги в домах армянских семей, избивая при этом их жителей, а также подожгли несколько принадлежавших им автомашин.

22 ноября во второй половине дня на улице Джапаридзе также произошли столкновения между военнослужащими де-

сантной дивизии и участниками массовых беспорядков, пытавшимися вновь прорваться к мосту через реку на противоположный берег. В процессе этого была подожжена одна боевая машина пехоты и несколько военнослужащих получили ранения. Один из участников беспорядков на автомобиле ЗИЛ-130 с выключенным светом фар на большой скорости въехал в военнослужащих, стоявших к нему спиной, и скрылся с места совершенного преступления. В результате этого еще восемь военнослужащих были травмированы, причем травмы троих из них оказались смертельными.

24 ноября свыше тысячи экстремистов совершили нападение на здание УВД города. Совместными действиями личного состава УВД, а также прибывших в город курсантов Краснодарской и Воронежской средних специальных школ милиции, это нападение удалось отразить, и экстремисты не смогли завладеть находившимся в здании огнестрельным оружием. В этот же день был совершен и повторный прорыв азербайджанских националистов в правобережную часть города, где на этот раз им было оказано ожесточенное сопротивление силами армянской самообороны, в том числе и с применением огнестрельного оружия. И те, и другие получили ранения и увечья.

В процессе массовых беспорядков были совершены умышленные убийства, изнасилования, погромы и поджоги государственного и личного имущества граждан, причинены телесные повреждения представителям обеих конфликтующих сторон, а также военнослужащим и работникам милиции.

Стоит ли говорить, что к моменту моего приезда, к вечеру 25 ноября, обстановка в городе была сложной и крайне напряженной. На площади им. Ленина вновь состоялся многотысячный митинг националистов под лозунгами расправы с армянским населением. Кроме этого, уже добавились и лозунги с требованием вывода из города воинских частей и смены руководства города. Дежурной частью УВД только за этот день были зарегистрированы три огнестрельных ранения, повлек-

ших смерть потерпевших, одно изнасилование и 27 погромов квартир в многоквартирных домах в центральной части города, где проживали армянские семьи.

По факту совершения массовых беспорядков прокуратурой города еще 22 ноября 1988 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 72 УК Азербайджанской ССР, и для осуществления расследования из числа следователей органов прокуратуры и милиции города и двух городских районов прокурором города Э.А. Фаталиевым была образована следственная группа. Естественно, что ее сил и возможностей для расследования преступлений такого количества и масштаба было явно недостаточно, к тому же армянское население выражало полное недоверие местным правоохранительным органам в части объективности этого расследования и обеспечения их защиты и безопасности.

К вечеру 21 ноября по ходатайству прокурора Азербайджанской ССР И.А. Исмаилова и последовавшему указанию заместителя Генерального прокурора СССР А.Ф. Катусева следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В.С. Галкин временно откомандировал в Кировабад из Сумгаита, где продолжалось расследование массовых беспорядков, совершенных в феврале 1988 г., 30 следователей, получивших уже опыт расследования таких преступлений. Эти следователи прибыли под началом прокурора следственного управления прокуратуры Горьковской области А.А. Нестерова. Кроме этого, в ночь с 21-го на 22 ноября, по указанию А.Ф. Катусева в Кировабад была командирована и большая группа следователей из Ленинграда, находившихся там на курсах повышения квалификации в Институте усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и внутренних дел. Среди них был 21 следователь военных прокуратур и 28 следователей органов внутренних дел. Еще несколько следователей милиции привез с собой из Степанокерта начальник отдела ГСУ МВД СССР Л.Н. Федоров. Наконец, как оказалось,

еще 23 ноября А.Ф. Катусев подписал постановление о проведении расследования в составе новой следственной группы, в которой я уже был указан в статусе руководителя и был обязан принять это уголовное дело к своему производству. И только на следующий день А.Ф. Катусев дал мне указание выехать из Баку в Кировабад.

Однако даже к исходу 25 ноября не было еще достоверных официальных статистических данных об общем количестве и характере совершенных за эти дни преступлений. Цифры, конечно, были, но они формировались разными центрами приема поступавших сообщений, а именно: дежурной частью УВД, штабом особого района в отношении военнослужащих, городской больницей, куда доставлялись раненные, а также штабом армянской самообороны, расположенном в храме Святого Григория Просветителя. Все они зачастую противоречили друг другу и требовали перепроверки.

Около 21 часа, прямо в момент проходившего оперативного совещания, в помещении появился Николай Алексеевич Емельянов – начальник отдела криминалистики Главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР. Как потом выяснилось, он тоже приехал в Кировабад из Сумгаита по указанию А.Ф. Катусева для оказания практической помощи следователям при назначении экспертиз и криминалистического сопровождения следственных действий. У В.С. Галкина он был включен в состав следственной бригады и осуществлял те же функции. И к нам, как оказалось, он прибыл ненадолго. А.Ф. Катусев также представил его участникам совещания. Ну а мне сразу стало немного спокойнее, так как теперь я мог посоветоваться с ним и получить рекомендации по организации расследования с учетом наработанной в Сумгаите практики расследования подобного рода преступлений. Лишь около 24 часов ночи в сопровождении офицеров-десантников мы с ним уехали отдыхать в гостиницу десантников в их военный городок. Ночь я провел почти без сна и заснул лишь под утро.

Мне пришлось заново переосмыслить ситуацию, в которой я оказался, и свою роль как руководителя масштабного расследования сотен совершенных преступлений. И хотя точных данных об их количестве еще не было, исходя из статистики событий в Сумгаите, их было не меньше. Напомню, что там за три дня погибло 32 человека, 12 женщин было изнасиловано, 120 квартир были подвергнуты погромам и поджогам, 150 единиц транспорта повреждены и сожжены, несколько сот человек получили ранения и увечья различной степени тяжести, из них свыше 200 военнослужащих.

Было достаточно ясно, что мне одному решить весь комплекс возникших задач в сложившейся ситуации невозможно. В то же время, задачи эти нужно было решать как можно быстрее, так как от их решения зависел весь процесс дальнейшей организации расследования очень большой группой следователей и сопровождающих расследование оперативных работников уголовного розыска, которых здесь тоже уже насчитывалось порядка 40 человек. Прежде всего необходимо было обеспечить следователей рабочими местами, переводчиками, экспертами, автотранспортом, сформировать следственные группы по конкретным направлениям расследования. Пока ничего этого не было сделано. Одновременно с этим нужно было изучить материалы уже проведенных следственных действий, особенно в отношении задержанных в качестве подозреваемых. Помимо этого, нужно было решить и бытовые вопросы, связанные с улучшением условий проживания и питания, так как и следователи, и оперативные работники уголовного розыска ночевали в армейских казармах на территории воинской части. Здесь же, в воинской столовой, временно было организовано и двухразовое питание.

Этот перечень организационных вопросов был далеко не исчерпывающим. Для их решения, на мой взгляд, необходимо было образовать какое-то специальное подразделение, функционально обеспечивающее все направления деятель-

ности следственно-оперативной бригады. Именно бригады, а не группы, так как в самой бригаде нужно будет еще организовывать следственные группы, а, возможно, и подгруппы. Постепенно я пришел к выводу, что таким подразделением должен быть штаб следственной бригады, сформированный из числа наиболее лично организованных, работоспособных и дисциплинированных следователей. Но времени на изучение личностных качеств прибывших в Кировабад следователей не было. Поэтому мой выбор остановился на военных следователях органов прокуратуры, как наиболее дисциплинированных, способных к выполнению поставленных задач в чрезвычайных условиях офицеров.

На следующее утро Н.А. Емельянов, которому я сообщил об идее формирования штаба следственной бригады, отнесся к ней более чем прохладно. В качестве аргументации своей позиции по этому вопросу он сообщил, что в Сумгаите в следственной бригаде такой структуры образовано не было и все организационные вопросы там разрешались руководством города и городским прокурором. Организационно расследование там осуществляется следственными группами, образованными по предметному признаку, то есть для расследования конкретных составов преступлений, совершенных в период массовых беспорядков. Но идея формирования штаба всё равно не выходила у меня из головы, тем более что практика образования подобной группы обеспечения уже была опробована в нашей следственной части. Такая группа была образована старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В.И. Калининченком при расследовании многоэпизодного «хлопкового дела» в Узбекистане, в котором я также принимал участие, и доказала свою эффективность.

В 9 часов утра 26 ноября вместе с Н.А. Емельяновым мы провели первое организационное совещание с военными следователями и следователями органов внутренних дел, прибывшими из Ленинграда в количестве 49 человек. Следователи,

прибывшие из Сумгаита под руководством А.А. Нестерова, ночевали в другой казарме и до них информация об утреннем совещании не была доведена своевременно. Н.А. Емельянов представил меня в рабочем порядке собравшимся следователям как руководителя большой следственной группы Прокуратуры СССР. В процессе этого совещания мы выяснили организацию их работы за прошедшие четверо суток с момента их приезда в город. Мы установили, что их действия носили спорадический и эпизодический характер и были основаны на оперативной информации, которая поступала к военному коменданту города, в том числе и от дежурного по УВД, в штаб особого района, где они все и находились. Объективно это было связано еще и с тем, что в городе продолжались массовые беспорядки и работать в городских условиях было ко всему прочему просто опасно, так как экстремисты продолжали нападения на военнослужащих и работников милиции. И всё же в первые дни военными следователями и следователями МВД был организован допрос и видеосъемка всех задержанных за участие в беспорядках лиц, содержащихся на гарнизонной гауптвахте. Допрашивались также военнослужащие, получившие телесные повреждения, были назначены некоторые судебно-медицинские экспертизы, были осмотрены отдельные единицы поврежденной либо сожженной военной техники войсковых частей. Следователями органов внутренних дел, прибывшими из Ленинграда, было осмотрено и определенное количество квартир в центральной части города, по заявлениям о погромах. Однако более полная информация в части осмотров квартир была у следователей из сумгаитской группы, которые отрабатывали это направление. В то же время, раскрытием и расследованием уже совершенных умышленных убийств и изнасилований еще никто конкретно не занимался и это направление ограничивалось лишь назначением судебно-медицинских экспертиз. Вместе с тем, были уже и задержанные лица, подозреваемые в совершении различных

преступлений. Повторюсь, что полной информацией о количестве и характере совершенных преступлений за прошедшие дни никто не владел. Поэтому в процессе совещания я поручил военному прокурору-криминалисту А.А. Комкову, который обладал достаточно полной информацией о совершенных преступлениях в отношении военнослужащих, до конца дня подготовить обобщающую справку о всех совершенных преступлениях в период массовых беспорядков. Кроме этого, военному следователю А.В. Мельникову я поручил подготовить подробную справку о лицах, задержанных в качестве подозреваемых и содержащихся на гарнизонной гауптвахте, и сроках их задержания. К концу совещания к нам подошел и А.А. Нестеров, которого я также попросил включиться в эту работу, так как полную информацию о совершенных преступлениях нужно было собирать из разных источников, а он и его группа находились здесь также с первых дней и обладали определенными данными о количестве погромов и поджогов квартир. Он же и должен был формально руководить в эти дни расследованием.

Тем временем оперативная обстановка в городе постепенно начинала нормализовываться благодаря активным действиям подразделений Министерства обороны и внутренних войск МВД СССР. В то же время еще фиксировались случаи физического насилия над представителями армянского населения, погромы и поджоги их квартир, домов и автотранспорта. Работники милиции обстановку в городе по-прежнему не контролировали и не способны были восстановить правопорядок, а армянское население выражало им полное недоверие.

Ближе к полудню, несмотря на сложную и порой опасную обстановку в городе, мы с Н.А. Емельяновым решили сначала посетить УВД города с целью выяснения возможности представления нам нормальных рабочих мест. Условия работы в бункере на территории мотострелковой дивизии были со-

вершенно неприемлемы. Для передвижения по городу военный комендант выделил нам так называемый «командирский уазик» то есть автомобиль УАЗ-69А с четырехдверным пятиместным кузовом и с водителем, солдатом срочной военной службы. Когда мы приехали в УВД, то в кабинете начальника управления, как нам сообщили в его приемной, были представители руководства союзного МВД. Возвращаться обратно без результатов не хотелось, терять драгоценное время в ожидании мы также не могли себе позволить, поэтому решили зайти в кабинет без приглашения. Здесь в это время, кроме начальника УВД, находились генерал-лейтенант милиции В.К. Панкин – начальник Главного управления уголовного розыска МВД ССР и начальник одного из отделов этого же управления полковник милиции В.Ф. Шехватов. Поскольку вчера и я, и Н.А. Емельянов уже были представлены им А.Ф. Катусевым, то знакомиться и представляться долго не пришлось, и мы продолжили уже совместный разговор по поводу организации нашей общей работы по розыску, задержанию и изобличению преступников, совершивших в городе многочисленные преступления. В процессе этой беседы мне стало известно, что для работы штаба ГУУР МВД СССР здесь, в УВД, уже были выделены служебные помещения. Как бы это ни показалось нескромным, но я всё же сообщил, что основной целью нашего приезда было выяснение возможностей выделения нам служебных кабинетов для работы следователей. Услышав это, Вячеслав Кириллович Панкин сразу же поддержал меня и в свою очередь предложил начальнику УВД и для меня самого выделить здесь кабинет и образовать на его основе штаб следствия Прокуратуры СССР. После такого предложения начальник УВД подполковник милиции З.В. Дунямалиев уже не мог возразить. Что касается меня, то это предложение прозвучало в унисон моим мыслям, и оно мне сразу понравилось. Поэтому после недолгих размышлений я дал свое согласие. Решение это было основано на трех веских

аргументах. Во-первых, на предварительном этапе расследования мы действительно должны были работать в постоянном и тесном взаимодействии с сотрудниками уголовного розыска в целях раскрытия совершенных в городе преступлений и это, наверное, было самое главное. Во-вторых, в здании УВД стабильно работала внутренняя, городская и междугородняя телефонная связь, что было также важно в предстоящей работе. В-третьих, в дежурную часть УВД на регулярной основе поступали сообщения и заявления о совершенных в городе преступлениях, как за текущие сутки, так и за период массовых беспорядков, и мы, своевременно получая эту информацию, могли бы оперативно на нее реагировать. Наконец, здание УВД, после совершенной попытки его захвата толпой экстремистов, сейчас усиленно охранялось военнослужащими внутренних войск МВД снаружи и курсантами Воронежской средней специальной школы милиции внутри, что гарантировало безопасные условия для работы и сохранность материалов следствия и вещественных доказательств. В процессе осмотра, проведенного вместе с заместителем начальника УВД Б.А. Алиевым, мы отобрали три рабочих кабинета, а также кабинет марксистско-ленинской подготовки, так называемую «Ленинскую комнату» для больших и совместных с сотрудниками уголовного розыска совещаний.

После обеда в столовой УВД, что было не менее важным фактором в пользу выбора этого помещения для дальнейшей работы, возвратившись в войсковую часть, мы вместе с Н.А. Емельяновым подключились к работе, проводимой А.А. Комковым, А.В. Мельниковым и А.А. Нестеровым над обобщенной сводкой совершенных преступлений и справкой в отношении задержанных лиц. Я привез из дежурной части УВД копии суточных оперативных сводок о преступлениях и происшествиях, зарегистрированных за период с 21 по 25 ноября. Преступления, совершенные за первую половину дня 26 ноября, выписал из журнала учета от руки. Эти суточные

сводки были положены за основу составляемой обобщенной информации. Однако они были далеко не полными. Работа проходила нервно, напряженно, требовала многократных перепроверок, в том числе и с выездом в городскую больницу, откуда сведения о госпитализации раненых и оказания им медицинской помощи только в приемном отделении либо вообще не поступала в УВД, либо поступала не системно, от случая к случаю, когда позволяло время. Или, например, имелись протоколы осмотров разгромленных квартир, где проживали армянские жители, а письменные заявления потерпевших отсутствовали, и информация о погромах этих квартир в сводках УВД и штабе особого района не значилась. И такие противоречия в источниках информации создавали нервную обстановку и ненужные споры. Лишь к полуночи эта сводка наконец обрела объективно обобщенный итоговый вид. За шесть дней, включая текущий, было совершено 4 умышленных убийства (из них одно двойное), одно групповое травмирование военнослужащих автомобилем, повлекшее смерть трех человек, 4 изнасилования, причинены телесные повреждения различной степени тяжести 168 гражданам, 72 военнослужащим и 15 работникам милиции, сожжены 5 десантных бронетранспортеров, одна автомашина КАМАЗ, принадлежащая воинской части, выведена из строя передвижная штабная радиостанция, сожжены 2 автомобиля госучреждений и 8 автомобилей граждан, совершено нападение и погром административного здания городского комитета Компартии Азербайджана и горисполкома Совета депутатов, совершены нападения на УВД города и военизированные пожарные части № 42 и № 43, совершены нападения, погромы и поджоги 159 квартир и жилых домов граждан армянской общины. Итого 444 эпизода преступлений.

Что касается задержанных по подозрению в совершении преступлений согласно ст. 119 УПК Азербайджанской ССР, то таких набралось 29 человек, задержанных за нарушение комендантского часа – 125 человек. Как я и предполагал, работа

с задержанными лицами носила бессистемный и бесконтрольный характер, не содержала элементов методики поиска и закрепления доказательств в совершении преступлений, в которых они подозревались, не говоря уже о раскрытии иных совершенных ими преступлений. Сроки задержания истекали уже сегодня по троим задержанным, а еще в отношении десятерых сроки задержания истекали на следующий день. Удалось найти и следователей, у которых были материалы следствия по задержанным с истекшими сроками. Изучив их, я понял, что оснований для получения санкции на их арест в материалах дела не имелось. Не были проведены опознания и очные ставки с потерпевшими, да и в тех условиях провести их было невозможно. Все доказательства основывались на показаниях потерпевших и отдельных свидетелей. Читая эти материалы, я вдруг вспомнил о вступившем в действие 24 ноября Указе Президиума Верховного Совета СССР от 23.11.1988 г. «О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР», текст которого передал мне в УВД генерал В.К. Панкин. Согласно этому указу, в населенных пунктах, в которых был введен комендантский час, активных участников массовых беспорядков можно было задерживать в административном порядке сроком на 30 суток. Право применения задержания данный указ предоставлял должностным лицам органов внутренних дел и внутренних войск. Словом, это была та самая «палочка-выручалочка», которая предоставляла нам возможность в течение длительного времени собирать доказательства в отношении административно задержанных лиц об их участии в совершении преступлений, достаточные для избрания им меры пресечения – содержания под стражей. Так мы и поступили в отношении этих троих задержанных, но в связи с поздним временем суток оформление протоколов об их административном задержании было осуществлено только на следующий день.

Из дневника: «27 ноября, воскресенье. В 9 часов заместитель Генерального прокурора СССР Александр Филиппович Катусев провел совещание со всеми следователями нашей следственной бригады. В большом помещении бункера, предназначенном для совещаний офицерского состава дивизии, набилось порядка 80 человек. Разместились на деревянных скамейках, но мест всё равно не хватило, поэтому многие стояли в проходах и возле стен. В совещании также приняли участие заместитель прокурора Азербайджанской ССР М.К. Бабаев, начальник отдела Главного следственного управления Прокуратуры СССР Н.А. Емельянов, прокурор города Кировабада Э.А. Фаталиев. Александр Филиппович официально представил меня всем следователям следственной бригады как ее руководителя (хотя вчера это уже сделал Н.А. Емельянов). После этого он охарактеризовал общую оперативную обстановку в городе, привел предварительно установленные нами данные статистики о количестве и характере совершенных в городе в период массовых беспорядков преступлений и поставил задачи следователям. Наряду с выявлением и задержанием лиц, совершивших эти преступления, и их расследованием, одной из важнейших задач стало выделение в отдельное направление и выявление организаторов массовых беспорядков. Кроме этого, необходимо было дать и юридическую оценку действиям работников милиции по своевременному пресечению беспорядков. Здесь же на совещании он объявил о своем отъезде в Баку».

Сразу после окончания совещания, используя момент присутствия на нем всех следователей, я объявил, чтобы следователи, имевшие материалы на задержанных в качестве подозреваемых лиц, подошли с ними к А.А. Комкову и А.А. Нестерову для их изучения, дачи пояснений по материалам дела и подготовки постановлений об избрании меры пресечения. Речь, конечно, шла о тех задержанных, по которым уже сегодня истекали сроки задержания. Одновременно с этим А.А. Комкову и А.А. Нестерову я поручил изучить эти материалы и при необ-

ходимости доработать их со следователями, за которыми числились задержанные лица, в части проведения очных ставок с потерпевшими. А.В. Мельников получил указание съездить в УВД города с материалами дела на троих задержанных в качестве подозреваемых лиц к заместителю начальника по оперативной работе Б.А. Алиеву и обеспечить составление на них протоколов об административном задержании согласно Указу ПВС СССР от 23.11.1988 г.

Примерно через час после совещания мы поехали с Н.А. Емельяновым провожать А.Ф. Катусева и М.К. Бабаева в аэропорт. Вместе с нами поехал и прокурор города Э.А. Фаталиев. Уже в аэропорту нам удалось наконец-то переговорить с ним и договориться о встрече в прокуратуре города. На прощанье Александр Филиппович сказал мне, что теперь я остаюсь в Кировабаде юридическим начальником с неограниченными полномочиями. Однако при этом тут же дал мне указание периодически информировать его о ходе и результатах расследования по телефону. Мы простились, после чего А.Ф. Катусев и М.К. Бабаев поднялись в ожидавший их на взлетном поле вертолет и вылетели на нем в Баку.

Ну а мы все втроем поехали в прокуратуру, где у нас наконец-то состоялся обстоятельный разговор с прокурором города Эрзолом Аюбовичем Фаталиевым по вопросам организации деятельности образованной следственной бригады Прокуратуры СССР. В разговоре также принял участие и заместитель прокурора города В.С. Грузин. Узнав о моем решении расположить штаб следствия в здании УВД, Эрзол Аюбович очень обиделся и расценил это решение как выражение недоверия лично ему и всему коллективу прокуратуры города. Однако после того, как я привел ему все аргументы в пользу этого решения, он понемногу успокоился и признал их обоснованность в связи с организацией раскрытия десятков, а возможно и сотен, совершенных преступлений (как оказалось впоследствии, их было значительно больше). И всё же он выделил для

меня лично один из кабинетов в здании прокуратуры с тем, чтобы я в любое время по своему усмотрению мог проводить здесь следственные действия, чем я в дальнейшем неоднократно пользовался при проведении допросов, очных ставок и предъявлении обвинений лицам, совершившим наиболее тяжкие преступления. Помимо этого, Э.А. Фаталиев согласился выделить нам еще два кабинета в городской прокуратуре и по два кабинета в районных прокуратурах города для работы следователей, а также передать нам три-четыре пишущих машинки. И это, конечно, была «капля в море» в вопросе обеспечения рабочих мест следователей бригады даже в той численности, в которой она была на первоначальном этапе. Что же касается вопросов размещения членов бригады в гостинице, обеспечения их питанием, а также автотранспортом, то в этих вопросах возможности прокурора были ограничены и он переадресовал нас для их разрешения к руководству города, то есть к первому секретарю горкома партии и председателю горисполкома. В конце нашей беседы Э.А. Фаталиев сообщил мне, что со вчерашнего дня он временно освободил своего заместителя Валерия Семеновича Грузина, который присутствовал на нашей встрече, от исполнения им своих обязанностей и откомандировывает его в наше распоряжение для решения возникающих текущих организационных вопросов. Он также порекомендовал включить его в состав объединенной следственной бригады как имевшего в прошлом опыт следственной работы, что мы и сделали.

Здесь же, в кабинете прокурора города, я ознакомился с подписанным А.Ф. Катусевым 23 ноября постановлением о создании следственной группы для расследования массовых беспорядков в г. Кировабаде, здесь же вынес и свое первое постановление о принятии уголовного дела к своему производству. Все эти постановления, а также постановление о возбуждении уголовного дела по факту массовых беспорядков,

которое вынес прокурор города 22 ноября, я забрал с собой, и мы возвратились в наш подземный бункер на территорию воинской части.

К этому времени уже были изучены материалы в отношении лиц, задержанных в качестве подозреваемых, срок задержания которых истекал сегодня. А.А. Комков доложил мне, что в отношении двух задержанных лиц не были проведены ни опознания, ни очные ставки с потерпевшими и проведены быть уже не могут, так как потерпевшие в качестве беженцев выехали из города в неизвестном направлении. Еще в отношении четырех задержанных потерпевшие и свидетели прямо указали фамилии и имена лиц, совершивших преступления, и пока этого было достаточно для избрания в отношении них меры пресечения. Еще по четырем делам следователи выехали к потерпевшим в целях организации очных ставок в условиях гарнизонной гауптвахты военной комендатуры, где содержались задержанные. Таким образом, решение вопроса об административном аресте либо об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении подозреваемых откладывалось на следующий день.

После этого мы приступили к сбору документов и вещественных доказательств, изъятых с мест происшествия и хранившихся здесь же в помещении в превеликом множестве, для переезда в отведенные нам помещения в здании УВД города. В процессе этого активные пояснения по тем и другим вещдокам стал давать находившийся здесь следователь милиции С.Ф. Сулайманов, прибывший сюда в числе других следователей из Ленинграда, но постоянным местом его службы был город Ташкент. Недолго думая, я тут же назначил его ответственным за этот участок работы, так как утрата вещественных доказательств исключала возможности дальнейшего назначения и проведения судебных экспертиз, а значит, влекла за собой и утрату объективных доказательств как ви-

новности, так и невиновности обвиняемого в совершении преступления лица. Уже вечером этого воскресенья, около 18 часов мы перевезли все документы и вещдоки в здание УВД. Здесь мы обустроились и на следующее утро я сразу назначил первое совещание со следователями, за которыми числились задержанные лица в качестве подозреваемых в совершении преступлений, по которым уже истекли или истекали сроки их задержания. Необходимо было окончательно проанализировать имевшиеся в материалах дела доказательства их участия в совершении этих преступлений и решить вопрос об избрании им меры пресечения. Об этом я дал указание А.А. Комкову, А.В. Мельникову и А.А. Нестерову.

Каково же было мое удивление, когда час спустя в мой еще не обжитый рабочий кабинет в сопровождении Н.А. Емельянова вошел Александр Васильевич Фролов – заместитель начальника следственной части Прокуратуры Союза ССР, мой непосредственный начальник. Да, недолго же мне пришлось пробить в Кировабаде «юридическим начальником», которым назначил меня А.Ф. Катусев. Вместе с удивлением я тут же испытал и чувство огромного облегчения от тяжести свалившихся на меня проблем и задач. Это была большая удача. Теперь нас будет двое. И конечно, Александр Васильевич обязательно возьмет на себя решение целого ряда организационных вопросов и задач. В этом я был теперь абсолютно уверен, так как ранее уже имел большой опыт общения с ним по находившимся в моем производстве в прошлом уголовным делам, которые он курировал, и за это время я приобрел в его лице единомышленника и старшего по должности товарища. Мы проговорили с ним тогда до поздней ночи по всему комплексу вопросов организации начавшегося в Кировабаде расследования массовых беспорядков. А это были и вопросы формирования следственных групп дополнительным количеством следователей, и обеспечение их рабочими ме-

стами, пишущими машинками и бланками процессуальных документов, а также уголовными и уголовно-процессуальными кодексами Азербайджанской ССР на русском языке. Необходимы были также переводчики и судебно-медицинские эксперты для проведения сотен судебных экспертиз. Для передвижения по различным адресам необходимы были транспортные средства. Также остро стояли вопросы организации быта и обеспечения нормальных условий для проживания и питания. За прошедшие 5 дней с момента возбуждения уголовного дела ни один из этих вопросов ни А.Ф. Катусевым, ни М.К. Бабаевым, ни Э.Ф. Фаталиевым, ни тем более А.А. Нестеровым, остававшимся формальным руководителем следственной группы до моего приезда, решены не были. Александр Васильевич, быстро оценив объем и сложность подлежащих решению задач, сразу же поддержал мое предложение о формировании официального штаба следственной бригады из числа прикомандированных в бригаду следователей для обеспечения организации ее работы по всему комплексу затронутых мной вопросов.

На следующий день с утра, в понедельник 28 ноября, А.В. Фролов вместе с Н.А. Емельяновым уехали на встречу со вторым секретарем городского комитета Компартии Азербайджана (поскольку первый был ранее эвакуирован из города) Д.М. Мамедовым и председателем исполкома городского Совета депутатов С.Ф. Мамедовым по вопросам размещения следователей и оперативных работников органов внутренних дел в одной из городских гостиниц, а также обеспечения следственно-оперативных групп автотранспортом. Я же с утра провел в своем рабочем кабинете первое совещание со следователями, у которых истекли сроки задержания подозреваемых в совершении преступлений лиц. Выяснилось, что в воскресенье удалось провести в сложных технических условиях очные ставки между тремя потерпевшими и подозреваемыми. В отношении еще одного задержанного очную

ставку проводить было не с кем, так как потерпевшие покинули город в качестве беженцев. Таким образом, по докладам следователей органов внутренних дел и А.А. Комкова, изучившего только часть материалов, основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу были только в отношении семи человек. Тем не менее я потребовал все материалы положить мне на стол и стал самостоятельно их изучать. В процессе изучения я обратил внимание на то, что ни одному подозреваемому еще не были предъявлены обвинения в совершении преступлений. Да, им можно было избирать меру пресечения в виде заключения под стражу без предъявления обвинения на срок до 10 суток в порядке ст. 167 УПК Азербайджанской ССР. Но ведь в отношении троих подозреваемых уже были проведены очные ставки и это давало основания для предъявления им обвинений. Поэтому я дал указание следователям сейчас же, здесь в УВД, подготовить постановления о привлечении в качестве обвиняемых и дать их мне на подпись, после чего предъявить им обвинения, а затем уже выходить на постановления об избрании им меры пресечения. Однако даже такие постановления вызывали у следователей затруднения, они не могли составить фабулу описательной части обвинения и мне пришлось ее составить самостоятельно, после чего им оставалось описать только объективную сторону совершенных преступлений. Мне пришлось несколько раз возвращать эти постановления на доработку. Это вызвало у меня чувство большой тревоги за уровень профессиональной подготовки прикомандированных следователей милиции и за качество дальнейшего расследования. В отношении же тех подозреваемых лиц, с которыми очные ставки с потерпевшими уже не могли быть проведены в связи с выездом последних, мы с А.А. Комковым также приняли решение о переоформлении их задержания в административном порядке на 30 суток. В течение этого срока их

нужно было еще проверять на причастность к другим эпизодам совершенных в этот период преступлений. Эту часть работы по горячим следам пошел выполнять А.В. Мельников и это уже не представляло сложности, так как мы теперь размещались здесь же, в здании УВД. Вместе с тем, прибывшего к нам В.С. Грузина, который привез нам в кабинет обещанные прокурором города печатные машинки, я попросил обеспечить следователей автотранспортом и участием переводчиков для организации предъявления обвинения троим подозреваемым. И только к 18 часам эта работа была выполнена и обвинения троим подозреваемым в совершении погромов квартир от моего имени были наконец предъявлены. К этому времени, по приглашению В.С. Грузина в УВД прибыли прокуроры Гянджинского района М.Л. Набиев и Кяпазского района А.А. Аскеров. Рассмотрев представленные следователями материалы дела, районные прокуроры санкционировали арест первых трех обвиняемых и четырех подозреваемых в погромах квартир сроком на два месяца (последним в случае предъявления обвинения в течение 10 дней). Так началась наша работа по восстановлению законности и правопорядка в подвергнутом жестоким испытаниям городе.

Возвратившись немного назад, следует сообщить о результатах встреч, проведенных А.В. Фроловым и Н.А. Емельяновым с руководителями города. Они возвратились примерно в 11 часов и попали как раз под «раздачу» следователям, готовившим постановления о привлечении в качестве подозреваемых. Когда я немного успокоился, то они мне сообщили, что договорились с руководством города о нашем переселении в гостиницу «Гянджа», расположенную в центре города, и о выделении нам из городского таксопарка восьми автомобилей «Волга» ГАЗ-24. Кроме этого, одну автомашину «Волга», которая обслуживала горком партии, секретарь горкома выделил непосредственно для руководителя следствия. Это сразу

подняло мое настроение, так как появились первые реальные результаты по улучшению организации нашей работы.

А дальше до самого вечера я и подключившийся к этой работе А.В. Фролов стали проводить собеседования со следователями в целях выявления их опыта и компетенции в раскрытии и расследовании конкретных видов преступлений, а также отбора кандидатов для работы в штабе, хотя их я уже для себя обозначил. И в то же время не могу сказать, что нам легко удалось решить последний организационный вопрос, так как ни А.А. Комков, ни А.В. Мельников своего согласия первоначально на постоянную работу в штабе не давали и рвались на «живую» следственную работу по раскрытию и расследованию совершенных убийств и преступлений в отношении военнослужащих. Но всё же нам удалось где-то методом разъяснения и убеждения, а где-то методом принуждения получить их согласие на эту не менее важную работу. Присмотревшись к ним за эти дни, я отметил, что они отличались повышенным чувством ответственности к данным им поручениям и исполнительской дисциплиной. В 20 часов мы провели первое организационное совещание, к которому я подготовил согласованное с А.В. Фроловым свое первое распоряжение как руководителя следственной бригады. Это распоряжение я и огласил участникам того совещания.

Далее из дневника: «Согласно распоряжению от 28 ноября начальником штаба следственной бригады Прокуратуры СССР был назначен полковник юстиции Комков Александр Александрович – военный прокурор-криминалист военной прокуратуры Прибалтийского военного округа, заместителем начальника штаба назначен майор юстиции Мельников Александр Васильевич – следователь по особо важным делам военной прокуратуры Черноморского флота, помощниками начальника штаба назначены капитан юстиции Панасюк Сергей Валерьянович – помощник военного прокурора

прокуратуры Хмельницкого гарнизона Киевского военного округа и лейтенант милиции Сулайманов Садриддин Фазлиддинович – следователь следственного отдела МВД Узбекской ССР по Ташкентской области». Каждому из них этим распоряжением были поставлены задачи и определены их функции. Так, А.А. Комков должен был обеспечить ведение учета всех эпизодов, совершенных в период массовых беспорядков с 21 по 26 ноября преступлений, регистрацию всех материалов по которым имелись задержанные лица в порядке ст. 119 УПК Азербайджанской ССР, а также задержанные по Указу ПВС СССР от 23 ноября 1988 г. и контроль за сроками их задержания. Кроме этого, ему поручалось также обеспечить и регистрацию всех сообщений, заявлений и жалоб граждан. К этому времени количество задержанных лиц, без учета уже арестованных, составляло 22 человека. Всю эту работу А.А. Комков должен был исполнять совместно с С.В. Панасюком, в связи с большим ее объемом и степенью ответственности. А.В. Мельникову была поставлена задача обеспечить кадровую работу по учету, контролю и расстановке личного состава следственной бригады по направлениям работы, а также подготовку постановлений об изменении состава следственной бригады в связи с ее пополнением и ротацией следователей. Нельзя сказать, что Александр Васильевич с «большой радостью» согласился на эту работу. Она казалась ему скучной неинтересной и неактуальной в условиях нашего пребывания в Кировабаде. Но всё же мы уговорили его хотя бы временно, но приступить к ней. На первом этапе ему было нелегко составить характеристики 80 человек следователей, представлявших разные союзные ведомства. Не все с охотой заполняли разработанный им листок по учету кадров, а порой и вообще отказывались это делать, поскольку считали эту информацию нужной только тому ведомству, которое направило их сюда. В дальнейшем

всё же эта работа его «захватила», он осознал ее значимость, полностью в нее погрузился и успешно с ней справлялся. Наконец, С.Ф. Сулайманову была поручена работа по обеспечению регистрации, сохранности и контролю за движением вещественных доказательств, изъятых по материалам дела, а также в будущем учет и контроль за движением пишущих машинок, которые мы планировали получить из различных источников. Этим же распоряжением были назначены и руководители следственных групп по расследованию конкретного вида преступлений, предусмотренных особенной частью Уголовного кодекса Азербайджанской ССР.

Далее из дневника: «Так, руководителем группы по расследованию умышленных убийств был назначен полковник юстиции Смирнов Борис Михайлович, следователь по особо важным делам прокуратуры Уральского военного округа; руководителем группы по расследованию изнасилований – подполковник юстиции Ожерельев Вячеслав Васильевич, старший следователь военной прокуратуры Московского военного округа; руководителем группы по расследованию умышленных причинений телесных повреждений различной степени тяжести как гражданским лицам, так и военнослужащим и работникам милиции – подполковник юстиции Суворов Александр Андреевич, военный прокурор-криминалист военной прокуратуры Московского военного округа ПВО; руководителем группы по расследованию поджогов, уничтожения и повреждения автотранспортных средств и боевой техники воинских частей – капитан юстиции Рубцов Геннадий Васильевич, помощник военного прокурора Барановичского гарнизона Белорусского военного округа; руководителем группы по расследованию погромов и поджогов госучреждений – майор милиции Толяренко Валерий Васильевич, старший следователь следственного управления УВД Красноярского крайисполкома; руководителем

группы по расследованию погромов и поджогов квартир и домов граждан – майор милиции Андронов Анатолий Анатольевич, старший следователь следственного отдела УВД Читинского облисполкома». Без должности остался только А.А. Нестеров, который по этому поводу высказывал свои обиды. Однако, во-первых, за минувшие три дня я оценил его нерасторопность и неисполнительность в части моих поручений, во-вторых, и это было самым главным, А.Ф. Катусев сказал мне, что группа из Сумгаита придана нам на срок не более двух недель, о чем сам А.А. Нестеров, конечно, еще не знал. Поэтому мы поставили его в группу А.А. Андропова на позицию его заместителя, хотя и там он всё время конфликтовал со своим начальником, а уже 4 декабря он вместе с остальными следователями возвратился в Сумгаит. Здесь же на совещании была сформирована и группа дежурных следователей при штабе следственной бригады. Им вменялось в обязанности осуществлять прием граждан с жалобами и заявлениями о ранее совершенных преступлениях, осмотр мест происшествия по таким заявлениям, допрос потерпевших и свидетелей с последующей передачей материалов первоначальных следственных действий в соответствующую следственную группу.

Так прошли мои первые три рабочих дня в Кировабаде и начался мой Кировабадский дневник, который я вел в последующем почти ежедневно. В дальнейшем я буду к нему обращаться только по случаю значительных событий, которые нам предстояло тогда еще пережить и которые надолго отложились в моей памяти.

Штаб следственной бригады

Шли дни, мы переехали наконец-то в гостиницу «Гянджа», расположенную в центре города. В ресторане на первом этаже гостиницы было организовано трехразовое питание. Наши бытовые условия сразу значительно улучшились, что заметно повысило настроение следователей и оперативных работников. На помощника начальника штаба С.Ф. Сулейманова дополнительно возложили полномочия коменданта гостиницы касательно состава нашей следственно-оперативной бригады. Наряду с местным администратором и директором гостиницы он вел свой учет по заселению и освобождению номеров, наличию свободных мест, а также обеспечивал предотвращение подселения в гостиницу посторонних граждан. Попытки подселить к нам посторонних людей мы пресекали неоднократно. Чем больше задерживали мы участников массовых беспорядков, тем чаще искали контакты со следователями заинтересованные в результатах следствия лица.

По указанию городского комитета компартии и горисполкома таксопарк выделил для обслуживания наших следственных групп восемь автомобилей «Волга» ГАЗ-24. Первой оказией из Баку мы получили дополнительное количество процессуальных следственных бланков, а самое главное – УК и УПК Азербайджанской ССР на русском языке, а еще 20 печатных машинок. Остальные машинки добрали под сохранные расписки в местных госучреждениях.

В начале декабря, с учетом предстоящего отъезда следователей из сумгаитской бригады, мы получили и первое пополнение нашей следственной бригады двумя группами следователей органов прокуратуры. Первая группа из 18 человек состояла в основном из очень молодых как по возрасту, так и по опыту работы прокурорских работников, имевших классные чины младших юристов и юристов 3-го класса. Было очевидно,

что рассчитывать на их профессиональный опыт в раскрытии и расследовании тяжких преступлений мы не могли. А вот прибывшая вслед за первой вторая группа следователей органов прокуратуры в количестве 10 человек состояла из опытных следователей спецпрокуратур, подчиненных 2-му Управлению Прокуратуры Союза ССР. Большинство из них были следователями по особо важным делам и имели чины юристов 1 класса, младших советников и советников юстиции. Среди них были Г.И. Шевченко, В.Д. Николаев, О.И. Колпаков, В.П. Зимин и другие. Их профессиональный опыт в дальнейшем придал качественный импульс в организации расследования наиболее тяжких преступлений, совершенных в период массовых беспорядков. Новое пополнение следователей позволило нам принять решение о завершении работы следователей из сумгаитской бригады В.С. Галкина, которые прибыли в Кировабад в самый сложный период на начальном этапе расследования. Поблагодарив их за работу, 4 декабря мы проводили их обратно в Сумгаит, где еще продолжалось расследование преступлений, совершенных в период массовых беспорядков в феврале 1988 г. Вместе с ними в Сумгаит возвратился и начальник отдела криминалистики ГСУ Прокуратуры Союза ССР Н.А. Емельянов.

Всю работу по ротации следователей, связанную с приемом-передачей материалов дела (протоколов осмотров мест происшествия, протоколов допросов свидетелей и потерпевших, заявлений потерпевших, заключений судебно-медицинских экспертиз, вещественных доказательств), а также распределением вновь прибывающих следователей по следственным группам обеспечивали члены штаба следственной бригады совместно с руководителями образованных следственных групп. После ротации общая численность следователей в бригаде, с учетом вновь прибывших и ушедших, не изменилась, в то же время вопрос увеличения ее численности день ото дня становился всё более и более актуальным. И для этого были объективные причины.

Руководитель следственной бригады Кондратов А.И. и заместитель начальника штаба Мельников А.В. за подготовкой документов к оперативному совещанию. Кировабад, 3 декабря 1988 г.

Основными задачами начальника штаба следственной бригады и его помощников являлись регистрация и учет всех эпизодов совершенных в период массовых беспорядков преступлений и контроль за их раскрытием с учетом выявления подозреваемых и обвиняемых в их совершении лиц. Как я отмечал ранее, по состоянию на утро 27 ноября нами было зарегистрировано 444 эпизода различных преступлений. К концу ноября обстановка в городе стала нормализовываться, силами военнослужащих была разблокирована правобережная часть города и разобраны баррикады через мосты реки Гянджачай, а также на ближайших к ним улицах. После того, как отряды армянской самообороны допустили наших следователей к осмотрам поврежденных домов, имущества и автотранспорта,

новые заявления о совершенных преступлениях и возмещении причиненного материального ущерба стали ежедневно поступать в наш штаб как из «рога изобилия». Группа дежурных следователей уже была не в состоянии выполнять первоначальные следственные действия и ограничивалась лишь приемом заявлений о совершенных преступлениях и их регистрацией. Мало того, значительная часть армянского населения, проживавшая как в правобережной части города, так и в центральных его районах левобережной части, стала покидать город в качестве беженцев. Они выезжали в Армению, Краснодарский край, в Ростов-на-Дону и другие города страны. И вот из новых мест жительства по почте также стали поступать от них заявления о погромах домов и квартир, поджогах и уничтожении автомобилей, причинении телесных повреждений, разбойных нападениях и грабежах личного имущества, ну и, конечно, о возмещении причиненного ущерба. Как стало известно уже значительно позже, часть таких заявлений дублировалась членами семей, разъехавшихся в разные города, что арифметически значительно увеличивало регистрацию количества эпизодов преступлений и количество потерпевших. Вот этот регистрационный вал и захлестнул членов нашего штаба, так как учет эпизодов преступлений в журнале учета велся вручную. Еще сложнее было «привязать» к этим эпизодам лиц, давших признательные показания об участии в массовых беспорядках. Очевидно было только одно. В связи со значительным ростом выявляемых преступлений следственная группа по расследованию погромов и поджогов домов и квартир под руководством А.А. Андросова, насчитывавшая 30 следователей, уже чисто физически не успевала выполнять первоначальные следственные действия по всем поступающим заявлениям и требовала увеличения своей численности в разы. Пришлось временно увеличить ее за счет перевода следователей из других направлений расследования.

Руководитель следственной бригады Кондратов А.И. заслушивает информацию о работе по раскрытию совершенных преступлений организованными группами лиц. Кировабад, декабрь 1988 г.

Что же касалось статистики по раскрытию совершенных преступлений, то этот вопрос в первую очередь, конечно, волновал наших коллег из штаба ГУРР МВД в Кировабаде. Они, также как и мы, путались в количестве эпизодов преступлений, которое увеличивалось изо дня в день, и в тех эпизодах, которые можно было считать раскрытыми с учетом задержания подозреваемых лиц и дачи ими показаний об участии в тех или других совершенных преступлениях. На повестке остро стоял вопрос о необходимости применения технических средств регистрационного учета. Сотрудники ГУУР МВД, работавшие вместе с нами, подсказали, что можно попытаться запросить ГИЦ МВД СССР о выделении в Кировабад комплекса ЭВМ для электронной обработки вводимой информации. Но этот вопрос требовал детальной аргументации и длительных согласований внутри ведомства.

Тогда оказалось, что начальник ГУУР МВД В.К. Панкин мог бы по-дружески переговорить по этому вопросу с заместителем министра внутренних дел СССР Б.В. Заботиным, курировавшим ГИЦ МВД. Конечно, я сразу позвонил в Москву и переговорил по телефону с Вячеславом Кирилловичем. Он обещал нам помочь в этом вопросе. Буквально через 3 дня в Кировабад прилетели сотрудники ГИЦ МВД СССР и привезли с собой персональную электронно-вычислительную машину ПЭВМ ЕС-1840, изготовленную Минским производственным объединением вычислительной техники. Так мы обошли все согласования и обоснования нашей просьбы. Машину долго настраивали после перелета, но на следующий день работники нашего штаба и штаба уголовного розыска начали интенсивно вводить в ЭВМ всю накопленную журнальную информацию об эпизодах совершенных преступлений и лицах, их совершивших.

Однако судьбой нам было уготовлено еще одно испытание на этом пути. К сожалению, в самый разгар этой работы 14 декабря по семейным обстоятельствам убыл к постоянному месту службы и жительства в г. Ригу начальник штаба Александр Александрович Комков. С одной стороны, основания его возвращения домой были весомыми – тяжелое заболевание матери, а с другой стороны было обидно, что большая организаторская работа, начатая им, может утратить в его лице активный потенциал, и привести к торможению процесса самого ответственного периода перестройки регистрационного учета преступлений, в который он уже глубоко погрузился. Этот отъезд мог отрицательно сказаться и на эффективности работы штаба в целом. Ему срочно нужна была равнозначная и полноценная замена. В этот же день я принял кадровое решение и своим распоряжением за № 2 исполняющим обязанности начальника штаба следственной бригады (с учетом надежды на возвращение А.А. Комкова) назначил Бориса Михайловича Смирнова, руководившего до этого группой по расследованию умышленных убийств. В то же время руководителем этой группы был

назначен советник юстиции Николаев Валерий Дмитриевич – следователь по особо важным делам в/ч 9380 2-го Управления Прокуратуры Союза ССР. Этим же распоряжением на позицию помощника начальника штаба из группы дежурных следователей я перевел и капитана юстиции Горелова Виктора Анатольевича – старшего следователя военной прокуратуры Сибирского военного округа, так как, находясь в составе дежурной группы, он наиболее активно занимался регистрацией вновь поступавших заявлений и проявлял незаурядные способности к статистической и аналитической работе.

Все последующие дни члены нашего штаба вместе с коллегами из штаба уголовного розыска с утра до позднего вечера вводили в ЭВМ эпизоды, уже зарегистрированных ранее и выявляемых в последние дни преступлений, а также сведения о лицах, причастных к их совершению. В результате этой огромной и кропотливой работы многие эпизоды были объединены, в связи с их дублированием из разных источников информации, либо регистрацией в разные дни. В то же время из одного эпизода было перерегистрировано сразу несколько других. Например, сначала был зарегистрирован только пожар и поджог жилого дома, однако в последующем у этих же потерпевших выявлены были телесные повреждения, а после возвращения из медучреждения выявлена кража принадлежавшего им личного имущества.

К 18 декабря, когда была закончена эта работа, общее количество преступлений, введенных в ЭВМ, составило 1361. То есть за 21 день после 27 ноября количество зарегистрированных преступлений увеличилось на 917 эпизодов. Это обстоятельство являлось серьезным основанием для возбуждения ходатайства перед руководством Прокуратуры Союза ССР и МВД СССР об увеличении численности нашей бригады. Но и это было не самым главным результатом обработки введенной в ЭВМ информации. Самым важным ее результатом явилось осознание необходимости структурной реорганизации

Штаб ГУУР МВД СССР, обсуждение плана перехода к новой организации и раскрытия преступлений. Слева направо: Курьянов Н.Н., Храпов И.Ф., Гусаров В.В. (ГУУР), Смирнов Б.М. (штаб следствия), сотрудник ГИЦ МВД, Тресков Н.П. (ГИЦ МВД), Горелов В.А. (штаб следствия). Кировабад, декабрь 1988 г.

дальнейшего расследования. При текущем положении дел и сохранении выстроенной организации расследования по предметному признаку, то есть по расследованию преступлений конкретного вида, выявилась неприглядная картина дублирования следственных действий разными следователями с одними и теми же потерпевшими, поскольку эпизоды регистрировались с их фамилиями. Это обстоятельство влекло за собой с одной стороны нарушение процессуальных норм уголовного судопроизводства, с другой стороны необоснованные трудозатраты рабочего времени следователей. И, наконец, вызывало безусловно справедливые возмущения потерпевших в адрес следствия. Возьмем, к примеру эпизод,

связанный с погромом жилого дома. Следователь следственной группы, специализированной на этом виде преступлений, осуществил осмотр места происшествия, допросил потерпевших и свидетелей по факту повреждения, уничтожения или кражи личного имущества и вынес постановление о признании потерпевшим его собственника или нескольких собственников. Однако при этом выяснилось, что одному из этих потерпевших во время погрома были причинены еще и телесные повреждения, зарегистрированные в медицинском учреждении. Тогда следователь из другой следственной группы снова допрашивает это же лицо по факту причинения ей или ему телесных повреждений и снова признает ее или его потерпевшим по этому факту. А если при этом имело место еще и изнасилование, то уже третий следователь из другой следственной группы должен выполнить те же первоначальные следственные действия и вынести свое постановление о признании потерпевшей.

Аналогичная ситуация выявилась и в работе с лицами, подозреваемыми и обвиняемыми в совершении различных преступлений. Как уже было установлено следствием, многие участники массовых беспорядков в течение нескольких дней неоднократно совершали различные виды преступлений. Затем одна группа следователей устанавливала подозреваемого в погроме здания горисполкома и горкома партии, а вторая группа следователей подозревала его же и в поджоге бронетранспортера воинской части. Наконец, следователь из третьей группы установил это же лицо как активного участника погромов квартир граждан армянской национальности и предъявил ему обвинение в нескольких эпизодах погромов. И если в последнем случае эти преступления были уже раскрыты, то по первым двум эпизодам, где следователи работали менее активно, эти преступления считались не раскрытыми, так как не было собрано достаточно доказательств для предъявления по ним обвинения.

Приведу по этому поводу несколько примеров. Так, активными участниками массовых беспорядков были установлены и привлечены к уголовной ответственности Сулейманов Арзу – учащийся Кировабадского строительного техникума и Касумов Асиф – учащийся СПТУ-15 г. Кировабада. 21 ноября во второй половине дня, после многотысячного митинга на центральной площади, они возглавили одну из групп радикально настроенной молодежи и с призывами «Смерть армянам!» направились в правобережную часть города, где компактно проживали армянские семьи. Находясь на улице Октябрьской, вместе с другими участниками беспорядков они сначала избили и причинили телесные повреждения встретившимся им двоим гражданам армянской национальности, после чего совершили погром в находившемся на этой же улице храме Армянской апостольской церкви во имя Святого Григория Просветителя. Совместными действиями они разбили в храме окна и сорвали крест с купола. Однако взломать двери и прорваться внутрь помещения храма не смогли. После этого Сулейманов, Касумов и другие лица направились на улицы Осипяна и Фиолетова, где избили и причинили телесные повреждения еще троим гражданам армянской национальности. На следующий день, 22 ноября, во второй половине дня, Сулейманов, находясь на улице Азизбекова в районе мусульманского кладбища, вместе с другими участниками массовых беспорядков, совершил поджоги бутылками с зажигательной смесью трех десантных бронетранспортеров войсковой части 12156 с военнослужащими на борту. 23 ноября, около 15 часов, Сулейманов участвовал в сносе с пьедестала бюста Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна, а затем, проявляя акты глумления, из хулиганских побуждений, обвязав за голову бюст веревкой, протащил его по центральным улицам города. В тот же день, 23 ноября в период с 19 до 21 часов. Сулейманов вместе с другими лицами участвовал в погромах семи квартир в домах по проспекту Ленина, а 24 ноября

Сулейманов, совместно с тем же Касумовым и другими лицами участвовал в погромах еще 10 квартир на проспекте Ленина, улицах Мамедкулизаде и Азизбекова, где проживали армянские семьи. Наряду с повреждением личного имущества Сулейманов, Касумов и другие лица избивали и причиняли телесные повреждения потерпевшим.

В моем распоряжении имеются и другие многочисленные примеры совершения различных по своим составам преступлений одними и теми же лицами в период массовых беспорядков, произошедших в Кировабаде с 21 по 26 ноября 1988 г. При этом при расследовании преступлений специализированными группами следователей, сформированными для расследования конкретных видов преступлений, следователи конкретной группы игнорировали вопросы установления и сбора доказательств в отношении совершения других видов преступлений, относившихся к специализации других следственных групп. В то же время, раскрытие как можно большего числа совершенных преступлений являлось общей и главной задачей как следствия, так и уголовного розыска.

В связи с этим, основываясь на результатах анализа совершенных преступлений, проведенного работниками штабов следствия и розыска, и выявлении при этом многочисленных связей между отдельными эпизодами преступлений разного вида, оба штаба поставили передо мной вопрос о необходимости перехода к новой структурной организации расследования массовых беспорядков.

Из дневника: «19 декабря, понедельник, 23-й день после окончания массовых беспорядков. Сегодня в 12 часов штаб следственной бригады во главе с Б.М. Смирновым представил на рассмотрение план дальнейшего расследования по уголовному делу о массовых беспорядках с предложением перехода от предметного принципа расследования на зонально-территориальный, с учетом анализа информации, проведенной на ЭВМ. Докладывал план помощник начальника штаба

В.А. Горелов. План согласован и поддержан штабом ГУУР МВД. После обсуждения наиболее проблемных его пунктов он мною сегодня утвержден и принят к исполнению».

В моем домашнем архиве до сих пор хранится этот документ, подготовленный Виктором Анатольевичем Гореловым и Борисом Михайловичем Смирновым, а также начальником штаба ГУУР МВД СССР подполковником милиции Валерием Викторовичем Гусаровым. Кроме моей утверждающей подписи он содержал и согласующую подпись руководителя бригады уголовного розыска полковника милиции Ивана Филипповича Храпова. Вместе с В.В. Гусаровым он присутствовал при обсуждении этого плана на заседании нашего штаба 19 ноября. Как уже было отмечено ранее, план представлял собой обоснование структурной реорганизации дальнейшего расследования от предметного принципа расследования конкретных видов преступлений к зонально-территориальному расследованию всех совершенных преступлений на выделенной территории города. При обсуждении плана для наглядности на стену кабинета была вывешена большая крупномасштабная карта Кировабада. Этим планом вся территория города разделялась на 6 территориальных секторов, что обосновывалось концентрацией эпизодов преступлений, наличия между ними значительных разрывов по территории и естественных преград. План содержал расчет количества эпизодов преступлений по выделяемым секторам, расчет количества следователей во вновь формируемые группы, а также алгоритм передачи материалов следствия от специализированных групп следователей руководителям территориальных групп, что было особенно важно и актуально и вызвало горячее обсуждение при утверждении плана.

В этот же день моим распоряжением за № 3 по предложению членов нашего штаба руководителем следственной группы по сектору № 1 был назначен майор юстиции Земсков Андрей Геннадиевич, руководителем группы по сектору № 2 – советник юстиции Николаев Валерий Дмитриевич (временно

Рабочее совещание членов штаба и руководителей следственных групп.

Слева направо: Андронов А.А., Мельников А.В., Земсков А.Г.,

Смирнов Б.М., Ожерельев В.В., Николаев В.Д. Кировабад, январь 1989 г.

исполнявший впоследствии обязанности руководителя следственной бригады во время моих кратковременных отъездов в Москву), руководителем группы по сектору № 3 – советник юстиции Сеньюшкин Валентин Андреевич, руководителем группы по сектору № 4 – майор юстиции Андронов Анатолий Анатольевич, руководителем группы по сектору № 5 – юрист 1 класса Рядинский Александр Евгеньевич, руководителем группы по сектору № 6 – юрист 1 класса Дронов Александр Викторович. В то же время в следственной группе 2-го сектора, где было совершено большинство наиболее тяжких преступлений, план предусматривал образование специализированных следственных подгрупп. К ним относились подгруппы по расследованию автонаезда на военнослужащих со смертельным исходом, по расследованию массовых беспорядков на центральной площади им. Ленина и

погрома и поджога административного здания горкома партии и горисполкома, по причинению телесных повреждений военнослужащим и работникам милиции, по поджогам и повреждениям военной техники. Таким образом мы переходили из двухзвенной структуры управления: следственная бригада – следственная группа, к трехзвенной структуре организации следствия: следственная бригада – следственная группа – следственная подгруппа. Что касается количества эпизодов преступлений, подлежащих расследованию следственными группами, то они были определены следующим образом: в 1-м секторе – 229, во 2-м секторе – 260, в 3-м секторе – 248, в 4-м секторе – 520, в 5-м секторе – 44, в 6-м секторе – 60. Всего, как я уже отмечал ранее, подлежало расследованию 1361 совершенное преступление. В конце декабря были образованы дополнительно подразделение «А» под руководством советника юстиции Г.И. Шевченко (расследование преступлений, совершенных на центральной площади имени В.И. Ленина) и подразделение «В» под руководством подполковника юстиции В.В. Ожерельева (расследование преступлений, совершенных конкретной группой лиц во главе с Сулеймановым Р.).

Да, при отсутствии опыта расследования массовых беспорядков, совершенных на национальной почве, мы достаточно поздно, почти через месяц, пришли к выводу о необходимости организации расследования таких преступлений по территориальному признаку и, конечно, потеряли при этом много драгоценного времени, что повлияло и на дальнейшую их раскрываемость. Еще тогда, в первые дни после окончания беспорядков, потерпевших от них членов армянской общины нужно было допрашивать сразу по всем эпизодам совершенных в их отношении преступлений, а не избирательно по каждому их виду. После первых же допросов по поводу погромов их домов и квартир или причинения им телесных повреждений большинство из них покинули город в качестве беженцев. А многие уехали вообще не допрошенными. Нам пришлось затем

в течение длительного времени заниматься поисками мест их пребывания и при их установлении запрашивать затем дополнительные допросы в форме отдельных поручений территориальным органам прокуратуры. В то же время, отсутствие возможности проведения опознания потерпевшими подозреваемых и проведения очных ставок между ними в значительной степени препятствовало раскрытию преступлений, сбору и закреплению доказательств.

Тем не менее, наработанный нами опыт был использован в дальнейшем при расследовании массовых беспорядков. К этому хотелось бы еще добавить, что ко времени принятия нами решения о структурной перестройке организации расследования заместитель начальника следственной части Прокуратуры Союза ССР А.В. Фролов уже находился в Ереване, где оказывал организационную помощь в расследовании массовых беспорядков сформированной там к этому времени следственной группе под руководством моего коллеги по следственной части Анатолия Ивановича Рябко. Конечно, я доложил А.В. Фролову по телефону итоги работы с ЭВМ и вытекающие из анализа этой работы выводы, с которыми он полностью согласился и поддержал наше решение. Этот наш опыт он достаточно эффективно использовал в Армении, а затем и в Средней Азии.

Свой вклад в применение научно-технических средств в организацию расследования внес и возвратившийся двумя днями ранее из Сумгаита Н.А. Емельянов. Вечером 17 декабря он привез нам персональный компьютер американской компании IBM, собранный в Южной Корее. Компьютер этот принадлежал НИИ Прокуратуры ССР и находился в распоряжении следственной бригады в Сумгаите, но его использование там носило эпизодический характер и не нашло своего практического применения в организации расследования. Вместе с Н.А. Емельяновым для работы с компьютером приехала и заместитель начальника лаборатории НИИ Ольга Евгеньевна Фролова.

На следующий день, после организации автоматизированного рабочего места, мы стали выяснять у нее возможности этого компьютера, так как неожиданные результаты анализа совершенных преступлений, полученных с применением ЭВМ, давали нам повод серьезно обсуждать вопросы дальнейшего его использования в нашей работе. А пока все члены штабов следствия и розыска приходили просто посмотреть на компьютер своими глазами и потрогать своими руками, потому что многие из них видели подобное чудо техники впервые в жизни. О.Е. Фролова предложила нам начать вводить в компьютер информацию о кадровом составе следственной бригады, так как в Сумгаите ею была создана под эту задачу специальная программа. Со слов О.Е. Фроловой после ввода информации о всех работавших у нас следователях мы имели возможность получить в распечатанном виде обобщенные данные об общем количестве следователей в бригаде, о количестве следователей в следственных группах и их руководителях, о списочном составе прикомандированных в следственную бригаду следователей по их ведомственной принадлежности, то есть органов прокуратуры, внутренних дел и безопасности, о сроках окончания командировочных удостоверений и ряд других выходных данных. Это сразу заинтересовало заместителя начальника штаба нашей бригады А.В. Мельникова, которому предстояло реформировать специализированные следственные группы в новые следственные группы по территориальным секторам в связи с переходом к новой организации расследования. Однако всё было не так просто. Для извлечения из компьютера кадровой информации по созданной О.Е. Фроловой программе, нужно было сначала ввести в него информацию по имевшейся у О.Е. Фроловой форме, содержавшей персональные данные на каждого следователя и которыми в полном объеме не располагал даже А.В. Мельников. Для этого эту форму необходимо было заполнить каждому следователю нашей бригады и только затем вводить информацию в компьютер.

Естественно, что это вызвало непонимание достаточно большого количества следователей, особенно состоявших на службе в органах внутренних дел и государственной безопасности, которые полагали, что эта информация должна была храниться только в кадровых подразделениях их ведомств и нигде более. А на носу было реформирование следственной бригады и формирование новых следственных групп с частично новыми их руководителями. Поэтому заниматься разъяснительной работой со следователями на данном этапе было некогда и после небольших споров на этот счет мы приняли решение вводить только те данные о следователях, которые имелись у А.В. Мельникова на основе командировочных удостоверений. Таким образом Александр Васильевич стал первопроходцем по освоению возможностей персонального компьютера в части кадрового информационного обеспечения.

После проведения реформирования следственной бригады и образования новых следственных групп по территориальным секторам, я снова возвратился к вопросу об использовании компьютера в интересах следствия. В ходе очередной встречи с О.Е. Фроловой мы выяснили, что «интеллектуальные способности» в части программного обеспечения и объем памяти компьютера фирмы IBM значительно превышали возможности отечественной ЭВМ. В то же время мы выяснили, что для получения выходных форм информации, которая способствовала бы организации расследования и раскрытия совершенных преступлений, необходимо составление специальных программ. О.Е. Фролова, как инженер-программист, на профессиональном уровне являлась разработчиком программного обеспечения, но для этого она, в свою очередь, нуждалась в постановочных задачах, которые должны были грамотно сформулировать мы. Для этого нам также необходимо было затратить значительное время на их обдумывание и обсуждение с членами штаба. Сразу хочу сказать, что это была непростая задача, так как никто из нас не обладал познаниями в области

электронной обработки информации и ее выходных формах, а О.Е. Фролова, в свою очередь, не была юристом и не понимала наших устремлений, направленных на улучшение качества организации расследования и раскрытия преступлений с учетом обработки информации об эпизодах совершенных преступлений. На этом этапе как раз и произошла заминка в Сумгаите, где с применением компьютера осуществлялся только кадровый учет следователей. При этом у нас в Кировабаде уже был опыт применения анализа эпизодов преступлений на ЭВМ и сотрудники ГИЦ МВД СССР, уже проделавшие эту работу, как раз и явились тем выпадающим промежуточным звеном в понимании постановки задач и их программным обеспечением. Кроме этого, у нас был мотивированный в этом вопросе штаб и такие энтузиасты, как Б.М. Смирнов и В.А. Горелов.

После коллективного обсуждения этих вопросов я всё же сформулировал для программиста следующие постановочные задачи:

1. Информация об эпизодах совершенных преступлений в целом по городу Кировабаду в часовом развитии с указанием места совершения преступления (адрес) и времени его совершения (дата, часы и минуты) в хронологическом развитии. Каждый эпизод преступления должен был иметь свой индивидуальный регистрационный номер (ИРН).

2. Информация об эпизодах преступлений, расследуемых следователями по каждому территориальному сектору города с указанием места и времени совершения преступления, фамилии, имени и отчества потерпевших, организации или воинской части и наличии обвиняемых по эпизоду с указанием фамилии, имени, отчества.

3. Информация о подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений лицах с указанием эпизодов совершенных ими преступлений и ИРН.

4. Информация о вещественных доказательствах по эпизоду преступления с указанием ИРН, адреса, фамилии, имени, отче-

ства потерпевших, места хранения вещдоков, фамилии и инициалов следователя, номера территориального сектора.

5. Информация о похищенном у потерпевших имуществе с указанием индивидуальных особенностей или заводских номеров изделия, места похищения (адреса), времени похищения (дата, время), фамилии, имени, отчества потерпевших, суммы (размера) причиненного ущерба.

В развитие перечисленных постановочных задач О.Е. Фроловой было разработано под каждую задачу программное обеспечение и выходные формы обработанной информации. Их мы также утверждали совместно с членами штаба, так как они должны были иметь прикладное значение для организации нашего расследования. Установочные формы первичной информации на эпизоды преступлений и подозреваемых (обвиняемых) в их совершении лиц мы применили уже готовые, разработанные ранее специалистами ГИЦ МВД СССР и использованные нами при вводе информации в ЭВМ. Поскольку операционные системы ПЭВМ и ПК не были совместимы или были плохо совместимы, то нашим работникам штаба пришлось заново вводить в компьютер все зарегистрированные к этому времени эпизоды преступлений. Эта работа также заняла несколько дней. И проделать ее повторно могли, конечно, только энтузиасты, нацеленные на достижение конкретных результатов своей работы. И всё же, после завершения всей этой трудоемкой технической работы, в штабе следственной бригады образовался наконец свой информационный центр на базе персонального компьютера фирмы IBM. В последующем он постоянно обслуживался вахтовым методом сотрудниками лаборатории НИИ Прокуратуры ССР.

Уже ближе к новогодним праздникам мы стали получать с нашего ПК путем контекстного поиска информацию о причастности обвиняемых и подозреваемых лиц, совершивших преступления на территории одного сектора, к преступлениям на территории другого сектора города. Кроме этого, при распе-

чатке сводной обобщающей информации о совершенных преступлениях по дням и часам, выявились и направления движения групп участников беспорядков в процессе совершения ими многочисленных преступлений. Такая информация сразу активизировала сотрудников уголовного розыска, так как открывала хорошие перспективы для раскрытия еще нераскрытых преступлений, а следователей мотивировала на сбор и закрепление доказательств в совершении обвиняемыми и других преступлений. Помимо этого, мы создали короткую стандартную фабулу событий, происшедших в Кировабаде в период с 21 по 26 ноября, которая использовалась во вступительной части всех постановлений о привлечении в качестве обвиняемых. А далее уже каждый следователь добавлял к этой фабуле конкретный эпизод совершенного подозреваемым преступления. Все эти постановления выносились от моего имени и мной подписывались, но перед их подписанием я изучал материалы дела и собранные доказательства причастности конкретного лица к совершению преступления и в случае их недостаточности возвращал материалы дела следователю следственной группы. Когда же такое постановление мной всё же подписывалось, то его копия тут же передавалась в штаб следствия для отработки возможной причастности этого обвиняемого к совершению других преступлений, с учетом выявленной ПК их концентрации в месте совершенного обвиняемым преступления либо маршрута движения толпы погромщиков. Указания по отработке причастности к совершению других зарегистрированных штабом следствия преступлений тут же передавались руководителю следственной группы и в штаб розыска. Так впервые мы стали применять аналитические и статистические возможности персонального компьютера в организации раскрытия и расследования многоэпизодных преступлений. Это давало значительную экономию времени и трудозатрат и позволяло осуществлять оперативный контроль за сбором доказательств и обоснованностью привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в со-

вершении преступлений. Сначала прикомандированные в бригаду следователи с осторожностью и недоверием относились к способу подготовки таких постановлений, так как считали мои требования к этому избыточными. Но постепенно к ним приходило осознание удобства, оперативности и надежности. Ошибки в тексте легко исправлялись, документы быстро распечатывались, а их тексты надежно хранились в памяти компьютера и не могли потеряться. Особенно было удобно менять в таком тексте только фамилию обвиняемого, когда по одному и тому же эпизоду погрома дома или квартиры проходило сразу несколько человек. В общем, через некоторое время к оператору ПК стала выстраиваться очередь.

Таким образом нами впервые в стране, или, скромнее будет сказать, одними из первых, реально был наработан опыт применения в расследовании и раскрытии преступлений возможностей персонального компьютера и образованного на базе его использования информационного центра штаба следственной бригады. После окончания нашей работы в Кировабаде мною была подготовлена подробная докладная записка об опыте применения ПК и направлена Генеральному прокурору СССР А.Я. Сухареву. К большому сожалению, в силу различных субъективных и объективных причин практика использования возможностей ПК при расследовании многоэпизодных преступлений в последующем периоде не получила своего достойного распространения ни в органах прокуратуры, ни в органах внутренних дел.

В августе 1989 г. мы вместе с А.В. Фроловым инициировали перед руководством Прокуратуры Союза ССР вопрос о завершении деятельности следственной бригады в Кировабаде с учетом отсутствия перспектив дальнейшего раскрытия совершенных в период массовых беспорядков преступлений. Основным фактором, явившимся препятствием для раскрытия многочисленных эпизодов преступлений, стал массовый исход армянского населения из Кировабада и категорический

отказ потерпевших возвращаться в город для проведения опознаний и очных ставок с задержанными уже нами участниками массовых беспорядков. Наше предложение было рассмотрено и поддержано вновь назначенным на должность заместителя Генерального прокурора СССР В.И. Кравцевым, курировавшим теперь следствие. В связи с этим материалы уголовного дела для дальнейшего расследования были направлены в Прокуратуру Азербайджанской ССР.

В период работы следственной бригады в отдельные месяцы (февраль-март 1988 г.) ее численный состав достигал 150 следователей. Из них 28 следователей и прокуроров-криминалистов территориальных органов прокуратуры, 20 следователей военных прокуратур, 98 следователей органов внутренних дел и 4 следователя органов государственной безопасности. Кроме этого, оперативное сопровождение следствия осуществляли более 40 сотрудников уголовного розыска территориальных подразделений органов внутренних дел областей и республик Союза ССР, а также сотрудники центрального аппарата ГУУР МВД СССР. Криминалистическое сопровождение расследования, помимо прокуроров-криминалистов, осуществляли и 12 экспертов-криминалистов ЭКО УВД областей и республик. Помимо них, для проведения экспертных исследований по этому уголовному делу в Кировабад были командированы трое судебно-медицинских экспертов НИИ судебной экспертизы Минздрава СССР (Ю.С. Солнцев, Д.К. Лунин и А.И. Исаев), эксперт-автотехник НИИ судебной экспертизы Минюста СССР (Н.М. Кристи), двое экспертов Донецкого отделения Харьковского НИИ судебной экспертизы Минюста УССР (В.И. Полуницкий и В.П. Мельничук), эксперт пожарно-технической лаборатории МВД Белорусской ССР (Д.Е. Кузьменко), а также два специалиста ГИЦ МВД СССР и трое сотрудников лаборатории НИИ Прокуратуры СССР для организации работы информационного центра следственной и оперативной бригад. Таким образом, в составе следственной и оперативной бригады

в Кировабаде одновременно работали более 200 человек – следователей, прокуроров-криминалистов, экспертов, специалистов и оперативных работников, а с учетом их ротации всего приняли участие в этом расследовании свыше 300 человек.

В конце августа 1988 г. штаб следственной бригады подвел итоги этой совместной деятельности. За 9 месяцев, с конца ноября 1988 г. по конец августа 1989 г., всего было взято на учет 1628 эпизодов преступлений. В последующем 341 эпизод был снят с учета, а уголовные дела по этим эпизодам прекращены за отсутствием события преступления как не подтвердившихся при проверке или в связи с дублированием при регистрации из разных источников (из них 331 погромов домов и квартир), 9 эпизодов сняты с учета и направлены по подследственности как совершенные до начала массовых беспорядков. Таким образом, нашему расследованию подлежало 1278 эпизодов совершения различных преступлений. Из них 6 умышленных убийств, в результате которых погибло 9 человек, (из них все раскрыты), 4 изнасилования (из них 2 раскрыто), 203 эпизода причинения телесных повреждений как гражданским лицам, так и военнослужащим и работникам милиции, 810 погромов домов и квартир граждан армянской национальности, 153 кражи личного имущества граждан, 34 поджога и повреждения военной техники, 22 погрома и покушения на погром организаций и учреждений и ряд других преступлений. Среди погибших во время массовых беспорядков были 4 азербайджанца, 2 армянина, 1 белорус, 1 украинец и 1 русский.

К уголовной ответственности за совершение 200 эпизодов преступлений было привлечено 117 человек. Для рассмотрения в судах различной подсудности направлено 42 уголовных дела на 75 обвиняемых в совершении 176 различных преступлений. Все они были осуждены к различным срокам лишения свободы. 2 уголовных дела направлены по подследственности в военную прокуратуру Кировабадского гарнизона в отношении

двух военнослужащих, причинивших смертельные огнестрельные ранения двум гражданским лицам в процессе беспорядков. На 25 обвиняемых (в основном женщины и несовершеннолетние) уголовное преследование было прекращено по реабилитирующим основаниям с передачей обвиняемых лиц на поруки коллективам трудящихся предприятий и организаций, в товарищеские суды по месту работы и в комиссии по делам несовершеннолетних. В отношении 15 обвиняемых уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям. Среди уголовных дел, направленных в суд, лишь одно уголовное дело было направлено в Верховный Суд СССР для определения его дальнейшей подсудности. Раскрытию и расследованию этого преступления, самого тяжкого из совершенных в Кировабаде в период массовых беспорядков, будет посвящена следующая глава настоящей повести.

*Экскурсия в выходной день по достопримечательным местам города.
Слева направо: Земсков А.Г., Мельников А.В., Николаев В.Д.,
Мамедов Т. (водитель а/м), Кулешов Г.П., Смирнов Б.М.,
Шевченко-Корженецкий И.Г. Кировабад, весна 1989 г.*

Принятый вызов (гвардейцы-десантники)

104-я гвардейская ордена Кутузова 2-й степени воздушно-десантная дивизия была образована в далеком 1944 году. После окончания Великой Отечественной войны подразделения дивизии были дислоцированы на территории Эстонской ССР со штабом в г. Нарва, а в 1960 г. дивизия была передислоцирована в Азербайджан, в города Кировабад и Шамхор со штабом дивизии в Кировабаде.

В ноябре 1988 г. подразделения именно этой дивизии, а также 23-й гвардейской мотострелковой дивизии стали заслоном на мостах через реку Гянджачай между азербайджанскими радикальными националистами и армянским населением города. Это в значительной степени предотвратило совершение еще большего количества преступлений и наступление еще более тяжелых последствий в период произошедших в городе массовых беспорядков. Однако ценой этому стали жизни и здоровье воинов-десантников, выполнявших в те дни не свойственные им функции.

В свой первый бой с толпами экстремистов и националистов гвардейцы-десантники вступили 22 ноября на центральной площади им. Ленина г. Кировабада. В тот день в 16:30 по приказу оперативного дежурного по штабу дивизии командир 328-го парашютно-десантного полка (в/ч 21156) майор А.В. Рыбалтовский, вместе с начальником штаба полка капитаном А.И. Максименко с личным составом одного из подразделений полка на пяти десантных бронетранспортерах выехали к центральной площади и зданию городского комитета Компартии Азербайджана и исполкома городского Совета депутатов. В это время на площади было несколько тысяч участников митинга, в основном студентов институтов и учащихся профтехучилищ, однако были и рабочие пред-

приятий города. Они выражали свой протест против строительства в Нагорном Карабахе химического предприятия, а также против решения о выходе Нагорного Карабаха из состава Азербайджана. Так как с тыловой стороны административного здания проезжая часть была занята припаркованными автомашинами, то бронетехнику пришлось поставить у торца здания в поле видимости участников митинга, который к тому времени уже вышел из-под контроля властей. Появление бронетехники не успокоило, а еще более раззадорило толпу. Митингующие догадались, что военнослужащие приехали на площадь по просьбе руководителей города, поэтому в окна первого этажа здания сразу же полетели камни и палки, а звон разбитого стекла придал хулиганам уверенности в своей силе и безнаказанности. Таким образом мирный митинг, организованный студентами, под призывами отдельных провокаторов-экстремистов перерос в открытое противостояние партийным и советским органам города. В этот момент капитан А.И. Максименко и повел личный состав одной из рот десантников с расчехленными саперными лопатками на площадь, чтобы оттеснить участников беспорядков от административного здания, в котором находились руководители города. Около получаса продолжалось столкновение с применением насилия. В десантников также полетели камни, палки, бутылки с зажигательной смесью, к тому же многие участники массовых беспорядков были вооружены металлическими прутьями и ножами. В связи с явным превосходством сил участников беспорядков и многочисленными ранениями, полученными военнослужащими, командир полка отдал приказ об отводе личного состава к стоянке бронетехники. Однако в процессе отвода 25 военнослужащих во главе с капитаном А.И. Максименко были оттеснены к входу в административное здание, где они и вынуждены были укрыться. Тогда участники беспорядков стали требовать выхода к ним для переговоров первого секретаря горкома партии

Р.А. Багирлы, которому они собирались предъявить ультиматум в связи с вызовом военнослужащих, с требованием вывода их из центра города в место своей дислокации. Но к этому времени Р.А. Багирлы был уже эвакуирован из здания через хозблок сотрудниками госбезопасности, а другие руководители горкома партии и горисполкома на переговоры не вышли из соображений собственной безопасности. Не дождавшись выхода из здания руководителей города, участники беспорядков начали его штурм. Выломав входную дверь и разбив еще несколько окон на первом этаже, они проникли внутрь здания, где устроили погром в помещениях первого этажа, при этом дважды поджигали бумагу и мебель, что привело к открытому горению легко воспламеняемых предметов оборудования помещений. Однако все попытки проникнуть на второй этаж, где укрылись служащие административного здания, активно пресекались оборонявшими его десанниками. В то же время находившиеся возле здания участники беспорядков, ощущая свое временное превосходство в силе, забросали бутылками с зажигательной смесью и подожгли два бронетранспортера с укрывшимися в них десанниками. Последние быстро покинули горящие машины, под градом камней сбили пламя только с одного БТРД и укрылись в следующих. Обстановка накалилась до предела, а жизни и здоровью десантников угрожала реальная опасность. Тогда майор А.В. Рыбалтовский запросил по рации оперативного дежурного по дивизии об оказании им помощи дополнительными подразделениями полка. Через несколько минут на площади с разных сторон появились 6 новых бронетранспортеров, которые привели толпу в некоторое замешательство. Вслед за этим раздались пулеметные очереди холостыми патронами, которые слегка остудили пыл разгоряченных экстремистов. Последовавшее замешательство позволило десанникам всё же рассеять участников беспорядков, вытеснить их бронетехникой с центральной площади и разблокировать здание

горкома партии и горисполкома. Возгорание на первом этаже здания было затушено, а находившиеся там военнослужащие ВДВ присоединились к своим однополчанам. Правда, многим из них требовалась медицинская помощь в связи с полученными многочисленными травмами и ожогами – во время столкновения на центральной площади и обороны административного здания телесные повреждения получили 48 военнослужащих-десантников, причем 2 из них были тяжело ранены и доставлены в военный гарнизонный госпиталь.

На этом массовые беспорядки в этот день не закончились, и гвардейцы-десантники продолжили выполнять несвойственную для них задачу по обеспечению общественного порядка в городе. К 14 часов к мосту через реку Гянджачай в районе гостиницы «Кяпаз» выдвинулись четыре роты 337 парашютно-десантного полка (в/ч 21185) 104-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Там они заняли позиции возле моста, заблокировав проезд и проход через него на другой берег, в армянскую часть города. После 16 часов огромная толпа экстремистов и националистов стала двигаться по улице Джапаридзе в сторону гостиницы «Кяпаз». В свою очередь, на этой же улице были выставлены оцепления из работников милиции и курсантов Краснодарской средне-специальной школы милиции МВД СССР, прибывших в Кировабад минувшей ночью. Участники беспорядков стали забрасывать их камнями, теснить оцепление к гостинице и наконец прорвали его. Тогда навстречу им исполняющий обязанности командира десантного полка майор А.В. Твердунов послал несколько боевых машин пехоты, чтобы рассеять толпу. В этот момент кем-то из участников беспорядков бутылкой с зажигательной смесью была подожжена одна боевая машина пехоты, стоявшая недалеко от гостиницы, а несколько участников беспорядков стали подливать бензин на уже горящую машину. Тогда майор А.В. Твердунов, с целью спасения механика-водителя горящей БМП, дал указание командиру

5-й роты капитану Р.Д. Степаненко выдвинуть роту вперед по улице, оттеснить толпу от горящей БМП и оказать поддержку курсантам и работникам милиции. Десантники приступили к активным действиям, оттеснили участников беспорядков от гостиницы, освободили из горящей БМП водителя-механика и, принимая на себя град камней, палок, самодельных взрывных устройств, продолжили оттеснять участников беспорядков дальше по улице. В этот самый момент, примерно в 18:20, от гостиницы «Кяпаз» отъехал автомобиль ЗИЛ-130 и с выключенным светом фар начал движение по улице в сторону военнослужащих, которые в тот момент были обращены к нему спинами. В районе дома № 39 по ул. Джапаридзе неустановленный на тот момент водитель автомобиля на средней скорости совершил наезд на военнослужащих 2-го взвода 5 роты парашютно-десантного полка. После этого автомобиль, продолжая движение, переехал через бордюр проезжей части, где врезался в растущее на газоне дерево, остановился, а водитель выскочил из кабины и скрылся. На месте совершенного преступления остались лежать командир взвода лейтенант Б.М. Гусев, рядовые О.А. Юрченко и А.Н. Косенко, получившие травмы, не совместимые с жизнью. Еще пять военнослужащих этого же взвода А.Р. Батыров, Н.А. Карманов, В.В. Власов, Н.Р. Рустамов и А.И. Щетинин получили телесные повреждения различной степени тяжести.

В ночь с 22 на 23 ноября в Кировабад для усиления воинского гарнизона и дальнейшего пресечения беспорядков были введены подразделения внутренних войск МВД СССР и 23 ноября, как уже отмечалось ранее, в Кировабаде был введен режим особого положения и комендантский час.

Этим вызывающе дерзким и повлекшим особо тяжкие последствия преступлением на улице Джапаридзе преступником был брошен вызов всем органам правопорядка, вооруженным силам и органам советской власти в целом. Перед нами стояла задача как можно быстрее раскрыть это престу-

пление, установить преступника, привлечь его к уголовной ответственности и изолировать от общества.

Только вот горю родителей Бориса Гусева в селе Ярцево Смоленской области, Олега Юрченко в деревне Сорочино Могилевской области и Анатолия Косенко в Днепропетровской области на Украине этим уже помочь было нельзя. 22-летний лейтенант Борис Гусев только летом окончил Рязанское высшее воздушно-десантное училище и его ждала офицерская карьера в прославленных воздушно-десантных войсках. В то же время 20-летний Анатолий Косенко воспитывался в семье без отца и его мать с нетерпением ожидала возвращения сына домой, со дня на день должен был прийти приказ о его увольнении в запас, так как срок окончания его военной службы истек 20 ноября.

Мы просто не имели права не раскрыть это преступление, сколько бы ни потребовалось для этого времени, сил и средств. Это был наш служебный, профессиональный и моральный долг. И мы приняли брошенный нам преступником вызов.

Еще до моего приезда в Кировабад расследование этого преступления начал следователь Наро-Фоминского ОВД ГУВД Мособлисполкома С.А. Григорьев, включенный впоследствии в группу Б.М. Смирнова по расследованию умышленных убийств. В первые дни это расследование велось недостаточно активно, так как в городе продолжались массовые беспорядки и передвигаться по нему было небезопасно. Следственные действия на тот момент ограничились установлением свидетелей этого преступления из числа военнослужащих, работников милиции и курсантов школы милиции и их допросами. В то же время, еще 23 ноября было установлено, что на стоянке у гостиницы «Кяпаз» 22 ноября находились три автомобиля ЗИЛ-130 и автомобиль КАМАЗ, принадлежавшие автоколонне № 2705 Кировабадского автотранспортного предприятия, направленные туда для ока-

зания содействия военнослужащим в блокировании моста через реку.

Из дневника: «30 ноября, среда, четвертый день по окончании беспорядков. В этот день в 20:40 в моем рабочем кабинете мы провели первое совместное совещание с сотрудниками уголовного розыска и следователями, работающими по раскрытию и расследованию автонаезда автомобилем ЗИЛ-130 на военнослужащих. Ход расследования докладывал следователь С.А. Григорьев, выполнение оперативных мероприятий – начальник отдела ГУУР МВД СССР В.Ф. Шехватов. В работе этого совещания приняли участие А.В. Фролов, Н.А. Емельянов, а также от МВД СССР В.Г. Новиков, В.К. Панкин, Л.Н. Фёдоров и местные сотрудники уголовного розыска. Нужно отметить, что С.А. Григорьев к докладу подготовился плохо, к тому же сильно волновался, так как впервые в своей следственной карьере докладывал совещанию с таким высоким представительством, и его можно было понять. И всё же после сообщений остальных следователей группы и оперативных работников работа следственно-оперативной группы была признана нерезультативной, непоследовательной и недостаточно активной. В итоге было принято решение укрепить эту группу более опытными следователями и оперативными работниками, а также составить и утвердить план оперативно-разыскных мероприятий».

Что было установлено к этому времени? Все три автомобиля ЗИЛ-130 и автомобиль КАМАЗ, принадлежавшие автоколонне № 2705, дважды осматривались следователями. При повторном осмотре автомобиля ЗИЛ-130 госномер 53-59 АЗЦ на передних и задних его колесах были выявлены следы, похожие на кровь, прилипшие волосы и другие биологические материалы. Однако на рулевом колесе следов отпечатков пальцев, пригодных для отождествления личности, обнаружено не было. Допрошенный в качестве свидетеля начальник автоколонны Ф.Н. Имамалиев показал, что 22 ноября

около 14 часов направил в распоряжение военнослужащих к гостинице «Кяпаз» и мосту через реку Гянджачай три автомобиля ЗИЛ-130 и один автомобиль КАМАЗ. При этом он дал информацию и о водителях, которых он направил на этих автомобилях к гостинице «Кяпаз». Это была основная рабочая версия на пути раскрытия данного преступления. Однако в процессе допросов в качестве свидетелей все водители этих автомобилей отрицали свое участие в совершении наезда на военнослужащих десантного полка, в том числе и водитель К.Н. Ахмедов, за которым был закреплен автомобиль № 53-59. Допрошенные следователем Григорьевым водители сообщили, что около 17 часов они все вместе на автомобиле КАМАЗ возвратились в гараж, а три автомобиля ЗИЛ-130 остались стоять на парковке у гостиницы. Факт возвращения всех водителей в автоколонну в пределах 17 часов подтвердили и начальник автоколонны Ф.Н. Имамалиев, и технический контролер К.Н. Нагиев, и диспетчер автоколонны И.К. Кулиев. Судебно-медицинская экспертиза по биологическим следам, изъятым с колес автомобиля № 53-59, еще не была назначена. Но в лучшем случае она могла бы свидетельствовать о контакте данного автомобиля с потерпевшими от наезда военнослужащими. Но кто же управлял в этот момент автомобилем? Ясно, что экспертиза ответить на этот вопрос не могла. Самое худшее предположение заключалась в том, что в кабину автомобиля проник один из участников беспорядков, каким-то способом завел его и направил на военнослужащих. В этом случае установление преступника и раскрытие этого преступления было бы связано с большим объемом оперативно-разыскных мероприятий и в тех условиях имело мало перспектив к раскрытию. Следствие зашло в тупик. Поэтому на совещании и было принято решение об укреплении следственно-оперативной группы более опытными следователями и оперативными работниками уголовного розыска.

По предложению А.В. Фролова в следственную бригаду был командирован начальник следственной части прокуратуры Тульской области Борис Николаевич Кузнецов. А.В. Фролов хорошо знал его по своей прежней работе в должности заместителя прокурора Тульской области и характеризовал как специалиста высокой квалификации и профессиональной подготовки. Вечером 3 декабря Б.Н. Кузнецов прилетел в Кировабад, а уже 4 декабря мы выделили из общей следственной группы под руководством Б.М. Смирнова специализированную группу следователей по расследованию этого преступления, которую Борис Николаевич и возглавил. Дополнительно эту группу мы укрепили еще несколькими опытными следователями органов прокуратуры. Оперативную группу розыска возглавил начальник отделения одного из отделов ГУУР МВД СССР полковник милиции Н.В. Колошин. Для их работы мы выделили отдельное помещение в прокуратуре города. Интуиция подсказывала мне, что идентичные показания водителей автоколонны № 2705 носят постановочный характер, а лица, создавшие им алиби на момент совершения преступления, могли действовать из принципа круговой поруки. Поэтому я предложил Б.Н. Кузнецову заново отработать показания этих водителей и поминутно зафиксировать места их нахождения в период с 16 до 20 часов. В свою очередь, эти показания также должны были быть тщательно проверены путем допросов тех лиц, на которых они ссылались и которые могли бы подтвердить факт их нахождения в это время в указанных ими местах. Одновременно с этим нужно было продолжить допросы военнослужащих 5 роты парашютно-десантного полка и курсантов Краснодарской школы милиции для выявления очевидцев эпизода, когда водитель покинул автомобиль, в целях его возможного опознания. По моему поручению сотрудники Главного управления уголовного розыска МВД СССР и образованной ими оперативной группы розыска еще раз тщательно опросили всех военнослужащих десантного полка, курсантов

школы милиции и работников милиции Гянджинского РОВД г. Кировабада, находившихся в момент совершенного преступления на улице Джапаридзе, с целью установления очевидцев и максимального круга свидетелей. И эта работа принесла свой результат. Так, командир 2-го взвода 5 роты лейтенант К.В. Гришин на допросе показал, что после наезда автомобиля на десантников 1-го взвода он вместе с замполитом роты лейтенантом В.Н. Поповым стал догонять этот автомобиль. Вдвоем они запрыгнули на подножку кабины со стороны водителя. Так как стекло в двери кабины то ли было опущено вниз, то ли было разбито, он смог беспрепятственно ухватиться рукой за руль и вывернуть его вправо. Автомобиль въехал сначала на бордюр, переехал его и, ударившись в ствол дерева, остановился. Водителя он хорошо рассмотрел и мог его опознать. При этом водитель угрожал ему ножом и кричал по-русски с сильным акцентом «Убью, зарежу, пусти руль». В этот момент участники беспорядков сбили его камнями с подножки автомобиля, а когда он через несколько секунд бежал вокруг автомобиля, чтобы защититься от града камней, то в кабине уже никого не было. Аналогичные показания дал и заместитель командира роты по политической части лейтенант В.Н. Попов с тем лишь дополнением, что сначала он был сбит камнями с подножки автомобиля, на которой еще находился К.В. Гришин, и попытался бежать его вокруг. Однако и с другой стороны автомобиля вновь получил сильный удар камнем в лицо, упал и потерял сознание. Когда пришел в себя и вытер кровь с лица, то водитель уже скрылся. Однако последнего он смог хорошо рассмотреть и может его опознать. На момент допроса В.Н. Попов находился в госпитале после полученных в тот день телесных повреждений. При этом и К.В. Гришин, и В.Н. Попов указали приметы водителя автомобиля, его примерный возраст, черты лица, одежду, акцент при произношении русских слов. Это было значительным продвижением вперед на пути раскрытия этого особо тяжкого преступления.

6 декабря всех четырех водителей Б.Н. Кузнецов задержал в качестве подозреваемых в этом преступлении в порядке ст. 119 УПК Азербайджанской ССР, так как при проверке предъявленных ими алиби были выявлены существенные нестыковки в показаниях и противоречия в части времени их нахождения в момент совершения этого преступления. Будучи задержанным в качестве подозреваемого, водитель автомобиля ЗИЛ-130 № 53-59 К. Ахмедов изменил свои показания и сообщил, что после того, как все водители возвратились в гараж на автомобиле КАМАЗ, то водители Н. Абдулаев и Н. Мустафаев собрались снова ехать к гостинице, чтобы забрать свои автомобили. Он побоялся ехать вместе с ними, так как видел, что там на улице шли столкновения местных жителей с военнослужащими. Поэтому он передал Н. Абдулаеву 5 ключей на связке от своего автомобиля и попросил его, по возможности, перегнать его также в гараж. Кроме этого, он сообщил, что его автомобиль ЗИЛ-130 № 53-59 23 ноября был обнаружен механиком автоколонны С.Д. Джафаровым на одной из улиц города, который в этот же день и перегнал его в гараж. Эти показания он дал с применением видеозаписи. Показания в этой части подтвердил и свидетель С.Д. Джафаров.

В то же время, 8 декабря свидетель К.В. Гришин среди предъявленных ему для опознания трех лиц, где находился и К. Ахмедов, не опознал в них того водителя, который управлял автомобилем ЗИЛ-130 в момент наезда на военнослужащих. Но затем, в тот же день, среди предъявленных ему для опознания трех лиц, где находился Н. Абдулаев, он уверенно опознал 26-ти летнего Низами Абдулаева как водителя, управлявшего автомобилем в момент наезда на десантников его роты и как того человека, которого они совместно с В.Н. Поповым хотели задержать. После опознания между К.В. Гришиным и Н. Абдулаевым была проведена очная ставка, на которой К.В. Гришин подтвердил свои показания и еще раз уверенно назвал Н. Абдулаева тем лицом, под управлением которого автомобиль

ЗИЛ-130 совершил наезд на его сослуживцев по десантному полку. Сам Н. Абдулаев эти показания категорически отрицал. На следующий день 9 декабря прокурор города Э.А. Фаталиев дал санкцию на арест Н. Абдулаева в порядке ст. 167 УПК Азербайджанской ССР без предъявления обвинения. Остальные водители автоколонны в этот же день из-под стражи были освобождены. А еще через три дня выписавшийся из госпиталя свидетель В.Н. Попов при предъявлении ему для опознания уже пяти лиц, уверенно опознал среди них Н. Абдулаева как водителя автомобиля, совершившего наезд на военнослужащих его роты. Таким образом, с учетом всех добытых доказательств это особо тяжкое преступление нами наконец было раскрыто.

14 декабря, в криминалистическом железнодорожном вагоне Прокуратуры Союза ССР, который благодаря активным действиям Н.А. Емельянова уже две недели стоял на железнодорожной станции Кировабад и обеспечивал криминалистическую поддержку следственным действиям, мною было предъявлено обвинение Н. Абдулаеву с применением видеозаписи. Он обвинялся в совершении умышленного убийства нескольких лиц, а также покушения на умышленное убийство нескольких лиц из хулиганских побуждений способом, опасным для жизни многих лиц и в связи с выполнением потерпевшими служебного долга, по ст. 94 пп. 2, 3, 4, 6 и ст.15 и 94 пп. 2, 3, 4, 6 УК Азербайджанской ССР.

В предъявленном ему обвинении Н. Абдулаев виновным себя не признал, однако теперь уже дополнил свои показания признанием того факта, что действительно вместе с водителем Н. Мустафаевым возвращался к гостинице, от которой они вдвоем перегнали в гараж закрепленные за ними автомобили ЗИЛ-130. Признал он также и факт передачи ему водителем К. Ахмедовым ключей от автомобиля № 53-59. Однако теперь он категорически утверждал, что этот автомобиль он не успел перегнать в гараж, так как был направлен руководством

автоколонны в аэропорт на погрузку вещей прибывших военнослужащих. Кто совершил наезд на автомобиле № 53-59 на военнослужащих, он не знает. После предъявления обвинения и допроса Н. Абдулаев тут же был отправлен в аэропорт и этапирован самолетом в Москву в сопровождении Б.Н. Кузнецова и сотрудников ГУУР МВД СССР.

20 и 21 декабря обвиняемый Н. Абдулаев, находясь в следственном изоляторе № 4 МВД СССР на ул. Матросская тишина в г. Москве, на имя начальника СИЗО написал два заявления о чистосердечном раскаянии, в которых сообщил, что наезд автомобилем ЗИЛ-130 на военнослужащих совершил он. Допрошенный следователем Б.Н. Кузнецовым по существу написанных им заявлений Н. Абдулаев, признавая факт нахождения за рулем автомобиля ЗИЛ-130 № 53-59 в момент наезда на военнослужащих, выдвинул, однако, новую версию происшедших событий. Он заявил, что еще до наезда на группу военных на подножку кабины со стороны водителя запрыгнул офицер, который схватился рукой за руль и стал крутить его то влево, то вправо. Он же пытался выровнять руль и дернул его вправо. В этот момент автомобиль наехал на солдат. Поэтому он совершил на них наезд не умышленно, а из-за действий офицера, который изменил траекторию движения автомобиля.

И это был уже серьезный вызов следствию, так как сделанные обвиняемым заявления и избранная им позиция своей защиты, в рамках предъявленного ему обвинения свидетельствовали об отсутствии у него прямого умысла на совершение убийства и покушения на убийство военнослужащих. А это, в свою очередь, влекло за собой и переквалификацию обвинения на более «мягкую» статью Уголовного кодекса, предусматривающую ответственность за нарушение правил безопасности эксплуатации транспортных средств, повлекшее гибель нескольких лиц. Естественно, что мера наказания по этой статье была значительно мягче и исключала применение смертной казни. А если рассматривать нарушение правил безопас-

ности эксплуатации транспортных средств под воздействием непреодолимой силы, то признание этих обстоятельств вообще исключало уголовную ответственность за содеянное. Было совершенно очевидно, что с Н. Абдулаевым хорошо поработал его защитник, по совету которого он и написал свои заявления.

Доказывание умысла на совершение противоправных действий в процессе расследования любого преступления всегда было связано с объективными сложностями в части установления источников доказательств, особенно в случае полного отрицания вины обвиняемым. Об этом защитник Н. Абдулаева безусловно был хорошо информирован. И мы вновь приняли вызов, на этот раз брошенный нам адвокатом. Мы – это все следователи, которые участвовали в раскрытии и расследовании этого преступления: Кузнецов Борис Николаевич, младший советник юстиции, Шевченко-Корженецкий Игорь Георгиевич, капитан юстиции, Тютин Анатолий Александрович, младший советник юстиции, Борецкий Олег Дмитриевич, юрист 3-го класса, Григорьев Сергей Александрович, лейтенант милиции, и конечно я сам, старший советник юстиции и руководитель следственной бригады Прокуратуры СССР.

Чтобы опровергнуть избранную линию защиты, нам нужно было собрать и выстроить в логическую последовательность все объективные данные, основанные на показаниях свидетелей, об обстоятельствах совершенного Н. Абдулаевым преступления. В свою очередь, эти показания содержали ряд противоречий либо только отдельные фрагменты происшедших событий, что было характерно для массовых беспорядков, когда события развивались стремительно и многообразно. И так уж устроена человеческая память, способная запоминать отдельные фрагментарные события в отрыве от общей картины их развития. В то же время устранить эти противоречия и установить полную объективную картину происшедших событий путем проведения дополнительных допросов и очных ставок не представлялось возможным. Я долго думал над этим и при-

шел к выводу, что помочь нам мог только следственный эксперимент на месте совершения этих событий с расстановкой всех их участников в места, откуда они их наблюдали, в том числе с привязкой их ко времени. Поэтому сразу после новогодних праздников и возвращения в Кировабад из Москвы вместе с Б.Н. Кузнецовым я стал обдумывать организацию проведения этого широкомасштабного следственного эксперимента в целях проверки и уточнения показаний всех свидетелей на месте совершенного преступления с применением опытно-экспериментальных заездов участвовавшего в нем автомобиля ЗИЛ-130. Здесь необходимо отметить, что после установления этого автомобиля как участника преступления и его осмотра он был изъят из автоколонны № 2705 и поставлен на стоянку во дворе отдела вневедомственной охраны УВД Кировабада во избежание возможности неконтролируемого изменения технического состояния его систем управления и торможения.

Проведение подобного рода эксперимента на территории города требовало очень тщательной подготовки и большого количества различных согласований с военными и гражданскими властями. Однако достижение цели по результатам проведения эксперимента должно было оправдать огромные организационные сложности при его подготовке. К тому же я обоснованно рассчитывал, что полученные в ходе эксперимента данные, во-первых, помогут устранить если не все, то многие противоречия в показаниях свидетелей, а во-вторых, полученные экспериментальные данные о траектории и скорости движения автомобиля, о месте наезда на военнослужащих, о видимости и обзорности из кабины водителя и о возможности его экстренного торможения, наконец, о времени и месте совершенной офицерами-десантниками попытки остановки автомобиля и задержания его водителя в своей совокупности могли бы свидетельствовать о направленности умысла Н. Абдулаева в момент совершения им преступления.

Кроме прокуроров-криминалистов, входивших в состав нашей следственной бригады, я решил привлечь для участия в следственном эксперименте и экспертов-криминалистов экспертно-криминалистической группы МВД СССР, также входивших в ее состав. Но и этого было недостаточно. Для проведения судебных автотехнических и транспортно-трассологических экспертиз и участия в следственном эксперименте, я решил пригласить в Кировабад экспертов Донецкого отделения Харьковского научно-исследовательского института судебных экспертиз Министерства юстиции УССР. На участие последних в нашем эксперименте я рассчитывал исходя из сложившихся несколько лет назад добрых отношений с руководством этого отделения при проведении различного рода экспертиз во время моей работы на Донбассе. Тем не менее моя телеграмма о командировании специалистов отделения в Кировабад, то есть за пределы Украины, потребовала мотивированного запроса и согласования с руководством Харьковского института судебных экспертиз. Эти требования были нами выполнены и согласования о командировании специалистов института в Кировабад были получены. Значительное время потребовалось и на согласование проведения этого мероприятия с руководителями горкома партии и горисполкома, военным комендантом, а также командованием воинских частей и школ курсантов милиции.

Осмысление методики и тактики проведения такого эксперимента, разработка его плана и осуществление подготовительных организационных мероприятий заняли почти месяц, с учетом отвлечения на расследование и других совершенных в городе преступлений.

1 февраля в Кировабад прилетели заведующий сектором автотехнических исследований Донецкого отделения ХНИ-ИСЭ В.И. Полуницкий и заведующий сектором криминалистических исследований этого же отделения института В.П. Мельничук. На следующий день они приступили к из-

Экскурсия по Кировабаду. Городская достопримечательность – жилой дом, обложенный пустыми бутылками. Слева направо: Кондратов А.И., Мельничук В.П., Кузнецов Б.Н. Февраль 1989 г.

учению материалов дела, относящихся к данному эпизоду совершенного преступления, а еще через день мы выехали вместе с ними на место преступления, которое ими было внимательно осмотрено. После этого вместе мы отправились в отдел вневедомственной охраны УВД, где эксперты тщательно осмотрели находившийся на стоянке автомобиль ЗИЛ-130. В результате этого В.И. Полуницким были внесены некоторые существенные дополнения в тактику эксперимента, которые были отражены в плане его проведения.

Из дневника: «4 февраля, суббота. Утром Б.Н. Кузнецов представил мне план проведения следственного эксперимента, назначенного на 8 февраля, который я и утвердил наконец. Затем созвонился с первым секретарем горкома партии

Экскурсия в горы, по дороге на озеро Гей-гэль. Слева направо: Полуницкий В.И., Кондратов А.И., Мельничук В.П. Кировабад, февраль 1989 г.

С.Ф. Мамедовым и вместе с Б.Н. Кузнецовым мы выехали к нему на встречу. Там же встретили и председателя горисполкома Н.И. Халилова. Доложили им обоим наш план организации следственных действий на улице Джапаридзе, в районе гостиницы «Кяпаз» и получили на его осуществление их одобрение и согласие. Для взаимодействия с нами по этому вопросу были подключены второй секретарь горкома партии и заместитель председателя горисполкома. Также договорились и о публикации в местной печати и сообщении по местному радио обращения военного коменданта особого района к жителям города об оцеплении 8 февраля участка улицы Джапаридзе и изменении в этот день маршрутов движения автобусов и троллейбусов».

По этой дневниковой записи, предшествовавшей следственному эксперименту, можно ошибочно предположить, что согласование с руководителями города было проведено быстро и беспрепятственно. Пришлось провести несколько встреч. И председатель горисполкома, и первый секретарь горкома партии были уже информированы о том, что совершенное на улице Джапаридзе преступление раскрыто, а совершивший его преступник арестован. Поэтому, не вдаваясь в подробности, они не могли понять, зачем нужно проводить такие масштабные следственные действия с привлечением большого количества сил и средств, для чего в течение длительного времени осуществлять перекрытие движения пешеходов и транспорта, создавая дополнительные неудобства жителям города. Прибегнуть к помощи А.В. Фролова я не мог, так как он в эти дни находился в Ереване, а Н.А. Емельянов еще до Нового года убыл в Москву. Моего личного авторитета для изменения их точки зрения было недостаточно. Поэтому мне пришлось подключать авторитет прокурора города и военного прокурора гарнизона, чтобы всё же убедить их в необходимости проведения задуманного мною эксперимента. Помимо этого, командир десантной дивизии полковник В.А. Сорокин, в преддверии присвоения ему воинского звания генерал-майор, также не вдаваясь в подробности, отказывался выделять солдат и офицеров дивизии для участия в следственном эксперименте, чтобы избежать возможных при этом внештатных ситуаций с нежелательными для него последствиями. И снова пришлось обращаться к военному коменданту города и военному прокурору гарнизона для оказания воздействия на это его формальное сопротивление. Но в конце концов все организационные вопросы были согласованы. Проведение следственного эксперимента мною было поручено Б.Н. Кузнецову, как руководителю следственной группы, осуществлявшей расследование данного преступления. Общее руководство оставалось за мной.

Следователь Б.Н. Кузнецов проводит проверку показаний свидетеля Бикмашева В.А. на месте наезда на десантников

8 февраля следственные действия на улице Джапаридзе начались в 9 часов утра. Перед началом следственного эксперимента в вестибюле гостиницы «Кяпаз» всем его участникам – 22 свидетелям и 10 понятым, были разъяснены цели проводимого эксперимента, порядок его проведения, а также их права и обязанности. Свидетели были предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Затем каждый из 22 свидетелей поочередно выводился на место совершения преступления, где в ходе допроса давал показания о месте своего расположения 22 ноября 1988 г., месте расположения

Свидетель Попов В.Н. показывает место на проезжей части ул. Джапаридзе, где он и Гришин К.В. запрыгнули на левую подножку автомобиля ЗИЛ-130

автомобиля ЗИЛ-130 до начала его движения, маршруте его движения, месте нахождения потерпевших до наезда на них автомобиля и месте его остановки. В процессе этих допросов почти все несущественные противоречия в данных ими ранее показаниях на следствии были устранены, как вызванные их добросовестным заблуждением и особенностями фрагментарной памяти в экстремальной обстановке. А для фиксации мест расположения свидетелей, маршрута движения автомобиля, места совершения преступления, чтобы исключить систематические замеры расстояний рулеткой, участок улицы Джапаридзе в месте проведения следственных действий, разбили нанесенными на асфальте краской (чем особенно

Следователь Шевченко-Корженецкий И.Г. проверяет показания свидетеля Кумыкова А.А. на месте наезда на военнослужащих

был недоволен председатель горисполкома) двумя основными перпендикулярными осями (А и С) и представляющими их зеркальное отражение двумя вспомогательными осями (В и Д) на расстоянии 6 м от основных, на которых через каждые 2 м проставили точки отсчета. Были изготовлены также и ростовые мишени, которые установили затем в определенном участниках следственного эксперимента месте наезда автомобиля на военнослужащих.

На втором этапе эксперимента были выполнены опытные заезды автомобиля ЗИЛ-130 № 53-59. Всего было проведено 6 экспериментальных заездов, в результате которых по показаниям свидетелей были установлены маршрут движения автомобиля, примерная скорость его движения, оказавшаяся около

*Положение а/м ЗИЛ-130 в момент контакта с деревом
у дома №39 по ул. Джапаридзе*

40 км/час, место травмирования военнослужащих, оказавшееся на отметке 80-82 м по оси С, место попытки его остановки свидетелями К.В. Гришиным и В.Н. Поповым, которое оказалось на отметке 102-104 м по оси С, то есть на расстоянии 20 м за местом наезда и травмирования военнослужащих, дальнейший маршрут движения автомобиля после наезда на военнослужащих до его остановки, а также место остановки автомобиля у расположенного на газоне дерева, соответствовавшее отметкам 128-130 м по оси С.

На третьем этапе было выполнено моделирование взаимного расположения автомобиля и дерева в момент контакта и остановки по следам, оставшимся от этого контакта как на автомобиле, так и на дереве. Это моделирование зафиксиро-

*Фрагмент следственного эксперимента – реконструкция наезда
автомобины ЗИЛ-130 на десантников на месте происшествия
с использованием ростовых мишеней*

ровало их полное соответствие друг другу и указало отклонение автомобиля в правую сторону от проезжей части по ходу его движения через бордюр на газон.

Наконец, на четвертом этапе была установлена обзорность из кабины автомобиля в момент его движения, в том числе во время дополнительного заезда, проведенного при электрическом освещении в 18:42, что соответствовало продолжительности светового дня на 18:20 22 ноября 1988 г. Уже на отметке 55 м с места водителя были хорошо видны стоявшие на проезжей части улицы ростовые мишени, фиксирующие расположение на ней военнослужащих в момент наезда на них. Следственные действия завершились в 18:55.

Конечно, я тоже не мог оставаться в стороне от этого масштабного следственного действия. Находясь в своем служебном кабинете, я по радиостанции контролировал ход его проведения согласно утвержденному мной плану и давал разрешение на его начало и на переходы от одного этапа к другому. Возникшая заминка с включением электрического освещения в обозначенное в плане время, о которой мне доложили по радиации, также была мною оперативно разрешена путем немедленного звонка заместителю председателя горисполкома. Освещение тут же было включено и экспериментальный заезд автомобиля в условиях электрического освещения был выполнен.

Из дневника: «В 17 час. 45 мин. посетил сам место проведения эксперимента. До этого был там в 11 час. 30 мин. в период объявления перерыва и приема пищи. В этот момент как раз произошла заминка, связанная с тем, что в одном из бензобаков автомобиля ЗИЛ-130 закончился бензин. Конечно, я не мог ранее предусмотреть, что у находящегося на стоянке в ОВО УВД автомобиля ЗИЛ-130 милиционеры отольют из одного из топливных баков бензин. Пришлось затратить дополнительное время на перелив бензина из бака другого автомобиля. В 18 час. 15 мин. возвратился в штаб и тут же получил сообщение по радиации об отсутствии электрического освещения на улице Джапаридзе. Через заместителя председателя горисполкома Б.М. Салахова организовал освещение и в 18 час. 37 мин. получил по радиации подтверждение об этом».

О масштабности проведенного нами следственного эксперимента могут свидетельствовать следующие статистические данные. Всего к организации его проведения было привлечено 311 человек, из них 5 следователей, 3 прокурора-криминалиста, 3 эксперта ЭКО УВД, 2 эксперта научно-исследовательского института, 22 свидетеля, чьи показания

проверялись на месте совершения преступления. В оцеплении для обеспечения его проведения и создания условий для его безопасности в период времени с 5 часов утра до 20 часов вечера в день его проведения были задействованы 110 военнослужащих, 112 курсантов школ милиции, 12 сотрудников ОГАИ УВД, 18 сотрудников отдельной роты ППС УВД и 12 сотрудников Гянджинского РОВД Кировабада.

Для технического оснащения эксперимента было задействовано 7 патрульных автомашин милиции, 6 грузовых автомобилей для перекрытия улиц, автомобиль ЗИЛ-130, участвовавший в опытных заездах, а также БМД-2 (боевая машина десанта). Для координации управления действиями участников следственного эксперимента применялись 18 персональных радиостанций и 5 мегафонов. Ход и результаты следственного эксперимента фиксировали с помощью трех видеокамер и двух фотоаппаратов. Фото и видеосъемку производили прокуроры-криминалисты и эксперты-криминалисты экспертной группы МВД СССР.

Согласно заключениям комплексных автотехнических и транспортно-трассологических экспертиз, выполненных экспертами Донецкого отделения Харьковского научно-исследовательского института судебных экспертиз, автомобиль ЗИЛ-130 № 53-59 АЗЦ на момент происшествия находился в работоспособном состоянии. Водитель данного автомобиля при выезде на проезжую часть улицы Джапаридзе за 50 м до места наезда имел объективную возможность обнаружить группу военнослужащих на проезжей части, располагая при скорости 30-40 км/час технической возможностью предотвращения происшествия путем принятия своевременных мер к торможению. Комиссия экспертов не установила данных технического характера, которые противоречили бы траектории движения автомобиля, определенной в результате следственного эксперимента от 8 февраля 1989 г.

Таким образом, прямой умысел в действиях Н. Абдулаева, направленный на совершение умышленного убийства и покушения на умышленное убийство военнослужащих парашютно-десантного полка был подтвержден результатами следственного эксперимента и заключениями комплексных судебных экспертиз. Ими же были исключены и факторы непреодолимой силы, якобы влиявшими на действия Н. Абдулаева в момент управления им автомобилем перед наездом на группу военнослужащих.

Кроме этого, у обвиняемого Н. Абдулаева была произведена выемка пиджака, в котором он с его слов и со слов его родственников был одет 22 ноября. Согласно заключению криминалистической экспертизы волокнистых материалов, выполненной экспертом Донецкого отделения ХНИИСЭ, на пиджаке имелись вискозные волокна светло-желтого и светло-серого цвета (5 шт.) общей родовой принадлежности двух кусков ткани, образованной нитями коричневого, светло-серого и серо-желтого цвета, изъятых из обивки сидений автомобиля ЗИЛ-130 № 53-59 АЗЦ.

И всё же в дальнейшем Н. Абдулаев вновь отказался от своих показаний о совершении им этого преступления и стал имитировать признаки душевного расстройства. При проведении судебно-психиатрической экспертизы в институте судебной психиатрии им. В.П. Сербского Н. Абдулаев был признан вменяемым при отсутствии какой-либо патологии в его физическом состоянии. Очередная попытка уклониться от уголовной ответственности за содеянное не принесла Н. Абдулаеву ожидаемого им результата.

Таким образом, собранные нами доказательства безусловно свидетельствовали о виновности Н. Абдулаева в совершенном им тяжком преступлении, в связи с чем в следственном изоляторе № 4 г. Москвы следователем Б.Н. Кузнецовым ему было предъявлено окончательное обвинение.

После составления обвинительного заключения в июле 1989 г. и его утверждения прокурором Азербайджанской ССР И.А. Исмаиловым уголовное дело по обвинению Н. Абдулаева было направлено сначала в Прокуратуру Союза ССР, а затем в Верховный Суд СССР для определения его дальнейшей подсудности. После длительной паузы рассмотрение этого уголовного дела было поручено Ростовскому областному суду.

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 25 января 1990 г. Н. Абдулаев был признан виновным в предъявленных ему обвинениях и осужден к исключительной мере наказания – смертной казни.

28 июня 1990 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев в судебном заседании дело по кассационной жалобе адвоката на приговор Ростовского областного суда от 25 января 1990 г., оставила его без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения.

А годом ранее, 13 февраля 1989 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные при выполнении спецзадания, гвардии лейтенант Б.М. Гусев был посмертно награжден орденом Красного Знамени, а гвардии рядовые О.А. Юрченко и А.Н. Косенко были посмертно представлены к награждению орденами Красной Звезды.

Вечная слава и память воинам-десантникам, защитникам нашего Отечества от террора, экстремизма и национализма!

Агония

Весной 1989 г. волнения и беспорядки на межнациональной почве произошли и в Грузии. 18 марта в абхазском селе Лыхны состоялся 30-тысячный абхазский сход, который выдвинул предложение о выходе Абхазской АССР из состава Грузинской ССР и восстановлении ее в статусе союзной

республики. Многотысячные абхазские митинги в знак поддержки этой инициативы прокатились по Абхазии – в Сухуми, Гали, Леселидзе и других городах. Это вызвало резкую негативную реакцию среди грузинского населения. 4 апреля в знак протеста начался бессрочный многотысячный митинг в столице Грузии Тбилиси. В какой-то момент митингующие от абхазского вопроса перешли к вопросу национального самоопределения Грузии. На площади стали появляться лозунги за свержение советской власти и коммунистической партии.

Для предотвращения массовых беспорядков в Тбилиси были переброшены подразделения внутренних войск МВД, воздушно-десантные войска МО, пермского и воронежского ОМО(а), а также слушатели Горьковской высшей школы МВД СССР. Ранним утром 9 апреля по приказу военного коменданта г. Тбилиси генерал-полковника И.Н. Родионова военнослужащие начали вытеснять митингующих с центральной площади перед Домом правительства и с проспекта Руставели. В результате плохо подготовленной операции и необдуманных действий работников милиции по установке оцепления и перекрытию автотранспортом всех примыкающих к проспекту улиц, митингующие создали толчею и давку в процессе их вытеснения с проспекта. Это привело к тому, что 18 человек погибли на месте от асфиксии и многочисленных переломов ребер (из них 16 женщин). Еще 138 человек из числа митингующих были госпитализированы в больницы с различными травмами, а всего на проспекте Руставели было травмировано 202 человека. Среди военнослужащих Советской Армии и внутренних войск МВД пострадали 189 человек. Им были нанесены увечья и травмы металлическими прутьями, камнями, бутылками, цепями и самодельными взрывными устройствами. Всю ответственность за эти события и их последствия М.С. Горбачёв возложил на военное руководство страны, вследствие чего генерал И.Н. Родионов написал рапорт о своей отставке с должности командующего Закавказским военным округом.

События же, связанные с межнациональным противостоянием азербайджанского и армянского населения, достигли своего апогея уже в Баку – столице Азербайджана.

23 сентября, через месяц после нашего отъезда из Кировабада, Верховный Совет Азербайджанской ССР принял Конституционный закон «О суверенитете Азербайджанской ССР». Согласно этому закону, Азербайджан, конечно, оставался еще в составе союзного государства, однако с этого момента в республике устанавливался приоритет азербайджанской конституции над советской. Этот закон позволил создать тот юридический плацдарм, который способствовал в дальнейшем полному государственному суверенитету и выходу из состава СССР. Этому в значительной степени способствовали как погромы азербайджанцев в Нагорном Карабахе и Армении, так и кровавые события января 1990 г. в Баку. Тогда в ночь с 19-го на 20 января, в целях пресечения массовых беспорядков и погромов жилищ армян, по приказу министра обороны СССР Д.Т. Язова в город были введены подразделения воздушно-десантных войск, штурмовые бригады сухопутных войск МО СССР, подразделения внутренних войск МВД СССР, а также курсанты военно-учебных заведений МО и МВД СССР. Ввод войск в город был встречен ожесточенным сопротивлением активистов Народного фронта Азербайджана и его сторонников. Это сопротивление сопровождалось воздвижением многочисленных баррикад и применением огнестрельного оружия. В результате этих событий погибло 147 жителей города и более 20 военнослужащих. 744 человек получили ранения различной степени тяжести.

Эти события вошли в историю Азербайджана как «Черный январь» и явились бесславленным итогом межнациональной политики руководства СССР и большой человеческой трагедией в жизни азербайджанского народа.

Массовые беспорядки в дальнейшем не ограничились только регионами Закавказья. Маховик их с еще большей силой и ожесточением стал раскручиваться в Средней Азии. Сначала в Ферганской долине в Узбекистане в июне 1989 г., затем в Душанбе – столице Таджикистана в феврале 1990 г. и, наконец, в Оше, Узгене и других городах и районах Киргизии в июне 1990 г. В Узбекистане и Киргизии беспорядки носили особенно массовый и жестокий характер.

В Ферганской долине Узбекистана проживали турки-месхетинцы, депортированные еще в 1944 г. из Месхетии – одного из районов Грузии. Они-то и стали объектом нападения со стороны узбеков из-за конфликта, возникшего на бытовой почве. Всего за время беспорядков в июне 1989 г. здесь погибли 103 человека, травмы и увечья получили 1011 человек, было ранено 137 военнослужащих и 110 работников милиции.

В Киргизии объектом нападения со стороны киргизов стали проживавшие там узбеки. Поводом для межнационального конфликта послужил земельный спор по поводу выделения киргизам земельных участков колхоза им. Ленина в пригороде Оши, в котором работали в основном узбеки. Первое столкновение, в котором приняли участие более тысячи человек с обеих сторон, произошло как раз на колхозном поле. Всего за период возникших в июне 1990 г. массовых беспорядков в городах и районах Киргизии погибли 305 человек, 1371 человек получили ранения и увечья.

В Душанбе объектом нападения националистов-таджиков стали сначала армянские беженцы из Баку, а затем и представители русскоговорящего населения столицы Таджикистана. Здесь беспорядки переросли в полномасштабные антисоветские акции, направленные против партийных и советских руководителей республики. В результате беспорядков их участники прорвались в здание ЦК Компартии Таджикистана и подожгли его. Кроме этого, были со-

вершены погромы 35 промышленных и торговых предприятий, организаций и учреждений, повреждены и сожжены 182 единицы автотранспорта и боевой техники. Всего же было совершено 1248 эпизодов различных преступлений. За несколько дней беспорядков с 12 по 14 февраля 1990 г. 22 человека погибли, 860 человек получили ранения, из них 96 военнослужащих, 97 работников милиции, 84 женщины. С моим участием здесь также было организовано расследование силами объединенной следственной бригады в составе 140 следователей органов прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности. По аналогии с Кировабадом, были образованы штабы следствия и розыска, а также создан информационный центр на базе персонального компьютера, так как количество совершенных преступлений и их характер были практически идентичны событиям, происшедшим в Кировабаде.

На фоне этих кровавых событий начался процесс суверенизации республик, входивших в состав СССР. Так называемый «парад суверенитетов» возглавили республики Прибалтики. Еще в первый год массовых беспорядков, произошедших в Азербайджане и Армении, 16 ноября 1988 г. Верховным Советом Эстонской ССР была принята «Декларация о суверенитете». Затем, 26 апреля 1989 г., Декларацию о государственном суверенитете принимает и Верховный Совет Литовской ССР. 28 июля 1989 г. Верховный Совет Латвийской ССР также принял Декларацию о государственном суверенитете Латвии. Эти законодательные акты противоречили 74-й статье Конституции СССР (в случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует закон СССР). Однако в отсутствие Конституционного суда СССР Верховный Совет СССР не принял решительных мер, направленных на отмену или приостановление этих противоречащих Конституции СССР законодательных актов. Наконец, учитывая

бездеятельность союзного центра, Верховный Совет Латвийской ССР пошел еще дальше в части продвижения своей политики обретения независимости. 4 мая 1990 г. им была принята Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики.

К сожалению, в «параде суверенитетов» приняла участие и Россия. 12 июня 1990 г. на первом съезде народных депутатов РСФСР под председательством уже Б.Н. Ельцина участники съезда подавляющим большинством голосов приняли Декларацию о государственном суверенитете РСФСР.

23 июня 1990 г. Декларацию о суверенитете принимает и Верховный Совет Молдавии, к тому времени уже переименованной в Молдову. А в сентябре того же года чрезвычайный съезд народных депутатов всех уровней Приднестровья после проведенного референдума принимает Декларацию об образовании Приднестровской Молдавской ССР в составе СССР. В итоге республика Молдова стала первой союзной республикой, расколовшейся на два государственных образования по этническому признаку. Так называемый «парад суверенитетов» создал правовые предпосылки дальнейшего распада Советского Союза.

В июле 1990 г. о своем суверенитете заявили и ближайшие к России союзные республики Украина (16 июля) и Белоруссия (27 июля), Верховные Советы которых также подавляющим большинством приняли соответствующие декларации.

Эти процессы, естественно, не обошли и республики Закавказья, откуда и начались межнациональные волнения. 23 августа 1990 г. Верховный Совет Армянской ССР принял Декларацию о независимости и переименовании союзной республики в Республику Армения. А через год, 21 сентября 1991 г. на территории Армении был проведен референдум по вопросу независимости и выхода из состава СССР. По итогам референдума 23 сентября 1991 г. Верховный Совет Рес-

спублики Армения принял Декларацию о государственной независимости и провозгласил Армению независимым суверенным государством. Армения оказалась единственной из 15 союзных республик, осуществившей выход из Союза ССР с соблюдением требований Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г. и ст. 72 Конституции СССР, закреплявшей право союзных республик на свободный выход из Союза ССР.

14 ноября 1990 г. Верховный Совет Грузинской ССР переименовал название республики в Республику Грузия, а 9 апреля 1991 г. Верховный Совет и Правительство Республики Грузия приняли Акт о государственной независимости уже без проведения всенародного референдума. Тут же необходимо и отметить, что Армения и Грузия не приняли участия в проведении 17 марта 1991 г. Всесоюзного референдума о сохранении СССР.

Как я уже отмечал ранее, 30 августа 1991 г. Верховный Совет Азербайджанской ССР, после ликвидации путча ГКЧП, который был, кстати, руководством республики поддержан, принял Декларацию о восстановлении государственной независимости республики и ее переименовании в Республику Азербайджан. А вскоре, 18 октября того же года, без проведения референдума Верховный Совет Республики Азербайджан принял Конституционный акт «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской республики», которым был юридически провозглашен выход из состава СССР.

Таким образом процесс гласности и демократизации советского общества, в русле проводимой М.С. Горбачёвым политики «перестройки и нового политического мышления», зашел далеко за рамки законности, породил в отдельных слоях общества вседозволенность и акты экстремизма.

В свою очередь, незаконные следовало пресекать предусмотренными законом средствами. Конституция СССР и подкрепившие ее итоги референдума 17 марта 1991 г. позволяли Президенту СССР употребить для спасения страны волю, решительность и силу. Однако он как гарант Конституции СССР показал свою полную несостоятельность, безответственность и ущербность в вопросах обеспечения внутренней безопасности и сохранения целостности государственного устройства в рамках единого союзного государства. Воспользовавшись ослаблением центральной власти и коммунистической идеологии в обновляемом советском обществе, последовавшими за исключением ст. 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС (14 марта 1990 г.), экстремисты и радикальные националисты различных общественных движений разожгли в национальных республиках сначала пламя межнациональной вражды и розни, а затем и процессы разрушения единого государства под знаменами национального возрождения, суверенитета и борьбы за независимость.

Остановить эти процессы Политбюро ЦК КПСС во главе с М.С. Горбачёвым не смогло. Сначала эти процессы не замечали вообще, затем реагировали, но с большим опозданием и без реальной оценки происходящих процессов. Руководству страны тогда не хватило ни политической воли, ни политической дальновидности, ни государственной мудрости для выработки чрезвычайных и эффективных мер в сфере национальной политики и межнациональных отношений. Слабым утешением явилась стартовавшая в апреле 1991 г. государственной резиденции в Ново-Огарёво в Подмоскovie совместная работа представителей 9 из 15 союзных республик, на территории которых проводился референдум за сохранение СССР, руководители которых по итогам референдума дали свое согласие остаться в новом союзном государстве. Этой группой в итоге был подготовлен текст нового союзного

договора, предусматривавшего сохранение союзного государства с заменой его федеративного устройства конфедерацией, что предусматривало образование союза равноправных суверенных государств, делегировавших отдельные незначительные полномочия союзному центру. Подписание этого нового договора было назначено в Москве на 20 августа 1991 г. Однако подписание нового союзного договора не состоялось в виду введения чрезвычайного положения в Москве исполняющим обязанности Президента СССР Г.И. Янаевым – руководителем образованного Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

Отстранившие 19 августа временно от власти М.С. Горбачёва члены ГКЧП (Г.И. Янаев, В.С. Павлов, В.А. Крючков, Д.Т. Язов, Б.К. Пуго, О.Д. Бакланов, А.И. Тизяков и В.А. Стародубцев) проявили такую же степень безволия и безответственности. Не имея конкретного плана чрезвычайных мер по возрождению разрушающейся страны, они только усугубили и ускорили ее распад и неминуемую гибель. Что в итоге и произошло, так как образование и деятельность ГКЧП не нашла поддержки у большей части населения страны. Подписание нового союзного договора после действий ГКЧП стало уже невозможным. В то же время это развязало руки лидерам отдельных союзных республик для окончательного разрушения Договора об образовании СССР от 1922 г.

5 декабря 1991 г. на территории Белоруссии в Беловежской пуще, в резиденции Вискули, официальными лицами России, Белоруссии и Украины (Б.Н. Ельциным, С.С. Шушкевичем и Л.М. Кравчуком) было подписано «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств» вопреки результатам всесоюзного референдума о сохранении СССР, проведенного 17 марта 1991 г., когда 77.8 % его участников (9 из 15 союзных республик) проголосовали за сохранение СССР, в том числе жители России, Белоруссии и Украины.

И вот уже через 20 дней, учитывая ситуацию, связанную с образованием СНГ, 25 декабря 1991 г. в 19 часов М.С. Горбачёв заявил о сложении своих полномочий Президента СССР. В 19:35 по московскому времени с купола бывшего здания Сената в Кремле был спущен государственный флаг СССР – красный стяг с серпом и молотом. На следующий день верхняя палата Верховного Совета СССР – Совет Республик приняла декларацию о прекращении существования СССР. Так бесславно закончился исторический путь великого государства рабочих и крестьян.

Эпилог

С тех пор прошло уже много лет, но память вновь и вновь возвращает меня в те дни, когда пришлось испытать шок и трепет от масштабов чудовищных злодеяний, растерянность от решения стоявших нестандартных задач, неустроенности быта, отсутствия рабочих мест и технического обеспечения следственных действий. Всё это пришлось пережить и преодолеть, заставив себя собраться и через «не могу» работать в тех условиях самому и организовать работу своих подчиненных, обеспечивая сложнейшие организационные и оперативно-следственные задачи. И хорошо, когда в такой ситуации ты оказываешься вдвоем со своим коллегой и товарищем по работе, с которым можно было обсуждать стоявшие проблемы и искать пути их решения. Хуже, если в такой ситуации ты оставался один.

Мне в этом плане повезло. Как я уже отмечал ранее, много времени со мной в Кировабаде провел и прожил заместитель начальника следственной части Прокуратуры Союза ССР Александр Васильевич Фролов. Он периодически выезжал от нас сначала в Ереван, затем в Кировакан, где, также

Прокуратура Союза ССР. Слева направо: Фролов А.В., Калиниченко В.И., Емельянов Н.А. Москва, май 1989 г.

оказывал помощь в организации расследования массовых беспорядков. Возвращался к нам, затем снова уезжал туда. Даже на Новый год он остался в Кировабаде, а мне дал возможность немного отдохнуть и съездить к семье в Москву. Это был замечательный человек. Умный и образованный юрист, высококвалифицированный следственный работник, достаточно принципиальный как руководитель и в то же время открытый, общительный, доброжелательный и простой в обращении как человек. Вместе с ним мы находили пути решения многих организационных вопросов. После месяцев, проведенных вместе в Кировабаде, мы стали настоящими друзьями. Страдая гипертонией, он продолжал работать в командировках,

не щадя своего здоровья. Организовывал работу следственных бригад в Узбекистане, где сначала и принял уголовное дело к своему производству, а затем в Киргизии, в условиях экстремально жарких температур. Всё это и привело к тому, что через несколько лет он рано ушел из жизни, не дожив и до 50 лет. Поэтому свои воспоминания я посвящаю памяти этого человека – профессионала, организатора следствия, товарища и друга.

В завершение мне хотелось бы перечислить поименно всех моих коллег и товарищей по работе в следственной части Прокуратуры Союза ССР, которые так же, как и я, прошли этот путь испытаний в процессе расследования массовых беспорядков в Закавказье и Средней Азии.

Это Владимир Семенович Галкин и Владимир Иванович Калиниченко (Сумгаит, Азербайджан), Евгений Иванович Чернышов (Ходжалы, Нагорный Карабах, Азербайджан), Анатолий Иванович Рябко (Ереван, Армения), Василий Александрович Рева (Кировакан, Армения), Георгий Тимофеевич Чуглазов и Людмила Леонидовна Пантелеева (Маргилан, Узбекистан), Александр Георгиевич Морозов, Валерий Евграфович Костарев и Георгий Тимофеевич Чуглазов (Узген, Киргизия), Анатолий Георгиевич Исканцев (Гюльча, Киргизия), Александр Васильевич Фролов (Кировабад, Азербайджан; Ереван и Кировакан, Армения; Маргилан, Узбекистан; Ош и Узген, Киргизия).

После описанных событий мне довелось участвовать в расследовании массовых беспорядков в Грузии (на втором этапе расследования в конце 1989 г. – начале 1990 г.) и в Таджикистане (с марта по июль 1990 г.).

А тогда, на первом этапе, никто из нас не обладал опытом расследования столь чудовищных и масштабных по количеству и территории их совершения преступлений. И тогда, и сейчас стоит без ответа вопрос: почему обычные люди – студенты и служащие, рабочие и колхозники, теряли свой

человеческий облик, убивали и калечили других таких же простых людей не из-за корысти или мести, а только из-за принадлежности к другой нации. Это сложно понять, еще сложнее простить. Но каждый совершивший эти злодеяния должен был предстать сначала перед Законом, а затем уже и перед Богом.

Мы этого добились, несмотря на выпавшие нам испытания, получив бесценный опыт работы в чрезвычайных условиях, который навсегда останется в нашей памяти.

г. Москва, январь-март 2023 г.

В.Е. Костарев

Узгенская резня

Межэтнические беспорядки в Узгене в июне 1990 года

4 июня 1990 г. в Ошской области Киргизской ССР на почве межнациональных конфликтов произошли массовые беспорядки, беспрецедентные по своему размаху и тяжести, которые в последующем перекинулись на районные центры Узген, Кара-Су, Араван, Гульча, Кара-Кульджа, Наукат и сопровождались убийствами, поджогами, массовыми погромами и избиениями граждан. Наиболее ожесточенный характер они приобрели в Узгенском районе.

Для того, чтобы понять сущность и причины этих беспорядков, следует отметить следующее. Национально-территориальное размежевание в 20-х годах XX столетия коренным образом изменило политическое положение Ферганской долины: она была разделена между Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном; в каждой республике продолжало жить смешанное, многонациональное население. Издавна равнинные участки Ферганской долины занимали оседлые земледельцы (главным образом узбеки), а в горах и предгорьях в аулах жили киргизы – кочевники-скотоводы. Оседлые земледельцы основали целый ряд городов, в том числе Ош и Узген. Исторически сложилось так, что киргизов, живущих в этих городах, было совсем немного. С середины 1960 годов киргизы стали переселяться из горных аулов на равнину и заселять города и сельскую местность вокруг городов, но в конце 1980-х годов в городах Оше и Узгене узбеки значительно превосходили киргизов по численности.

В Ошской области, которая занимает 59 % территории Киргизии, на конец 1980-х годов проживало 2,1 млн. человек, что составляло 47 % всего населения республики. В области насчитывалось более 60 национальностей, народностей и этнических групп, однако этническое большинство при этом составляли киргизы (60 %), а второе по численности место занимали узбеки (26 %). Средний возраст населения составлял 23,5 года. Около 100 тыс. человек не было занято общественно-полезным трудом. В областном центре Ош проживало 23,7 % лиц киргизской национальности и 44 % – узбекской. Значительная диаспора этнических узбеков считала этот город исконно узбекским.

В то же время для кадров советских партийных и правоохранительных органов области была характерна явная национальная диспропорция – руководящие должности преимущественно занимали лица киргизской национальности. Например, в областном Совете народных депутатов из 8 руководящих должностей 6 занимали киргизы, в горотделе милиции областного центра работали 84 % киргизов и только 16 % узбеков. Среди прокурорских работников узбеки составляли 6 % (9 человек), среди 25 горрайпрокуроров было 19 киргизов и лишь 1 узбек. Аналогичное положение сложилось и в других районах. Например, в Алайском, Советском райкомах и райисполкомах руководителями были только киргизы, в Узгенском райкоме партии узбеков на руководящих должностях не было, в райисполкоме узбек был один, в Узгенском РОВД киргизы составляли 91,6 %, хотя население в основном было узбекское. На этом фоне некоторые общественные процессы, связанные с укреплением позиций республик, приобрели узко национальный характер, а попытки решить ряд социально-экономических проблем за счет ущемления интересов других национальностей, исторически проживавших на территории республики, прямо способствовали возникновению и развитию межнациональной напряженности.

Следует отметить и существенную разницу между менталитетами этих двух народов: узбеки всегда много внимания уделяли земле, дому и саду, обустройству территории, на которой они проживали. Киргизы же, напротив, исторически кочевники: они озабочены этим в меньшей степени. В 1990-е годы узбеки были больше заняты торговлей, а киргизы – животноводством. Уровень жизни и интересы у народов были разные, поэтому копилась взаимная неприязнь.

Следует отметить, что юг Киргизии (Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская области) занимает юго-западную часть Ферганской долины. Он богат ресурсами – есть месторождения золота и алмазов. И, конечно, это сельскохозяйственный регион, богатый водой. Естественно, такие места всегда были густо заселены. И исторически большинство населения там – этнические узбеки.

Здесь всё время существовал тугой узел самых разных проблем, противоречий и конфликтов, потенциальными источниками которых являлись неразвитость экономической инфраструктуры, ограниченность земельных и водных ресурсов. Политика перестройки и гласности второй половины 1980-х годов породила подъем национального самосознания как киргизов, так и узбеков. Одновременно обострились социально-экономические проблемы, особо чувствительной стала нехватка земельных участков для жилищного строительства. Как правило, землю требовали выходцы из сельской местности – этнические киргизы, переселившиеся во Фрунзе (Бишкек) и Ош.

Неисполнение Указа Президиума Верховного Совета Киргизской ССР от 22 февраля 1990 г. «Об ответственности за действия, направленные против общественного порядка и безопасности граждан» способствовало нагнетанию обстановки. Деятельность лиц, распространявших слухи и домыслы, своевременно не пресекалась, нередко общеуголовным преступлениям придавался национальный оттенок. Особенно

негативный резонанс вызвали совершенные в 1990 г. убийства киргизов, отца и дочери, в Узгене, узбекской семьи из четырех человек в Кара-Суйском районе, киргиза в общественном транспорте в г. Оше и другие.

Низкий уровень культуры межнациональных отношений, ослабление идеологической работы, активизация деятельности неформальных объединений, преследующих узко националистические цели, способствовали развитию конфликта на межнациональной почве.

С ранней весны 1990 г. начали активизировать свою деятельность неформальные национальные объединения «Адолат» (Справедливость) и «Ош-аймагы» (Ошский регион). Основной задачей «Адолат» было сохранение и развитие культуры, языка и традиций узбекского народа. Цели и задачи «Ош-аймагы» – реализация конституционных прав человека и обеспечение людей земельными участками для жилищного строительства – объединяли в основном молодежь киргизской национальности.

Лидеры неформалов, стремясь к конфронтации с официальными органами власти, громкими фразами и мелкими посулами сумели завоевать авторитет у тех, кто был еще не трудоустроен или не имел жилья – пытались таким способом решить проблемы одного народа за счет ущемления другого.

В мае 1990 г. малоимущие молодые киргизы потребовали предоставить им землю колхоза им. Ленина вблизи города Ош. Местные власти согласились удовлетворить это требование. 27 мая на территории средней школы № 38 в колхозе им. Ленина, чьи земли вплотную прилегали к городу, на митинг собиралось около 5 тысяч киргизов. Туда же прибыли руководители Ошской области. Под давлением митингующих председатель облисполкома Ж. Бекболотов объявил, что для застройки будут выделены 32 гектара хлопковых полей колхоза им. Ленина. Собравшиеся отметили свою победу традиционной церемонией, зарезав на месте будущего поселения жертвенную лошадь и

покаялись не отступить от «завоеванной земли». Члены «Ош-аймагы» при подстрекательстве экстремистки настроенных лиц продолжали призывать молодежь и население к самовольному захвату земель колхоза им. Ленина.

Начиная с 30 мая на полученном поле колхоза киргизы проводили митинги с требованиями сместить с должности первого заместителя председателя Верховного Совета Киргизской ССР, бывшего первого секретаря обкома партии, который, по их мнению, не решал проблемы прописки, трудоустройства и жилья киргизской молодежи и способствовал тому, что в сфере торговли и обслуживания (самой выгодной) в Оше работали в основном лица узбекской национальности.

Узбеки же восприняли выделение киргизам земли крайне негативно, как оскорбление узбекского народа: «Вот пришли киргизы с гор, сегодня захватили нашу землю, завтра выгонят нас из собственного дома, а послезавтра надругаются над нашими женами и сестрами». Они также провели митинги и приняли обращение к руководству Киргизии и области с требованиями создать узбекскую автономию в Ошской области, придать узбекскому языку статус одного из государственных, создать узбекский культурный центр, открыть узбекский факультет при Ошском педагогическом институте и сместить с должности первого секретаря обкома, который якобы защищает интересы лишь киргизского населения. Их недовольство дополнялось тем, что подавляющее большинство руководящих кадров составляли лица киргизской национальности. Они потребовали дать ответ до 4 июня.

С 1 июня узбеки, сдававшие жилье киргизам, начали их выселять, в результате чего более 2300 киргизских квартирантов также стали требовать выделения земельных участков для застройки. Киргизы также потребовали от властей дать им окончательный ответ о предоставлении земель до 4 июня.

Однако республиканская комиссия во главе с председателем Совета Министров Киргизской ССР А. Джумагуловым при-

знала выделение под застройку земли колхоза им. Ленина незаконным и для строительства жилья решено было выделить другие земельные участки. Большинство киргизов и узбеков, нуждавшихся в земле под застройку, согласились с этим решением, но около 200 представителей «Ош-Аймагы» продолжали настаивать на предоставлении им именно земли колхоза им. Ленина.

4 июня на поле спорного колхоза сошлись около полутора тысяч киргизов и более десяти тысяч узбеков. В числе вышеуказанных причин камнем преткновения стал пункт требований о создании узбекской автономии на территории Ошской области. Председатель горисполкома в категоричной форме заявил, что согласно Конституции СССР данный вопрос несостоятелен.

В это время киргизы, почувствовав агрессивность противоположной стороны, стали вооружаться палками, камнями, металлическими прутьями и ломать растущие на краю поля деревья. Хотя в толпе находились экстремистски настроенные лица, тем не менее люди пока держались. Прозвучали призывы не поддаваться провокации и не двигаться навстречу узбекской толпе. Некоторые активисты «Ош-Аймагы» призывали собравшихся к спокойствию и отметили, что их цель – добиться выделения земельных участков, а не драться с узбеками. Вместе с тем звучали заявления, что если узбеки подойдут к ним и начнут их атаковать, то они получают достойный отпор. Руководители области и аксакалы призывали собравшихся разойтись, чтобы успокоить противоположную сторону. Часть митингующих решила так и сделать, но их останавливали, обвинив в трусости.

Противостоявшие митинги разделяла только редкая цепь сотрудников милиции, вооруженных автоматами. Из толпы их стали забрасывать камнями и бутылками, были попытки прорвать оцепление. В этой ситуации один из сотрудников был затащен в толпу и избит. Были произведены несколько пред-

упредительных выстрелов в воздух. Однако это не остановило толпу. В итоге сотрудники милиции открыли огонь на поражение в результате чего было убито семь лиц узбекской национальности.

Вечером разозленные толпы с криками «Кровь за кровь!» двинулись разными путями в город, поджигая машины и избивая представителей «враждебной» национальности, попадавшихся им на пути. На помощь местным киргизам на 10 грузовых автомашинах прибыло подкрепление до 300 человек из Араванского, Наукатского и Кара-Суйского районов, также вооруженных палками и различными предметами.

В г. Ош и прилегающих к нему районах стачки и драки продолжались всю ночь и до 12 часов следующего дня. Были предприняты вооруженные нападения с целью захвата зданий Ошского ГОВД, СИЗО-5, УВД Ошского облисполкома, но это не удалось. Два сотрудника милиции получили ранения. Сотрудники милиции задержали около 35 активных погромщиков-узбеков. В результате бесчинств, в течение дня с обеих сторон погибло 10 человек, в том числе сотрудник милиции, более 60 человек было ранено.

С 4 по 6 июня количество узбекских погромщиков увеличилось до 20 тысяч за счет прибывших из районов, сел и Андижана (Узбекистан).

Только после того, как массовые беспорядки охватили прилежавший к Оше Карасуйский район, в областной центр были переброшены части Советской Армии и внутренних войск МВД СССР. Ценой огромных усилий армии и милиции удалось избежать вовлечения населения Узбекистана в конфликт на территории Киргизской ССР. Поход вооруженных узбеков из городов Наманган и Андижан в Ош был остановлен в нескольких десятках километров от города. Толпа переворачивала милицейские кордоны и сжигала автомобили, были зафиксированы случаи столкновений с армейскими подразделениями. Тогда перед рвущимися в Киргизию узбеками выступили

главные политические и религиозные деятели Узбекской ССР, что помогло избежать дальнейших жертв.

Всего за время событий в г. Оше было убито 35 человек, ранено 363 человека, сожжено 31 жилое строение, 7 гособъектов, 12 единиц транспортных средств. Продолжением ошских событий явились массовые беспорядки в Узгенском районе. Наиболее ожесточенный характер приняли столкновения в самом Узгене – районном центре, который также являлся местом компактного проживания узбеков и находился всего в 54 километрах на северо-восток от Оша.

Узген – древний город на берегу реки Карадарья. Ряд упоминаний в греческих и китайских текстах датируют его возникновение IV веком до нашей эры. Некоторые историки считают, что мифический город Антиохия, построенный преемниками Александра Македонского, именуемый Городом У или Учен, находился именно на месте сегодняшнего Узгена. Сохранившиеся руины и артефакты связывают город с историей Шелкового пути. В XII веке Узген был столицей восточного Караханидского ханства – турецкой династии, правившей Трансоксианой, территорией, охватывающей большую часть Центральной Азии (современный Узбекистан, Таджикистан, южный Кыргызстан и юго-западный Казахстан) с X по XIII века. Многие памятники Узгена являются уникальным историко-культурным наследием.

Поводом для начала массовых беспорядков послужила драка между киргизами и узбеками, происшедшая утром 5 июня на автовокзале. Нарядом милиции шестеро киргизов были задержаны и доставлены в местный райотдел. В 11:30 группа узбеков, около 800 человек, подошла к РОВД и потребовала объяснить, почему отпустили задержанных. Заместитель начальника подполковник милиции М. Маматахунов провел одного из активистов Хасанова и трех других представителей собравшихся в ИВС, после чего они вышли и объяснили толпе, что задержанные содержатся в изоляторе. Стихийно возник митинг.

Следует отметить, что основная масса сотрудников РОВД в тот день была откомандирована в Ош в связи с возникшими там беспорядками.

В 12:20 к собравшимся на мотоцикле подъехал узбек и крикнул: «Из Мирза-Аки идут киргизы!» Действительно, в город начали прибывать на автомашинах (в основном, грузовых и автобусах ПАЗ) группы лиц киргизской национальности, вооруженные ножами, металлическими прутьями и палками, а в ряде случаев оружием.

Возбужденная толпа узбеков пошла по ул. Карла Маркса к универмагу «Мир». 13 сотрудников милиции пытались остановить толпу, но им этого сделать не удалось. По пути движения была остановлена автомашина «Москвич», за рулем которой находился молодой парень-киргиз. В ходе начавшегося избиения он был убит и брошен в протекавший рядом арык. Затем возбужденной толпой был подожжен автобус ЛАЗ.

Ближе к обеду толпа увеличилась до 1500 человек, с подъехавшей автомашины ЗИЛ-130 стали разбрасывать булыжники, которые тут же участники беспорядков подбирали и забрасывали ими работников милиции, витрины магазинов, здания КГБ и суда. По ходу движения толпа выросла до 3000 человек. Раздались выстрелы.

В 17 часов в районе «Черемушек» толпа узбеков встретила толпу киргизов численностью до 300 человек, то есть перевес на стороне узбеков был очевидным. Завязалась драка. 12 сотрудников милиции пытались сдержать противоборствующие стороны, но были рассеяны толпой. Когда через полчаса толпа разошлась, на месте побоища остались 2 трупа и более 50 раненых.

За несколько часов сотни киргизов были избиты, представители киргизской общины стали покидать город. Однако еще к полудню в город стали прибывать организованные вооруженные группы киргизов из близлежащих сел.

В это же время в северо-восточной части города, за мостом реки Яссы, собралась толпа киргизов численностью до 1500

человек, которая стала возмущаться тем, что якобы в местной больнице узбеками убиты находившиеся там на лечении киргизы. 5 сотрудников милиции пытались сдерживать их на мосту и вести разъяснительную работу. Отвезли группу делегатов в больницу и показали, что там нет ни раненых, ни убитых.

*Советские войска охраняют Узген, 1 июля 1990 г.
Фото ТАСС (Е. Петрийчук)*

Около 18 часов через мост на мотоцикле в сторону с. Ильичевки провезли двух раненых киргизов. Толпа, увидев раненых, прорвала цепочку сотрудников милиции и по ул. Фрунзе вошла в город, громя и поджигая дома, убивая попавшихся узбеков.

В 18:30 в город вошла новая толпа киргизов из с. Мирза-Аки численностью до 5000 человек. Они стали организаторами и участниками многочисленных погромов, поджогов, грабежей и убийств. В районе больницы толпа соединилась с подошедшими киргизами из Ильичевки и с криками и стрельбой из ружей начала совершать погромы, поджоги, убийства и изнасилования лиц узбекской национальности. По показаниям очевидцев, действиями групп руководили конкретные лица.

Часть женщин и детей укрылась в домах русскоязычного населения, некоторые бежали за пределы города.

Бесчинства продолжались всю ночь.

6 июня в 5 часов утра в город вошли подразделения 56-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригады ВДВ под командованием полковника В.Г. Евневича.

В этот день организаторы погромов, с раннего утра собрав киргизское население Узгена и Мирза-Аки, в том числе раненых и убитых, на угнанных с Узгенской автобазы машинах скрылись. Оставшиеся в Узгене киргизы стали подвергаться нападениям и преследованию со стороны местных узбеков. До 14 часов киргизское население покинуло пределы города. К 17 часам обстановка в Узгене в основном стабилизировалась, однако убийства и поджоги продолжались до 7 июня – в селах, на пасаках, полях в Узгенском районе киргизы нападали на узбеков и безжалостно убивали их.

По первоначальным данным, на тот период в результате беспорядков в Узгене и Узгенском районе было сожжено 343 жилых дома (из них два киргизских, один русский), 36 государственных объектов, 54 единицы автотранспорта, погибло 113 человек, телесные повреждения различной степени тяжести получили 478 человек.

В Советском районе о массовых беспорядках в Оше стало известно вечером 4 июня. К 19 часам в село Кара-Кульджа Советского района прибыли водители рейсовых автобусов, начавшие распространять среди жителей села слухи о происходящих

в Оше физических расправах узбеков над киргизами. Один из водителей был вызван в здание РОВД для профилактической беседы. В это время у здания РОВД собралась толпа и потребовала отпустить водителя. Часть толпы захватила четыре автобуса местной автобазы и намеревалась выехать в Ош на помощь киргизам. Принятыми мерами накалившуюся обстановку на время удалось нормализовать.

О начавшихся беспорядках в г. Узгене стало известно утром 5 июня, о чем были проинформированы руководители советско-партийных органов. Личный состав РОВД был собран по тревоге. По указанию райкома партии были приняты меры по обеспечению безопасности лиц узбекской национальности, проживающих в районе и приехавших на сезонные работы. В здании райотдела милиции было укрыто 106 узбеков.

Утром 5 июня на границе с Узгенским районом собралось большое количество жителей Советского района с намерением напасть на проживающих там узбеков. Настроение толпы активно подогревал бывший ответственный работник района. Несмотря на принятые меры, толпа примерно к 17 часам устремилась в Узген, совершая на своем пути погромы, поджоги и убийства лиц узбекской национальности. Общее количество прибывших в Узген на автомашинах и верхом на лошадях жителей Советского района достигало приблизительно одной тысячи человек. Первоначальный натиск прибывшей толпы узгенскими узбеками был отражен.

В течение 5-6 июня хулиганствующие и экстремистские элементы предприняли в селе Кара-Кульджа 8 попыток нападения на здание РОВД с целью захвата оружия, причем в первые ряды людской толпы ими выставлялись женщины. В местном отделении ДОСААФ были похищены винтовки.

В ночь с 6 на 7 июня вооруженная часть экстремистов киргизской национальности Советского и Узгенского районов совершила в селе Мирза-Аки убийства, изнасилование,

грабежи и погромы местных жителей. За всё время беспорядков в Советском районе погибло 11 узбеков и 5 киргизов, находившихся за пределами районного центра, 98 ранено, сожжено 3 автомашины.

30 мая в село Гульча (райцентр Алайского района) из города Ош прибыли четыре человека, назвавшие себя членами общества «Ош-Аймагы». Последние во время демонстрации кинофильма обратились к сельчанам с призывом немедленно выехать на помощь к киргизам в город Ош, где они «страдают» от узбеков, которых большинство. Принятыми в этот день мерами обстановку удалось локализовать, но поздним вечером 4 июня и ранним утром 5 июня в селе Гульча и других населенных пунктах Алайского района стали распространяться слухи о насилиях узбеков над киргизами в Оше (часть лиц, распространявших слухи, была сразу же установлена).

К 10 часам утра на площади перед зданием райкома собралась возбужденная толпа около 500 человек, а к 12 часам количество собравшихся превысило 1000 человек. Во время несанкционированного митинга толпа потребовала от руководства района и милиции отправки их в Ош и предоставления им оружия. Руководители района, старожилы села и воины-интернационалисты не смогли образумить толпу.

С раннего утра группа молодых людей в селе Журкун Уч-Добоинского сельсовета начала останавливать автомашины, следовавшие в Ош и избивать водителей узбекской национальности. Затем, киргизы, погрузив раненых в кузова, на захваченных автомашинах направились в сторону села Суфи-Курган. Здесь собравшиеся также потребовали от администрации совхоза транспорт для выезда в Ош. Возбужденная толпа захватила еще 8 автомашин совхоза, на которых отправилась в село Гульча. После прибытия в Гульчу этой группы обстановка еще более накалилась. Усилились требования предоставить оружие, затем толпа направились к зданию РОВД, где предприняла попытку его захвата.

Не добившись своих целей, хулиганствующие элементы стали учинять погромы и поджоги домов узбеков.

6 июня группы экстремистски настроенных лиц на захваченных автомашинах направились в Ош, громя по дороге дома узбеков, издеваясь над жителями и совершая убийства.

К полудню они на машинах и конным порядком достигли прилегающего к Ошу района Фуркат, где также избивали узбеков и издевались над ними. Прибывшие к месту беспорядков силы Советской Армии и внутренних войск пресекли действия бесчинствующей толпы и рассеяли ее.

Несанкционированные митинги и беспорядки продолжались вплоть до 8 июня.

В ходе погромов и столкновений в Алайском районе погибло 9 и было ранено 20 человек, сожжено 4 частных домовладения.

Попытки групповых нарушений общественного порядка на межнациональной почве с 6 по 8 июня предпринимались в Араванском, Наукатском, Сузакском районах, а также в г. Джалал-Абаде. Однако в этих населенных пунктах их удалось пресечь.

В Ферганской, Андижанской и Наманганской областях Узбекской ССР начались избиения киргизов и поджоги их домов, что вызвало бегство киргизов с территории Узбекистана. Поход вооруженных узбеков из городов Наманган и Андижан в Ош был остановлен в нескольких десятках километров от города.

Необходимо отметить, что в период, предшествовавший событиям в Ошской области, имелась реальная возможность предотвращения массовых беспорядков, так как 31 мая, исходя из анализа складывающейся обстановки, руководством МВД республики был поставлен вопрос о введении чрезвычайного положения, но это предложение руководством республики поддержано не было.

С начала возникновения конфликта в республике наблюдалась тенденция к замалчиванию масштабов трагедии и

создание видимости процесса примирения. Это отрицательно сказалось и на организации следственной работы по делу. В результате неверной оценки ситуации прокуратурой Киргизской ССР решение о возбуждении уголовного дела и создании следственной группы было принято только 8 июня.

Из-за перекосов в кадровой политике правоохранные органы республики оказались не в состоянии обеспечить расследование преступлений, совершенных в процессе беспорядков...

По указанию Генерального прокурора СССР А.М. Рекункова в Ош для организации расследования по данным событиям вылетели его заместитель по следствию В.И. Кравцев и заместитель начальника Управления по расследованию особо важных дел Прокуратуры Союза ССР А.В. Фролов.

К этому времени в Прокуратуре Союза ССР в Управлении по расследованию особо важных дел был создан Отдел оперативного реагирования, которое возглавил А.В. Фролов. Как показала практика, с первых же случаев массовых беспорядков стало очевидно, что обычная система расследования, когда им занимаются местные правоохранные органы, в силу ряда факторов объективного и субъективного свойства в чрезвычайных условиях неприемлема.

Правильность и своевременность создания этого подразделения в последующем сыграли позитивную роль в расследовании массовых беспорядков. Только благодаря работе этого отдела стало возможным документально доказательно зафиксировать обстоятельства совершенных преступлений, выявить их истинные масштабы и колоссальные разрушительные последствия, привлечь многих виновных к ответственности.

Будучи следователем по особо важным делам этого управления, после завершения уголовных дел, связанных с массовыми беспорядками в Абхазии, и направлении их в Верховный Суд Союза ССР я находился на рабочем месте в г. Москве.

Со мной связался Александр Васильевич Фролов и приказал вылететь в Ош, так как я уже имел опыт расследования данной категории уголовных дел.

9 июня, в связи с тем, что аэропорт в Оше был закрыт, я вылетел в г. Фергану, а оттуда автотранспортом прибыл в прокуратуру Ошской области, где был сформирован штаб по расследованию данного уголовного дела. К этому времени дальнейшее расследование было поручено Управлению по расследованию особо важных дел Прокуратуры Союза ССР.

10 июня (на шестой день после начала массовых беспорядков) после краткого введения в курс дела, вместе с В.И. Кравцевым и несколькими следователями мы вылетели на вертолете в Узген.

При подлете к Узгену нашим глазам открылась следующая картина – город в огне, дым застилает видимость, людей не видно. Вертолетчики – молодые ребята, воевавшие в Афганистане, привычно выполнив противоракетный маневр, стремительно сели на футбольное поле местного стадиона. Тут же к нам подъехал бронетранспортер, из которого вышли встречающие нас прокурор Киргизской ССР Г.И. Иванцов и военный комендант, а по сути спаситель Узгена, полковник В.Г. Евневич. Это бойцы его бригады, стремительно войдя в Узген, разогнали ворвавшихся и устроивших здесь кровавую резню киргизов из близлежащих сел и спасли десятки тысяч жизней проживающих здесь узбеков. Взяли под охрану жизненно важные объекты.

По прибытию в здание местного райкома партии, где разместился кризисный штаб, Иванцов и Евневич доложили сложившуюся к этому времени обстановку в городе и районе. На улице жара. Буквально перед нашим прибытием с центральной площади убрали большое количество неопознанных трупов. Убитых наскоро захоронили в братских могилах, так как места для их надлежащего хранения попросту не было. Боялись, что разлагающиеся тела вызовут эпидемию в городе.

К этому времени у нас уже имелся определенный опыт расследования массовых беспорядков в Фергане, Сумгаите, Кировабаде, Абхазии, Баку, поэтому мы без лишних проволочек приступили к расследованию. Владимир Иванович поручил мне принять дело о резне в Узгене, а также беспорядках на территориях Советского и Алайского районов к своему производству, возглавив соответствующую следственную группу, которую еще предстояло сформировать.

Как было сказано выше, именно в Узгене беспорядки приобрели наиболее массовый и жестокий характер. Количество жертв уже тогда исчислялось сотнями и постоянно увеличивалось. Дымящиеся пепелища, разрушения, трупы на улицах, следы надругательств сильно напоминали кадры кинохроники периода Великой Отечественной войны – невольно создавалось впечатление, как будто ты оказался в городе, только что освобожденном от фашистов. Настолько всё было разрушено.

В тот же день уголовное дело о массовых беспорядках в Узгене и Узгенском районе было принято мною к своему производству и объединено с уголовными делами, возбужденными местными органами прокуратуры Советского и Алайского районов.

Расследование массовых беспорядков в г. Оше и близлежащих к нему районах было поручено прибывшему позднее старшему следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В.И. Калиниченко. Общее же руководство и координацию наших действий взял на себя А.В. Фролов.

Если в Оше существовали более-менее приемлемые условия для расследования, в Узгене всё пришлось начинать буквально с нуля, хотя прибывшие с Иванцовым следователи прокуратуры Киргизии уже кое-что пытались сделать – начали производить осмотры мест происшествий, трупов, их опознание, где это было возможно, назначать судебно-

медицинские экспертизы и проч. Первоначально следственная группа состояла из 18 человек, преимущественно из следователей прокуратуры Киргизской ССР, а также трех следователей СО КГБ Киргизской ССР, двух следователей СУ МВД Киргизской ССР и трех следователей территориальных органов прокуратуры, прибывших вместе со мной. Но людей явно не хватало.

Старшие следователи по особо важным делам при Генеральном прокуроре Союза ССР Костарев В.Е. (слева) и Калиниченко В.И.

Оценив создавшуюся ситуацию, Владимир Иванович поручил мне заняться расследованием, заявив, что все организационные вопросы по комплектованию группы, созданию элементарных условий для работы и существования группы, ее безопасности, размещению, он и Иванцов возьмут на себя. Благо, что здания районной прокуратуры, райотдела милиции и райкома партии разгрому не подверглись, и там можно было работать. Организацию нашего питания и охрану взяли на себя военные. А где ночевать, элементарно умыться? Имевшаяся гостиница была полуразгромлена. Для приведения ее в более-менее нормальный вид требовалось время. Это на себя взяла местная власть.

Первое время мы ночевали в помещении местной прокуратуры, спали вповалку в кабинете прокурора района, расстелив на полу матрасы. Владимир Иванович категорически отказался возвращаться в Ош, заявив, что пока не будет создано элементарных условий для работы следователей, он никуда не уедет. Вот так, несколько дней он и Иванцов спали на полу вместе с моими ребятами из группы. В умах местных следователей, питавших особое почтение к начальству, это никак не укладывалось. Но буквально на следующее утро я заметил, что к Владимиру Ивановичу отношение резко изменилось. Слух о том, что он, несмотря на занимаемую высокую государственную должность заместителя Генерального прокурора СССР, не требует к себе особых привилегий, стойко переносит вместе с подчиненными «невзгоды следственной службы», разнесся моментально. Он заслужил особое уважение ребят, и надеюсь, что до сих пор в своих сердцах они сохранили к нему это чувство.

Должен заметить, что одеты мы были по-летнему, в легких светлых костюмах и обуви (летели на юг), которые через несколько дней после осмотров пепелищ приобрели довольно непрезентабельный вид. Вместе с нами Кравцев выезжал

на осмотры, поставив задачу в первую очередь производить осмотры тех объектов, в восстановлении и в работе которых нуждалось местное население. О чем просило и руководство района, поскольку нормальную жизнь населения нужно было налаживать в первую очередь. В связи с этим мною было создано несколько групп по осмотру мест происшествия – разгромленных магазинов, других социально значимых объектов. Кравцев же договорился с министерством обороны, и нам привезли камуфляж и афганку – легкую, но очень удобную армейскую форму.

И лишь после того, как у нас наладились более-менее приемлемые для работы и жизни условия, он уехал в Ош. Но нас не забывал. В каждый свое приезд в Ошскую область, он всегда находил время заехать в Узген узнать, как мы работаем и живем.

С первых же дней работы был создан штаб следственной группы, на который были возложены разнообразные функции по руководству, координации и обеспечению деятельности следственной группы, сбору и анализу различной информации, учету и контролю выполняемой работы. От своевременного создания и четкой организации работы штаба во многом зависела эффективность деятельности всей следственной группы.

Возглавил его полковник В.П. Фатеев, начальник следственного отдела КГБ республики, одновременно являющийся моим заместителем.

В состав штаба вошло несколько человек: начальник, его заместитель и помощники. За каждым членом штаба закреплялись конкретные направления деятельности, за которые он нес персональную ответственность. При штабе были созданы две группы: информационный центр и группа, занимающаяся материально-техническим и бытовым обеспечением. На информационный центр возлагался сбор и обработка информации о совершенных преступлениях и о работе следственной

группы, введение информации в память ЭВМ, ее обобщение и анализ, а также оказание следователям помощи в раскрытии преступлений.

С учетом того, что каждый следователь следственной группы в полной мере владеет информацией лишь по отдельным эпизодам массовых беспорядков – по тем, которые ему поручено расследовать, сбор и формулирование обобщенных сведений было поручено сотрудникам информационного центра, в распоряжении которых находились данные по всем учтенным эпизодам преступлений. В их задачи входила также организация работы по выставлению следователями статистических карточек (формы 1, 1.1, 2, 3) и статистического талона по уголовному делу (форма 6), контроль за своевременностью и обоснованностью их заполнения. Руководил центром заместитель начальника штаба. В его состав входило несколько человек – специалистов по ЭВМ из НИИ Прокуратуры СССР, МВД СССР и КГБ республики. Необходимая техника для работы была представлена МВД СССР.

В информационном центре был создан банк данных по личному составу следственной группы, эпизодам совершенных преступлений, лицам (свидетели, потерпевшие), подозреваемым (обвиняемым), арестованным (задержанным), транспортным средствам, похищенным вещам, учету поступающих заявлений граждан и организаций о совершенных преступлениях и т.д. Здесь же был создан банк оперативно-розыскной информации, ответственным за него был второй мой заместитель по оперативно-розыскной работе старший оперуполномоченный по особо важным делам ГУУР МВД полковник А.И. Павлов.

Применение ЭВМ позволило экономить время в операциях, связанных с дополнением и уточнением имеющейся информации, изготовлением сводок, справок и других стереотипных документов. Путем контекстного поиска можно было быстро установить причастность заподозренных лиц

к иным эпизодам преступлений, сгруппировать все эпизоды по лицам, месту, времени. Это давало возможность в короткие сроки выявить связи между отдельными эпизодами преступлений и довольно точно восстановить их общую картину.

С увеличением состава следственно-оперативной группы и поступающей новой информации это было особо важно.

Следует признать, что необходимое количество следователей в группу набиралось волевым решением, бессистемно. Руководители ряда правоохранительных органов часто направляли в командировки слабо подготовленных сотрудников, без надлежащей экипировки, оружия и денежных средств. Лишь единицы имели фотоаппараты. Были и такие, кто приехал без пишущих принадлежностей (авторучек, карандашей, запасных стержней), что в условиях чрезвычайного положения, когда многие магазины, школы и другие учреждения не работали, было недопустимо.

Поэтому исключительное значение в этих условиях приобретало и материально-техническое обеспечение работы следственно-оперативной группы, включающее в себя предоставление служебных помещений, сейфов, средств и каналов связи, снабжение оргтехникой, криминалистической техникой, служебной документацией, бумагой, писчими принадлежностями, нормативными актами и справочной литературой, транспортом и горючим. Этой работой хорошо занимался один из помощников начальника штаба, используя возможности часто бывавшего в Узгене заместителя прокурора республики по следствию В.Ф. Лайса и прокурора Узгенского района В.А. Белоусова, а также работавший в тесном контакте с соответствующими службами прокуратуры республики, МВД Киргизии и местными органами. Еще один помощник начальника штаба занимался автотранспортом и его обслуживанием. По сути он выполнял диспетчерские функции. Всегда знал, где используется тот или иной автомобиль.

Немаловажное значение, особенно на первоначальном этапе работы, имела организация нормального бытового обеспечения группы, действующей в чрезвычайных условиях – обеспечение жильем, питанием, водой, медицинским обслуживанием, что в условиях Средней Азии было особо важно. Этой работой занимался узбек, фамилию его стерлась из моей памяти, но все его называли Борей. Ранее он занимался хозяйственными вопросами в районной прокуратуре. Очень деятельный и расторопный специалист, все возникающие вопросы решал оперативно. В качестве переводчика выступала работавшая в приемной Роза Абдрахманова, в совершенстве владеющая узбекским и киргизским языками.

На 28 августа 1990 г. в следственной группе работало 120 следователей, из них 55 следователей прокуратуры, 42 следователя МВД и 23 следователя КГБ. Следственным группам было придано 126 оперативных работников, из них 62 сотрудника МВД и 64 сотрудника КГБ.

Масштаб реальной работы группы можно было представить по следующим данным. По состоянию на 28 августа в Узгенскую зональную следственную группу (г. Узген, Узгенский, Советский и Алайский районы) поступило 5121 заявление о совершенных в период массовых беспорядков 4-8 июня 1990 г. преступлениях, в том числе:

- 129 заявлений об убийствах (погибло 188 человек, включая 12 детей в возрасте от 4 месяцев до 14 лет);
- 35 заявлений об изнасилованиях в отношении 44 человек;
- 873 заявления о причинении телесных повреждений;
- 410 заявлений о поджогах частных жилых домов;
- 160 заявлений о поджогах гособъектов;
- 95 заявлений о поджогах автотранспорта;
- 1390 заявлений о разбоях и грабежах,
- 1930 прочих заявлений.

Через морг прошло 146 трупов, предстояло эксгумировать еще 54, захороненных в братских могилах, в розыске находилось 52 гражданина. Основную массу потерпевших составляли лица узбекской национальности.

К уголовной ответственности уже было привлечено 90 человек, 74 из них содержались под стражей. Также к этому времени уже был установлен ряд организаторов и активных участников массовых беспорядков, а именно Маметов Джумагул – председатель Мирза Акинского сельсовета, депутат Ошского облсовета народных депутатов, Ташалиев Атамжан, бывший депутат Верховного Совета СССР, Токтобулатов Нурмамет – учитель физкультуры Мирза Акинской средней школы, Джутусбаев Кочкарбай – бывший сотрудник МВД, Маткаримов Абдыкадыр – начальник ПТП «Агропромтранс», Дыйкенбаев Идрис – директор совхоза «Алга», Камбаров Мухтар – директор завода сухого молока, Осмонов Каныбек – начальник Мирза Акинского ДРСЭУ, Карашев Азим – бывший второй секретарь Узгенского РК КП Киргизии, Боромбаева Адолат – бывший секретарь Узгенского РК КП Киргизии. Часть этих лиц была арестована и привлечена к уголовной ответственности по ст. 73 УК Киргизской ССР, в отношении остальных продолжался сбор доказательств их виновности и поставлен вопрос о даче согласия на привлечение их к уголовной ответственности перед соответствующими Советами народных депутатов.

Для сравнения, по Ошской зоне (г.Ош, Карасуйский и Араванский районы) по делу было зарегистрировано 500 заявлений по г. Ош, 10 в Араванском районе, и свыше 300 в Карасуйском районе. Из них 12 убийств и 10 изнасилований в г. Ош, 3 убийства в Араванском районе, 38 убийств и 15 изнасилований в Карасуйском районе. По 26 материалам трупы пока не были обнаружены.

В разное время там работало от 70 до 90 следователей, из них 50 из ГСУ МВД СССР.

В Карасуйском районе по делу были арестованы 17 человек, в г. Ош 4 человека и 8 человек в Араванском районе.

В конце августа в Прокуратуре Союза ССР состоялось координационное совещание при Генеральном прокуроре Союза ССР с участием представителей различных правоохранительных органов, на котором рассматривалась ситуация, сложившаяся в Ошской области в связи с массовыми беспорядками.

Сделанные А.В. Фроловым и мной доклады на этом координационном совещании произвели сильное впечатление на присутствующих. Было ясно, что имеющихся сил и средств для надлежащей организации работы было явно недостаточно. Я предложил создать и направить в Узген специальную группу прокуроров для рассмотрения поступивших заявлений, увеличить количество следователей и оперативных работников.

Генеральный прокурор А.Я. Сухарев и другие участники совещания поддержали мою просьбу об усилении наших следственно-оперативных групп. Мне в помощь были направлены следователи по особо важным при Генеральном прокуроре СССР Г.Т. Чуглазов, А.Г. Исканцев, В.И. Калиниченко и А.Г. Морозов. По линии МВД и КГБ СССР был увеличен оперативный состав. Для организации надлежащей работы экспертных исследований были направлены заместитель НИИ судебной медицины МЗ РФ Панов и один из заместителей начальника криминалистической лаборатории МВД СССР.

После окончания совещания Сухарев попросил остаться В.И. Кравцева, А.В. Фролова и меня для обсуждения некоторых вопросов. Неожиданно Александр Яковлевич спросил меня, как я езжу в Алайский район, находящийся на значительном расстоянии от Узгена, имеется ли у нас охрана. Я сказал, что десантники из бригады Евневича несут круглосуточную посменную охрану помещений, где мы работаем и гостиницы,

где живем. Вместе с сотрудниками милиции они несут службу на КПП, размещенных на въездах в Узгенский район, осуществляют досмотр проезжающих лиц. В необходимых случаях несут охрану при выездах на проверки показаний на месте, проведение эксгумаций в некоторых районах. На его вопрос, есть ли у меня огнестрельное оружие, я ответил, что в этом нет необходимости. Тем не менее, он тут же вызвал начальника Первого отдела Е.И. Горошанского и, узнав, что в наличии у него есть пистолет ПСМ, который числится за Генеральным прокурором, приказал выдать его мне. Впоследствии этот пистолет находился у меня в пользовании до ухода на пенсию и, слава Богу, мне ни разу не пришлось его применять.

Здесь же был решен вопрос о выделении в отдельное производство преступлений, совершенных на территории Алайского района, расследование которых было поручено моему коллеге А.Г. Исканцеву, направленному нам на усиление.

Была еще одна проблема. Дело в том, что в ряде союзных республик их Верховными Советами были приняты решения о недопустимости использования работников правоохранительных органов в локализации межнациональных конфликтов за пределами их республик, в связи с чем расследование дел такой категории, особенно в Ошской области, резко осложнилось.

В соответствии с требованиями Верховных Советов Украины и Белоруссии из Ошской области должны были убыть к постоянному месту работы 60 следователей и значительное количество оперативных работников. По этому поводу на имя Председателя Верховного Совета Союза ССР А.И. Лукьянова было направлено соответствующее письмо за подписями Генерального прокурора СССР, Председателя КГБ СССР и Министра внутренних дел СССР, и вопрос был решен положительно.

В Ошскую область были направлены дополнительные силы следователей и оперативных работников, командированы руководители центральных правоохранительных орга-

нов для изучения на месте состояния следствия, оперативной обстановки и оказания практической помощи. Со временем в следственной бригаде работало свыше 200 следователей, а также оперативные работники МВД, КГБ, эксперты-криминалисты, судебные медики, эпидемиологи, пожарные специалисты. Основная тяжесть работы, как и прежде, легла на следователей прокуратуры.

С прибытием пополнения дело пошло веселее. Я продолжал заниматься вопросами организации работы следственно-оперативной группы, распределял эпизоды по следственным группам, принимал участие в отдельных наиболее важных следственных действиях, вел прием граждан, выявлял новые эпизоды, решал возникающие в группе вопросы. Г.Т. Чуглазов занимался изучением собранных по делу материалов, давал им соответствующую оценку и определял, какие именно эпизоды можно направлять в суд.

Значительную помощь в организации этой работы оказал Председатель Совета Министров Киргизской ССР А.Д. Джамагулов, с которым у меня сложились очень хорошие отношения. Он часто приезжал к нам и решал возникающие вопросы. Именно благодаря ему оперативно были отремонтированы и приведены в надлежащее состояние местная гостиница и столовая. У нас появился свой автопарк и даже своя заправка, а в штабе группы редкие тогда компьютеры. Об остальном я даже не говорю. Существенную помощь также оказывали Председатель КГБ Киргизии Д.А. Асанкулов и министр внутренних дел республики В.В. Гончаров.

Предшествующий опыт расследования массовых беспорядков показал, что наиболее эффективным является не предметный, а территориальный способ организации работы следственных групп: когда вся территория, где происходили беспорядки, условно делится на участки, и следователи группы расследуют все преступления, совершенные на этой тер-

ритории. Поскольку одни и те же лица могли совершать там различные категории преступлений, связанные между собой единством умысла – избиения, убийства, изнасилования, поджоги и другие преступления в отношении находившегося там населения. Хотя несколько групп работали по предметному способу расследования: осмотр места происшествия жизненно важных объектов, организация и проведение эксгумаций трупов потерпевших. В целом по делу работало 18 групп. Отдельно существовала группа по выявлению организаторов беспорядков, группа прокуроров-криминалистов, занимавшаяся организацией назначения проведения различных экспертиз, группа, допрашивающая военнослужащих, специальная группа по работникам милиции.

В ходе расследования мы столкнулись и с другими проблемами, требующими скорейшего разрешения. Во-первых, не хватало переводчиков. Киргизы, жители сельских районов, не всегда владели русским языком. Эту проблему мы решили за счет местных преподавателей. Во-вторых, не хватало местных адвокатов при весьма значительном количестве лиц, нуждающихся в их услугах – задержанных, арестованных и обвиняемых. Среди адвокатов наблюдался неадекватный национальный состав и присутствовала постоянная угроза их личной безопасности. К тому же многие адвокаты халатно относились к своим профессиональным обязанностям, под разными предлогами уклонялись от выполнения профессионального долга, приняв поручение о защите и не видя большой материальной выгоды, бросали своих клиентов и уезжали. Эту проблему мы решили с помощью министерства юстиции и местных властей.

Как правило, у всех народов убийцы и насильники вызывают осуждение, однако если преступления совершены во время массовых беспорядков, они, как это ни прискорбно, уже не получают такого отрицательного резонанса. Если

к тому же насильственные действия предприняты в отношении женщины другой национальности, то насильник нередко воспринимался толпой как национальный герой, а сами эти действия толковались в экстремистски настроенных кругах как акт национально-освободительной борьбы против диктата центра. Метод убеждения не всегда срабатывал.

Очень остро стоял вопрос с установлением личности погибших. Нужно было устанавливать места массовых стихийных захоронений, проводить эксгумации трупов и их идентификацию. Нам на помощь пришли бывшие воины-афганцы, которые вместе с приданными им следователями и оперативными сотрудниками проводили эту адскую работу под руководством прокуроров-криминалистов. Впоследствии, благодаря усилиям Кравцева по договоренности с местными властями, наиболее отличившиеся из их числа были поощрены бесплатными путевками в санатории и дома отдыха.

Работа следователей осложнялась еще тем, что значительная часть потерпевших и свидетелей вынуждены были покинуть места своего постоянного проживания и разъехаться по стране. Одни находили приют в соседних населенных пунктах у родственников, друзей, порой у незнакомых людей, другие размещались в лагерях беженцев, школах, интернатах, многих вывозили в другие регионы. Их розыск, установление мест пребывания и первоначальные допросы по поручениям следователей осуществляли оперативные сотрудники МВД и КГБ.

В памяти возникает и такой эпизод. В.И. Кравцев приехал в Узген на заслушивание результатов нашей работы. Здесь уже находились ответственные работники ЦК КП Киргизии и Совмина республики во главе с первым секретарем ЦК Масалиевым. Докладывал я. Когда я перешел к количественному и национальному составу погибших, Масалиев выразил неудовольствие тем, что основную их массу составляли лица

узбекской национальности, включая немалое количество женщин и детей. По его мнению, мы необъективно подходим к расследованию гибели лиц киргизской национальности, выразил сомнение в достоверности общего количества погибших киргизов. Я в довольно резкой форме возразил ему и привел конкретный расклад по жертвам, а также привел конкретные цифры количества потерпевших, получивших телесные повреждения различной степени тяжести, без вести пропавших лиц абсолютное большинство из которых опять же составляли узбеки. Привел несколько примеров особо жестоких расправ над местным узбекским населением, составляющим большинство жителей этого города и района.

Конец спору положил В.И. Калиниченко, который, обращаясь к Масалиеву, сказал: «А разве вы не знаете, что это киргизы напали на Узген и начали вырезать население?» Масалиев этого явно не ожидал, а Владимир Иванович добил его заявлением о том, что идейно-воспитательная работа среди местного населения, вероятно, была поставлена из рук вон плохо.

В это время в кабинет первого секретаря райкома партии, где проходило совещание, вбежал начальник местной милиции и сообщил, что по его данным к Узгену приближается на конях большая группа вооруженных киргизов. Видели бы вы Масалиева и его окружение! Подогнали БТР к черному ходу райкома для срочной эвакуации. Я был свидетелем, как Масалиев долго не мог попасть ногой в люк БТРа. А Владимир Иванович, сохраняя спокойствие, попросил присутствовавшего здесь Евневича выдвинуться с десантниками в тот район и проверить достоверность сообщенных сведений. А нас – продолжить заслушивание. Как и следовало ожидать, «нападение» оказалось «уткой». Совещание продолжило свою работу, но уже без Масалиева и его окружения. Иванцов как-то пытался сгладить это обстоятельство, но все понимали, в чем тут дело...

Вскоре в Ош прибыла комиссия ЦК КПСС во главе с секретарем ЦК КПСС А.Н. Гиренко для выяснения причин происшедших беспорядков. Члены комиссии обстоятельно беседовали с руководителями следственных групп, жителями области, выезжали на места, где проходили массовые беспорядки.

В принятом итоговом документе говорилось, что «события в Ошской области Киргизской ССР явились следствием крупных просчетов в национальной и кадровой политике; запущенности воспитательной работы среди населения; нерешенности острых экономических и социальных проблем; многочисленных фактов нарушения социальной справедливости. Первые руководители Киргизской ССР, а также области не извлекли уроков из ранее имевших место в республике межнациональных столкновений, проявили беспечность и недальновидность в оценке ситуации об активизации националистических элементов и назревавшем конфликте, не приняли мер для его предотвращения».

По данным МВД Киргизской ССР и МВД бывшего СССР, в ходе массовых беспорядков 1990 года погибли 305 человек, пострадал 1371 человек, в том числе 1071 человек был госпитализирован, сожжено 573 дома, в том числе 74 госучреждения, 89 автомашин, совершено 426 разбоев и грабежей.

К сожалению, напряженная работа отрицательно сказалась на моем здоровье – в середине ноября я неожиданно попал в больницу и дальнейшую работу по делу проводил Г.Т. Чуглазов уже по отлаженной схеме.

К этому времени мы стали направлять дела в суд. К лету 1991 г. работа по делу была закончена. Все дела с изблеченными обвиняемыми, преимущественно киргизами по национальности, были направлены в суды различных инстанций. По ряду дел были вынесены обвинительные приговоры, но с распадом Союза ССР и провозглашением Республики Кыргызстан основная их масса была отменена, а не рассмотренные

дела прекращены – фигуранты наших дел были объявлены героями, боровшимися за суверенитет Кыргызстана. В связи с этим я не располагаю полной статистикой расследованных нами уголовных дел, а цифры, указываемые в средствах массовой информации, носят противоречивый характер.

В первые годы независимости Кыргызстана в республике было опубликовано несколько исследований причин тех кровавых событий, но, к сожалению, не все они носили объективный характер. Однако впоследствии в киргизском обществе этой темы старались не касаться. И сегодня только узкий круг специалистов достаточно хорошо знает о том, что тогда произошло в Оше и Узгене.

По официальным оценкам, число погибших колеблется от 300 до 600. Неофициальные данные превышают 1000 человек. По неофициальным оценкам, в ходе беспорядков было совершено более 5000 преступлений, от грабежа до убийства. Официально было расследовано около 4000 инцидентов, зарегистрировано 3215 преступлений. По свидетельствам очевидцев и личным показаниям, большинство участников беспорядков составляли молодые мужчины, 29 % из которых составляли несовершеннолетние. В судебных процессах 1991 г., проведенных новым независимым правительством Кыргызстана, 46 из 48 участников были признаны виновными и приговорены к разным срокам, от условного до 18 лет колонии строгого режима. Большинство обвиняемых были киргизами.

Некоторые потерпевшие, осведомленные об обстоятельствах и участниках погромов, неохотно дают о них информацию из-за страха мести, расправы, неверия в возможность наказания преступников, из корыстных соображений (в большем размере получить компенсацию за материальный ущерб непосредственно от известных ему погромщиков). Иногда потерпевшие сами замешаны в преступлениях

и бояться разоблачения. В подобных случаях следователь должен проявить настойчивость и добиться получения полных и правдивых показаний.

По данным следственной группы прокуратуры СССР, в конфликте с киргизской стороны в городах Узген и Ош, а также в селах Ошской области погибло около 1200 человек, а с узбекской следователи нашли около 10 тысяч эпизодов преступлений. По неофициальным данным, жертв было 10 тысяч. В суды было направлено 1500 уголовных дел. Всего же в конфликте принимали участие около 30-35 тысяч человек, к уголовной ответственности привлекли около 300 человек.

После обретения Киргизией независимости все они были отпущены на свободу.

Р.С. Тамаев

Афера века²

Гохран России

Одним из самых закрытых учреждений бывшего Советского Союза и пришедшей ему на смену Российской Федерации по праву можно признать так называемый «Гохран» – Государственное хранилище ценностей. Создано оно было специальным Постановлением Совнаркома РСФСР от 3 февраля 1920 г. в составе Наркома финансов РСФСР; впоследствии его название неоднократно менялось.

Здание Гохрана Российской Федерации в Москве

² Печатается по книге: Тамаев Р.С. Чеченская война. Афера века. Компромат на президента. Московская городская организация Союза писателей России, 2021.

При образовании Гохрана наибольший объем поступлений составляли ценности, конфискованные у частных лиц, банков и других учреждений, а также принадлежавшие ранее Российской короне. Сюда же поступали наиболее ценные иконы и предметы богослужебного характера, изъятые у Церкви. В Гохране всё это «добро» оценивали и тщательно обезличивали, уничтожая доказательства принадлежности конкретным владельцам. Многие из этих артефактов по решению Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР в 1920-1930 годы были проданы на зарубежных аукционах. В том числе уникальные предметы из знаменитой Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца Санкт-Петербурга.

Коронационные регалии Алмазного фонда, Гохран РФ

В дальнейшем активы Государственного хранилища ценностей пополнялись за счет драгоценных металлов и драгоценных камней, поступавших от добывающих и аффинажных организаций и частных лиц. Также в Гохран поступали и про-

должают поступать обнаруженные клады и принудительно изъятые в соответствии с законом ценности.

Соответственно, важнейшими функциями Гохрана являются обеспечение учета и сохранности ценностей, их сортировка, обработка, оценка, экспертиза, аналитическая аттестация и реставрация уникальных изделий. В соответствии с указами и решениями Президента России и Правительства Российской Федерации Гохран производит отпуск ценностей для реализации на внутреннем и внешнем рынках.

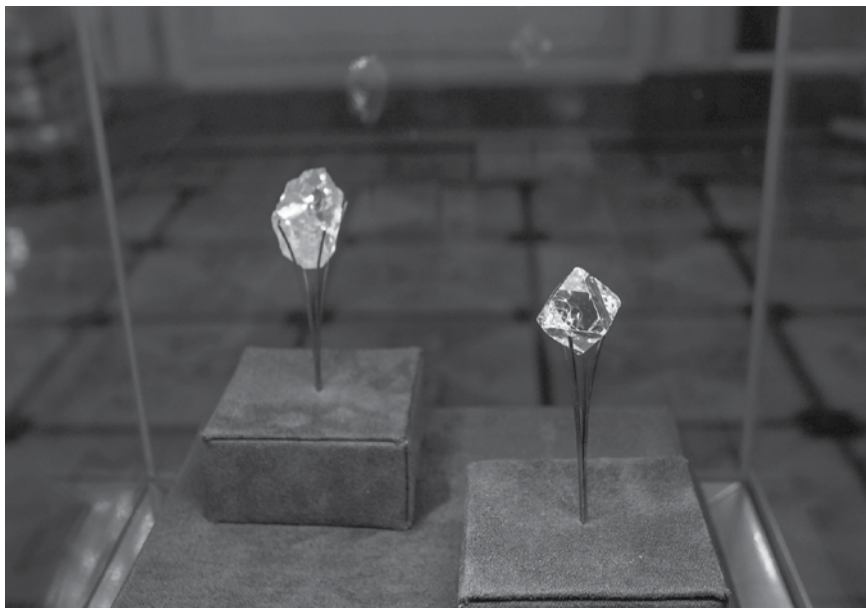
Само собой, руководящие сотрудники этого закрытого учреждения не стремятся к публичности. Тем не менее иногда они дают интервью, скупно раскрывая весьма любопытную информацию.

Так, бывший начальник управления планирования и отпуска драгоценностей Гохрана Вячеслав Иванов сообщил одному из корреспондентов следующие факты. Весь «ассортимент» Гохрана делится на несколько групп, в том числе «золото в слитках», «золото в полосе», «золотые изделия без камней», «золотые изделия с камнями», «золотые монеты», «нумизматические золотые монеты» и т.д. На отдельном счету хранятся несколько тысяч особо крупных неограниченных камней (некоторые из них достигают веса в 300 каратов, то есть 60 граммов!).

Как уже говорилось выше, после Октябрьской революции 1917 года в государственные закрома собирали всё наиболее дорогостоящее, включая ценности из состава военных трофеев, а также конфискованное большевиками в иностранных посольствах. С началом Великой Отечественной войны сознательные граждане понесли в Гохран личные и семейные драгоценности, пополняя Фонд обороны страны. А когда наступил черед освобождения Советской Армией Восточной Европы, в государственную сокровищницу потекли буквально реки ценнейших трофеев. У врага было захвачено огромное количество ювелирных украшений. На систематизацию и со-

ртировку трофейных сокровищ специалистам потребовалось около 20 лет.

После войны пришел черед криминального конфиската. В Гохран стали поступать изъятые у граждан ценности, нажитые, как тогда выражались, «неправедным путем».

Алмазы. Выставка, посвященная 50-летию Алмазного фонда

Рассказал Иванов и о нескольких весьма богатых конфискатах. Так, у попавшего под следствие заместителя министра внешней торговли СССР Владимира Николаевича Сушкова нашли и обратили в доход государства 50 золотых брошей, браслетов, двое золотых часов «Ролекс», много серебряной посуды, но самое главное – коробку, в которой находились настоящие нумизматические раритеты: пять уникальных монет Римской империи.

Другую примечательную коллекцию конфисковали у Юрия Михайловича Чурбанова – зятя Генерального секретаря ЦК

КПСС Леонида Ильича Брежнева. По подсчетам специалистов, общая стоимость изъятых у близкого родственника генсека золотых изделий, камней и художественных ценностей достигала двух миллионов рублей (в ценах того времени).

В Гохран попадали и ценности, принадлежавшие первым лицам государства. Согласно закону, им и членам их семей полагалось сдавать государству ценные подарки, полученные от руководителей других стран и зарубежных делегаций. Несколько раз в Гохран привозили подарочные драгоценности от первой леди Советского Союза Раисы Максимовны Горбачёвой. Ее супруг, первый и последний Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачёв, тоже неоднократно сдавал полученные им ценные подарки.

Неукоснительно следовал указанному правилу и глава правительства Председатель Совета министров СССР (в современной терминологии – премьер-министр) Николай Александрович Тихонов.

Отдельная статья поступлений в Гохран – клады. В период с 1977 по 1989 гг. в государственную «кладовку» ежегодно сдавали 40-50 килограммов одних только золотых монет из обнаруженных схронов. Однажды в Гохран обратилась женщина, сообщившая, что в земле за своим домом в деревне она нашла бриллиант. Вес камня потянул на 32 карата (6,4 грамма). То есть до обработки этот алмаз вполне мог достигать 80 или 100 каратов (от 16 до 20 граммов).

В 1989 г. в Гохран поступило 92 клада, оцененных в 752 000 рублей, в 1990-м – 38 кладов на сумму 760 000 рублей. А вот за последующие 20 лет, начиная с 1991 г., гохрановские активы не пополнились ни одним кладом! Зато резко выросло число хищений драгоценностей. В расследовании одного из таких преступлений, масштабы которого буквально потрясли даже многое повидавших сотрудников Генпрокуратуры, довелось поучаствовать и мне.

Уголовное дело

В 1992 г. Гохран России включили в состав Комитета Российской Федерации по драгоценным металлам и драгоценным камням (Роскомдрагмет). Комитет этот благополучно существовал до 1996 г. После его бесславного расформирования Гохран России снова стал структурным подразделением Министерства финансов.

Примерно за год до этой пертурбации, в апреле 1995 г., я как следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ, возбудил уголовное дело по факту хищения драгоценностей из Гохрана. Вне всякого сомнения, выявленное преступление обещало стать весьма резонансным. Так что для его расследования по решению руководства Генеральной прокуратуры была создана специальная следственно-оперативная группа, в состав которой включили следователей и оперативных сотрудников прокуратуры, МВД и ФСБ Российской Федерации.

Основанием для возбуждения уголовного дела послужил следующий установленный факт. В апреле-июне 1993 г. глава Роскомдрагмета Евгений Матвеевич Бычков, вступив в стовор с руководителем отдела финансов, бюджета и денежного обращения Правительства России Игорем Московским и злоупотребив служебными полномочиями, без соответствующего решения Правительства Российской Федерации организовал незаконный отпуск американской корпорации «Голден АДА, ИНК» («Golden ADA») из Государственного хранилища бриллиантов, золотых и серебряных монет, редких ювелирных изделий из драгметаллов и драгоценных камней на общую сумму 98 242 888 долларов США.

Всё это отправилось в Соединенные Штаты для распродажи, которая, надо полагать, оправдала самые смелые ожидания «концессионеров». Вырученные таким образом средства поделили между собой учредители американской корпорации

Андрей Козленок, братья Ашот и Давид Шегиряны и другие персонажи.

Несмотря на то, что в июле 1993 г. Правительство Российской Федерации приостановило незаконный отпуск драгоценностей из Гохрана, в феврале-апреле 1994-го Бычков повторил операцию и передал своим зарубежным партнерам алмазы на сумму 88 776 191 доллар США. Их также реализовали на американском рынке, а полученную прибыль поделили. Согласно предварительным расчетам, России был причинен общий ущерб на 187 019 079 долларов США. По официальному обменному курсу на тот момент указанная сумма составляла 265 710 129 984 рубля.

Для установления истины по делу началась напряженная работа. Прежде всего, были назначены и проведены документальная ревизия и судебно-бухгалтерская экспертиза. Параллельно шли обыски и выемка документов, налагался арест на обнаруженные имущество и счета, велась другая необходимая работа. В частности, неоднократно подвергались допросам высшие должностные лица, курировавшие деятельность Роскомдрагмета и Гохрана; установить их причастность к раскрытым масштабным хищениям не удалось.

Само собой, высокопоставленных персон я, как руководитель следственной группы, допрашивал лично. В этом особом списке значились бывшие Председатели Правительства Егор Тимурович Гайдар и Виктор Степанович Черномырдин, их заместители Олег Николаевич Сосковец и Борис Григорьевич Федоров, другие лица. Разумеется, положение всех их в официальной «табели о рангах» страны продолжало оставаться устойчиво высоким. Кстати сказать, допрос каждого из этих людей позволял в определенной степени составить о них впечатление. Гайдар, например, очень внимательно выслушивал вопросы, долго думал над ними и лишь потом отвечал – достаточно уклончиво и неконкретно. Федоров, наоборот, к задаваемым вопросам относился безразлично,

допускал весьма рискованные с юридической точки зрения ответы.

Особенно запомнился допрос Черномырдина. На неоднократные вызовы в Генеральную прокуратуру РФ он внимания не обращал и никаким образом не давал о себе знать. Выносить постановление о принудительном приводе Виктора Степановича я, само собой, считал недопустимым – с учетом его высочайшего авторитета не только во властных кругах, но и у подавляющего числа россиян. С другой стороны, допросить его было совершенно необходимо. Пришлось доложить о сложившейся непростой ситуации моему непосредственному шефу – заместителю Генерального прокурора РФ Михаилу Борисовичу Катышеву. Он «проветилировал» вопрос по своим каналам и предложил мне в порядке исключения допросить Черномырдина по месту работы.

В то время Виктор Степанович был депутатом Государственной Думы и возглавлял фракцию «Наш дом – Россия». Созвонившись с его помощником и договорившись о месте и времени допроса, я взял с собой члена следственной группы Марселя Валиуллина с ноутбуком и прибыл в назначенный час к бывшему Председателю Правительства Российской Федерации.

Мы вели диалог, а Валиуллин оперативно печатал протокол. Черномырдин в процессе допроса нервничал и отпускал весьма сочные нецензурные выражения. Через час я объявил перерыв на пятнадцать минут. На вопрос Виктора Степановича, зачем это нужно, разъяснил ему, что по закону участники следственного действия имеют право на отдых. Он предложил обойтись без перерыва, и я согласился, поскольку это правовое положение, вообще говоря, не носит характер обязательного. Вскоре встреча наша завершилась к обоюдному удовлетворению.

Если с российскими фигурантами всё было более-менее просто, то с иностранцами с первых шагов возникли про-

блемы. В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, оставшемся еще от советских времен, не существовало норм, устанавливавших процедуру оказания международной правовой помощи. Кроме того, со многими странами в то время отсутствовали договора о выдаче преступников. Ключевые персонажи вскрывшейся аферы – основные, так сказать, выгодоприобретатели «предприятия» от американской стороны – прекрасно знали об этой правовой коллизии и небезосновательно надеялись уйти от ответственности, если вдруг наступит время отвечать за махинации.

Проанализировав промежуточные итоги расследования, я незамедлительно направил начальнику Национального центрального бюро Интерпола в России запрос о розыске Козленка, братьев Шегирянов, а также некоего Черниса, занимавшегося отмыванием денег Козленка. Необходимое содействие партнеры нам оказали, так что местонахождение указанных лиц удалось установить достаточно быстро. Более того, в их отношении иностранные коллеги провели следственные действия, имевшие неплохой эффект. Впрочем, в некоторых странах пришлось преодолеть серьезные бюрократические препоны, воздвигнутые их национальными законодательствами. Но благодаря слаженной работе, общему упорству и целеустремленности удалось получить нужные результаты.

В Бельгии, например, был обнаружен и задержан Андрей Козленок. Правда, в связи с отсутствием между королевством и Россией договора о выдаче преступников его практически сразу же освободили из-под стражи под нажимом адвокатов, на которых задержанный, естественно, не поспешил. Вскоре его вторично опознали и арестовали в Греции, с которой, по счастью, такой договор у нас имелся. Так что после проведения установленных процедур Козленка передали правоохранительным органам России.

*Арест Андрея Козленка в Афинском международном аэропорту.
Греция, январь 1998 г. Фото ТАСС*

Ашота Шегиряна задержали в Лондоне. Его брата Давида обнаружили в Доминиканской Республике, а Черниса – в Израиле.

Чтобы добиться этих, прямо скажем, выдающихся результатов, в процессе следствия мы подготовили и отправили 25 ходатайств о правовой помощи: в США – восемь, в Бельгию, Швейцарию и Германию – по два, по одному – в Сингапур, Японию, Нидерланды, Польшу, Латвию, Грецию, Израиль, на Украину, Мальту, Кипр и Бермудские острова. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы отработать лаконичную и универсальную форму этих посланий на основе полученных нами европейских аналогов.

Самое первое такое ходатайство было адресовано в Министерство юстиции США. Через некоторое время оттуда в Генеральную прокуратуру РФ поступило письмо с просьбой отко-

мандировать руководителя следственно-оперативной группы по данному уголовному делу для согласования возникших вопросов. На совместном совещании руководства Генеральной прокуратуры РФ и МВД России было принято решение направить в США меня и заместителя начальника валютного отдела ГУБЭП МВД России Виктора Жирова.

В Америке нас действительно ожидали. Причем с нескрываемым и неподдельным интересом. Как потом выяснилось, мое обращение было едва ли не первым в истории взаимоотношений правоохранительных ведомств России и США по подобному вопросу. К изложенным мною обстоятельствам Министерство юстиции США почему-то отнеслось с недоверием. Думаю, их просто-напросто поразили масштабы расхищения российской госсобственности. Помешанные на уважении Закона американцы и представить себе не могли, что такое вообще возможно.

В связи с нашим прилетом была оперативно сформирована специальная, очень внушительная комиссия из 10 человек. В нее вошли специалисты американской федеральной прокуратуры, ФБР и Службы внутренних доходов США. В течение недели они внимательно слушали наши комментарии по привезенным нами и предложенным им на рассмотрение материалам. Американцы дотошно уточняли детали, задавали по конкретным эпизодам весьма каверзные вопросы. В конце концов они вынесли свой вердикт: всё это очень серьезно, в деле требуется разобраться досконально; поэтому помощь США должна быть предоставлена нам, россиянам, в самом полном объеме.

В бочке меда оказалась и ложка дегтя. Американцы заявили, что формат нашего обращения не соответствует установленному в юриспруденции США, и это не позволяет им принять его к производству. Буквально там же, на месте, я проконсультировался с американскими коллегами на предмет переработки документа и приведения его в соответствие их требованиям.

В преамбуле мне предложили описать обстоятельства дела, назвать обвиняемых и конкретизировать их вину в привязке к статьям уголовного кодекса Российской Федерации, четко указать, чем подтверждается их вина. Далее нужно было произвести анализ на предмет существования ответственности за подобные преступления в законодательстве США. Потом – точно сформулировать, какие следственные действия мы хотели бы произвести на территории США. Наконец, приложить список вопросов к тем, кого мы собираемся допросить. Были и другие требования технического, так сказать, характера.

Собственно, ничего сложного в перечисленном я не усмотрел. Так что в уточненном варианте легко выдержал все необходимые параметры. Тогда я даже не подозревал, что заложил тем самым первый камешек в фундамент своей будущей кандидатской диссертации, посвященной правовому сотрудничеству России с иностранными государствами.

Конечно, соглашаясь на сотрудничество, американские коллеги имели и собственный интерес. Прежде всего, их волновало, действительно ли указанные драгоценности поступили в США. Еще бы, ведь всё делалось в обход налогового ведомства – влиятельнейшего во властной иерархии Америки! Весьма интересовал их также объем следственно-оперативной работы, которую мы планировали выполнить на американской территории.

Исправленный вариант ходатайства я оперативно передал в Генеральную прокуратуру России. Вскоре оттуда поступил оформленный по американским стандартам запрос, и наши коллеги сразу включились в работу. Было принято решение произвести в городах Сан-Франциско, Лос-Анджелес и Нью-Йорк, фигурировавших в наших материалах, следственные действия с участием российских специалистов. Это означало существенную подвижку в деле, которое нам долгое время не представлялось никакой возможности сдвинуть с мертвой точки.

Не могу не отметить такой многозначительный факт. Интерес американской стороны к совместному расследованию настолько возрос, что из трех имевших место быть командировок в США две они профинансировали сами полностью, включая обеспечение нашей группы жильем и транспортом на их территории. Учитывая, мягко говоря, сложное финансовое положение Генеральной прокуратуры России, помощь пришла как нельзя более кстати.

Установив в ходе сотрудничества с американскими коллегами, что Козленок, боясь ареста, покинул Соединенные Штаты и поселился в Антверпене, где у него имелась недвижимость и три зарегистрированные фирмы, мы переместили акцент своих поисков на европейский континент. Но в Бельгии с выполнением следственных действий возникли определенные сложности, чуть было не поставившие нашу работу под угрозу срыва.

Малопродуктивная позиция бельгийской королевской прокуратуры, честно говоря, немало меня озадачила. Ходатайство об оказании правовой помощи в связи с отсутствием соответствующего договора между нашими странами было направлено туда на условиях принципа взаимности. То есть мы брали на себя обязательство в случае возникновения такой необходимости оказать содействие бельгийской стороне в проведении аналогичных мероприятий на территории России.

Указав точный адрес местонахождения Козленка, мы попросили арестовать его, допросить с нашим участием и с учетом результатов допроса выдать российской стороне. В случае невозможности произвести указанные действия мы ставили вопрос о применении в отношении Козленка депортации.

Напрасно мы рассчитывали на оперативное рассмотрение своего обращения. Медленно и нехотя бельгийская сторона демонстрировала некоторые признаки жизни, слабо реагируя на наши просьбы и предложения. Лишь после многочисленных напоминаний и переговоров с ответственными сотрудниками

королевского посольства в Москве нас с видимым неудовольствием пригласили во второй (после Брюсселя) бельгийский город Антверпен (самый большой, кстати сказать, во Фландрии).

На встрече с нами прокурор Антверпена и представитель Королевской прокуратуры Бельгии заявили, что местные правоохранительные органы фактов совершения Козленком на территории Бельгии преступлений не установили, поэтому оснований для его ареста у них нет. Как компромисс мы предложили провести совместные следственные действия. Скрепя сердце, бельгийские коллеги согласились.

В течение одной недели мы произвели допросы свидетелей и выемку необходимой документации. Из добытых материалов неопровержимо следовало, что и в Антверпене Козленок совершил ряд преступлений. Очумевшим от продемонстрированной нами активности бельгийцам ничего не оставалось, как арестовать его в нашем присутствии.

И всё-таки в выдаче Козленка российской стороне отказали, использовав в качестве предлога отсутствие пресловутого правового договора. Вскоре содержание под стражей ему заменили на подписку о невыезде, которую он благополучно нарушил, спешно убравшись в Грецию. Напрасно он добровольно лишил себя заступничества бельгийской Фемиды (на самом деле слепоглухонемой)! Сразу же по прибытии в Афины его арестовали. Как говорится, сколько веревочке не виться, а конец будет.

Хотя российско-греческий договор имелся в наличии, без волнений всё равно не обошлось. Меня срочно командировали в Грецию, где с представителями греческой прокуратуры я провел консультации и передал им затребованные дополнительно документы. После их изучения вопрос об экстрадиции Козленка в Россию, наконец, решился положительно.

Изложенное на бумаге выглядит легко и просто. Но это всего лишь иллюзия! За каждым промежуточным результатом

стояли месяцы встреч, переговоров, писанины и командировок. Именно поэтому расследование подобных дел и длится годами, о чем, наверное, не мешает знать всем россиянам.

Одна из главных задач, которая была поставлена перед нами с самого начала расследования, заключалась в поиске и возвращении похищенных драгоценностей, возмещении причиненного государству и всем гражданам страны ущерба. С этой целью в соответствующие правоохранительные органы нами направлялись следственные поручения с просьбой принять меры по розыску похищенного из Гохрана, предлагалось наложить арест на имущество и счета обвиняемых. Нужно отметить, что большинство коллег помогали вполне добросовестно, так что нам удалось вернуть примерно половину похищенного, хоть и в денежном эквиваленте.

Чтобы читатель представил себе масштабы хищений, приведу несколько выдержек из публикаций в американской печати. Одним из первых большую статью о нашем совместном с американскими коллегами расследовании поместил солидный журнал «Юнайтед стейтс ньюс». В частности, там сообщалось: «Характерным для Козленка стало приобретение здания компании «Голден АДА, ИНК». Владелец затребовал 6 миллионов долларов США, а Козленок предложил около 11 миллионов – если сделка будет завершена в течение одной недели. Сверх меры обрадовавшийся владелец, разумеется, немедленно согласился.

В один прекрасный день Козленок заявился в демонстрационный салон по продаже автомобилей класса «люкс» и заплатил свыше одного миллиона долларов за «Роллс-Ройс» и два «Астон Мартина». За три дня в Лос-Анджелесе он и Шегиряны выложили еще 1,2 миллиона долларов – за три шикарные яхты. За несколько недель они выплатили еще 3,8 миллиона долларов – за три роскошных особняка в Сан-Франциско.

Потом были приобретены еще яхты, в том числе быстрая 40-футовая, и около 15 автомобилей. За 18 миллионов

долларов ими куплен двухмоторный реактивный самолет «Гольфстрим», а заодно – полдюжины заправочных станций в престижном районе Бэй Ареа.

В общей сложности новые хозяева «Голден АДА» скупили в Северной Калифорнии 18 единиц недвижимости, в том числе пять роскошных совладений на озере Тахо ценой в 4,4 миллиона долларов.

Те, кто занимается расследованием, говорят, что миллионы долларов из средств «Голден АДА» телеграфным переводом были отправлены в Москву, где растворились в недвижимости.

«Голден АДА» также переводила телеграфом деньги в Бельгию, Лихтенштейн и Израиль, кроме того – на Бермудские острова, где Козленок приобрел для себя дом за 5 миллионов долларов.

В Сан-Франциско он жил в богатом пригороде у Восточного залива, занимая два стоящих рядом дома за общей оградой, к которым вела частная подъездная дорога.

Когда начальник городской полиции Сан-Франциско Д. Иммендорф приехал к Козленку, то был искренне удивлен. «Наверное, ограбили музей Метрополитен», – подумал он. Здесь висели картины Рембрандта и Пикассо, имелись яйца Фаберже, скульптуры и статуэтки. Иммендорфа особенно поразила пара 5-футовых старинных часов в футлярах из золота и шахматы из золота и серебра с бриллиантами на каждой фигуре.

Позднее Козленок говорил, что эти расходы были необходимы ему, чтобы производить солидное финансовое впечатление».

Вот так вели себя нувориши, ограбившие Россию и ее народ!

В процессе следствия нам удалось обнаружить и возместить государству ущерб на сумму около 50 миллионов долларов США.

Стремясь поскорее завершить расследование и передать материалы дела в суд, мне пришлось принимать необычные решения, в том числе связанные с риском для жизни. Иногда

они вступали в противоречие с УПК, но другого пути установить истину просто не существовало. Так, во время допросов экстрадированный в Россию Козленок всю вину старался переложить на братьев Ашота и Давида Шегириянов, утверждая, что именно они стояли во главе «предприятия» и компании «Голден АДА, ИНК». Он знал, что братья находятся в розыске, но до последнего момента надеялся на их недоступность Генеральной прокуратуре России.

Действительно, спрятались Шегирияны очень надежно. Требовалось любой ценой найти их и допросить. Эту задачу я и поставил в качестве первоочередной на том этапе перед собой и подчиненными мне коллегами.

Решение ее немедленно натолкнулось на весьма жесткое противодействие сотрудников прокуратуры Сан-Франциско. Дело в том, что мы обвиняли Козленка и его подельников в хищении драгоценностей путем мошенничества. В случае признания судом их вины по данной статье Соединенные Штаты и другие страны, где обвиняемые хранили похищенное, обязаны были возместить убытки в полном объеме. Разумеется, такая перспектива никого из официальных представителей этих государств не привлекала. Потому-то прокуратура Сан-Франциско и мешала нам всячески установить местонахождение Шегириянов и допросить их.

В частности, один из ее руководящих функционеров в личной беседе со мной заявил, что Ашот Шегириян находится в местной тюрьме, встречаться с нами и давать показания категорически отказывается. В этой связи не представляется возможным обеспечить его явку на допрос, не ущемив права заключенного. А на «ущемление», мол, пойти они ну никак не могут.

К тому времени «подводные течения» дела были мне более-менее ясны. Сделав вид, что поверил, я приступил к допросу родственника Шегириянов Р. Саркисяна. Улучив момент, я заинтересовался, как чувствует себя в тюрьме Ашот. Саркисян удивился и простодушно сообщил, что он находится сейчас

дома в Лос-Анджелесе и ждет встречи со мной, чтобы объяснить и дать исчерпывающие показания по известным ему фактам.

Завершив допрос, я прервал текущую работу по утвержденному плану и настоял на встрече с прокурором Сан-Франциско. Поставил коллегу в известность, что его помощники противодействуют мне по выяснению обстоятельств дела, скрывая от меня местонахождение Ашота Шегиряна. Если положение не будет исправлено кардинальным образом, заявил я, Генеральная прокуратура России может приостановить работу американских коллег в Москве.

Реакции на мое предостережение не последовало. Тогда я действительно позвонил заместителю Генерального прокурора РФ М.Б. Катышеву, объяснил ему подробно суть конфликта и попросил принять ответные меры. Просьбу мою немедленно удовлетворили.

В прокуратуре Сан-Франциско поняли, что я не отступлюсь, и предприняли «отвлекающий маневр»: мне заявили, что Шегирян будет предоставлен в мое распоряжение, но в прокуратуре, к сожалению, не имеется оборудованного помещения, где бы я мог допросить его в присутствии стенографистки и переводчика. Так что решение организационных «проблем» полностью ложится на мои плечи... Делать было нечего, и я согласился.

Попросил своих помощников оперативно подыскать подходящее место. На нашу просьбу откликнулось представительство Аэрофлота и благосклонно сообщило, что готово принять нас и выделить необходимый кабинет в указанное время. Однако, прибыв туда, мы обнаружили, что никто к нашему приему и не думал готовиться. Более того, сотрудник фирмы объявил, что в настоящий момент все помещения заняты и нет никакой возможности оказать нам содействие. На том и разошлись.

Я понял, что это происки американских коллег и предпринял другие шаги. Перед поездкой в Сан-Франциско мой хоро-

ший знакомый композитор Константин Орбелян сказал мне во время дружеской беседы, что если в США у меня возникнут какие-то проблемы, я могу обратиться к его отцу, Гарри Орбеляну, которого он предупредит. В сложившейся ситуации я посчитал, что помощь отца моего друга будет вполне уместна, и позвонил ему. Почему-то я был уверен, что осечки не произойдет. И точно: отец Константина охотно передал в наше распоряжение свой роскошный кабинет. В нем-то и состоялся допрос Ашота Шегиряна.

Сотрудники американской прокуратуры и ФБР после этого долго упрашивали меня передать им копию протокола. Увы! Каков привет – таков и ответ. Ничего они, естественно, не получили.

Ашот Шегирян, помимо прочего, указал местонахождение своего брата Давида, который укрылся в Доминиканской Республике. По моей просьбе допрашиваемый позвонил брату и договорился о моей встрече с ним. Однако просто так добраться до Доминиканской Республики не представлялось возможным. С этим государством у России тоже не было соответствующего договора о правовой помощи. Очередной, что называется, тупик.

Вот тут-то мне и пришлось пойти на уловку – первый раз в жизни. Но сначала я позвонил Катышеву, подробно изложил ему диспозицию и испросил разрешения съездить к Давиду Шегиряну. Михаил Борисович, проявив незаурядную принципиальность, ответил, что если это нужно для дела, то он готов предоставить мне карт-бланш от имени руководства Генеральной прокуратуры РФ. «Принимай решение по обстановке и ни о чем не беспокойся», – заверил меня мой шеф. При этом право пользоваться именем Генеральной прокуратуры России на необозначенных в сопроводительных документах территориях я, естественно, не получил. Однако встретиться с Давидом Шегиряном требовалось позарез. Пришлось изрядно поломать голову, чтобы выполнить задуманное без никому не нужных эксцессов.

Трудность состояла вот в чем. Каждый день моего пребывания в США был расписан буквально по минутам – на этом настояла американская сторона. Согласно плану, никакие мои выезды на территорию сопредельных государств не предусматривались.

В Генеральном Консульстве Доминиканской Республики в городе Сан-Франциско я узнал следующее. Не имея соответствующим образом оформленных виз (сделать их можно было только в далекой Москве), мы можем въехать на территорию Доминиканской Республики не более чем на три дня – как туристы. Однако если нас уличат там в производстве каких-либо действий, не относящихся к туризму, неприятности могли последовать существенные, вплоть до ареста.

Но, как говорится, риск – благородное дело! Мы приобрели туристическую одежду, авиабилеты и вылетели в Санто-Доминго. Устроившись в гостинице, встретились в условленном месте с ожидавшим нас связным.

Шегирян через своего человека передал предложение провести его допрос у него дома. Опасаясь провокации, я не согласился и, в свою очередь, предложил допросить его в гостинице. Это не устроило Шегиряна, с которым связной держал постоянную связь. «Клиент», не владея ситуацией, боялся, что мы попытаемся его похитить и вывезти в Россию.

Тогда я выдвинул компромиссный вариант: выехать в город, выбрать нейтральное место и покончить с нашими проблемами. Это устроило всех. Мы немедленно отправились к Шегиряну, захватили его и неспешно покатали по незнакомым улочкам.

У одной из гостиниц на берегу океана остановились, вышли из авто, осмотрелись. Понравилось. Заказали столик в летнем кафе, сели «дружной» компанией – будто бы любоваться прекрасным пейзажем. Там Давид Шегирян и был допрошен с соблюдением всех формальностей. Его показания мы занесли в протокол, который он и подписал. Впослед-

ствии суд признал этот документ как одно из доказательств по нашумевшему делу.

Возникали и другие неожиданные трудности. Скажем, в Соединенных Штатах, после пребывания в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Нью-Йорке возникла потребность посетить также Бермудские острова. Там мошенники прикупили недвижимость и открыли банковские счета. Необходимо было удостовериться, что всё это – на средства, вырученные от реализации похищенных в России алмазов и иных ценностей.

Еще будучи в Москве, только собираясь в командировку, я обращался к руководству с просьбой прикрепить ко мне опытного переводчика. Получил отказ, сопровождавшийся ссылкой на неоправданно большие расходы. Мне сказали тогда, что специалисты такого профиля состоят в штате российского посольства в США, и посоветовали в случае необходимости обратиться к послу – мол, отказа ни в чем не будет.

На Бермудах мне обязательно нужен был переводчик. В нашем посольстве, действительно, вошли в положение и пообещали прислать прямо в аэропорт своего человека. Но накануне вылета из Нью-Йорка дипломаты неожиданно сообщили, что бермудская полиция оповещена о нашем приезде, и на месте нас уже ждет найденный ими специалист.

В аэропорту Гамильтона нас встретил лично начальник Бермудской полиции Виндал Бридгемен. Обменявшись рукопожатиями, я сразу спросил, что с переводчиком. «Он ждет вас!» – уверенно ответил полицейский.

Через час в полицейском управлении мне представили американца Джеффри Элиота – высокого мужчину средних лет, элегантного, с острым взглядом темных глаз. Чувствовалось, что это крепкий мужик. Никакой другой информацией о нем, кроме личного впечатления, я не располагал.

С помощью Элиота я допросил нескольких свидетелей, произвел выемку документов. Работал переводчик добросовестно и старательно. Вот только бросалась в глаза дотошность,

с которой он вникал в цели и задачи производимых нами следственных действий. По каждой мелочи буквально обращался за объяснениями и уточнениями. Право слово – достал!

Наконец, всё запланированное мы завершили. Перед отлетом Элиот пригласил нас к себе на обед. Отказываться мы посчитали неудобным – пусть и недолго, но человек побывал в нашей «упряжке», отработал качественно, никаких претензий к нему не возникло. Впрочем, гостеприимство его немного удивило: вообще-то не принято это у американцев.

Джеффри привез нас на шикарную виллу, расположенную в живописном местечке на берегу Атлантического океана. Строение внешне было искусно стилизовано под средневековый замок, зато внутри – всё по последнему слову техники и в соответствии с самыми передовыми стандартами жизнеобеспечения: микроклимат, немислимые фонтанчики, микрорастения.

На втором этаже – целая картинная галерея, в которой имелись подлинники Матисса, Пикассо и, кажется, Сальвадора Дали. Поразила нас и численность обслуживающего персонала. Я исподтишка насчитал 10 человек. И все, как один, в белых перчатках... Само собой, я не мог не вспомнить трепетную мечту Остапа Бендера о Рио-де-Жанейро – городе, в котором все поголовно ходят в белых штанах!

Хозяин не поскупился. Обед был просто роскошным. Стол ломился от яств. Одних сыров – около десяти сортов! Мы пили невообразимой древности и изысканности французские вина. Ели свежую лососину, доставленную, по уверениям Джеффри, прямо с Аляски... Дурак – и тот бы понял, что Элиот не просто богат, а очень богат. Ну, какой он переводчик? Такие деликатесы переводами никогда не окупишь!

После обеда мы прогулялись по его личному пляжу. У внушительного причала красовались несколько безукоризненно ухоженных глиссеров и две великолепные яхты. Эх, морская прогулка сорвалась – до самолета оставалось не так уж много времени.

В конце концов, любопытство одолело окончательно, и я, пользуясь благодушным настроением хозяина, спросил Элиота, какова его основная работа и почему он согласился «наяться» к нам в переводчики?

Его ответ поначалу сразил меня наповал. С добродушной улыбкой Джеффри признался, что он – потомственный шпион! Во времена «холодной войны» у них с отцом был «семейный подряд» в американской разведке. Служили в Берлине – прослушивали телефонные разговоры первых лиц Западной и Восточной Германии. «Война окончилась, – с некоторой ностальгией закончил он свой рассказ, – отец умер, и сам я давно в отставке. Владею несколькими банками в Лондоне и США. На Бермуды прилетаю исключительно отдохнуть и развеяться. А тут – такой уникальный случай хоть ненадолго вернуться в прошлое. Что ни говори – скучаю я по русской речи. Очень скучаю...»

Вот так вот в жизни бывает. Своими глазами убедился я в том, насколько хорошо оплачивался «труд» истинных идеологов и инициаторов развала СССР. Единственное – так и не могу понять, насколько он был искренен, говоря о своей «отставке». По-моему, «отставка» у такого ранга работников одна – могила. Не специально ли нам подсунули этого «переводчика», дабы мог он воочию составить непредвзятое впечатление о России и россиянах, о методах работы Генеральной прокуратуры РФ?

Не знаю, как у Джеффри, а мое впечатление об Америке сложилось вполне. В принципе, российская законодательная база отрегулирована не хуже, чем там. Но у них есть важные преимущества практического характера.

Во-первых, сотрудники правопорядка в Америке получают стабильно высокие зарплаты и обладают целым комплексом четко регламентированных служебных полномочий. Во-вторых, там крайне эффективно действует система защиты свидетелей. В-третьих, весьма стимулирует раскрытие преступлений «принцип договора»: в обмен на помощь обвиняемого

расследованию прокурор вправе на суде просить для него минимальное наказание.

На прощание Элиот подарил мне книгу своего отца с недвусмысленным названием «Я шпион» на английском языке. После того случая я стал с осторожностью относиться к переводчикам. Пусть Джеффри и оказался компанейским парнем, всё-таки со своими ребятами как-то оно надежнее. Ничего не хочу сказать об Элиоте плохого, но, полагаю, что информация о моем ведомстве и о том, чем и как оно занимается, всё же должна относиться к разряду «закрытых».

Результаты следствия

В ходе нашего расследования из основного уголовного дела выделялись отдельные эпизоды о совершении различных преступлений. Следствие по ним завершалось в сжатые сроки, и они направлялись в суд. Так, в августе 1995 г. в суд поступило уголовное дело по обвинению Н.Ф. Федорова в незаконном предпринимательстве, сокрытии доходов в особо крупных размерах, незаконной сделке с валютными ценностями и подлоге. В сентябре 1995 г. суд принял к рассмотрению уголовное дело по обвинению В.Ю. Урбана в незаконном предпринимательстве, торговле ювелирными изделиями из золота и драгоценных камней организованной группой с извлечением прибыли в особо крупном размере. В октябре 1996 г. суд приступил к рассмотрению уголовного дела по обвинению С.Н. Довбыша в хищении путем мошенничества при исполнении договора по реализации бриллиантов, в незаконном хранении золота в слитках в крупных размерах и в незаконном приобретении, ношении, хранении нарезного огнестрельного оружия и боеприпасов.

Все указанные лица были осуждены. Один лишь Довбыш не отправился в тюрьму. Еще до оглашения приговора он по недосмотру охраны повесился в помещении суда.

В октябре 1999 г. было завершено, наконец, расследование и по основному уголовному делу. Можно легко подсчитать, что с момента начала этой эпопеи прошло четыре с половиной года! Причем команда наша работала действительно не покладая рук – иначе нам никогда не удалось бы довести всё до логического конца.

В мае 2001 г. Московский городской суд признал виновными и определил меру наказания главным фигурантам нашего уголовного дела: Е.М. Бычкову – бывшему председателю Роскомдрагмета, И.Д. Московскому – бывшему заведующему отделом финансов, бюджета и денежного обращения Правительства Российской Федерации, А.Б. Козленку – учредителю американской корпорации «Голден АДА, ИНК», Н.Ф. Федорову – бывшему генеральному директору акционерного общества закрытого типа «Звезда Урала». В ноябре 2001 г. определением судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор по этому делу с несущественными изменениями был оставлен в силе. Тем самым высшая судебная инстанция подтвердила в том числе и высокое качество проведенного под эгидой Генеральной прокуратуры Российской Федерации расследования.

Само собой, столь щекотливое уголовное дело не могло не вызвать живейший общественный интерес. В средствах массовой информации России было опубликовано множество статей, в которых высказывалось недовольство мягкостью наказания в отношении виновных лиц. С этой позицией журналистов трудно не согласиться. Действительно, Московский городской суд проявил неоправданную лояльность к Бычкову и его поделщикам.

И всё же в целом приговором суда я был удовлетворен. Уникальное не только для России уголовное дело о коррупции в высших эшелонах власти нам удалось довести до финиша и усадить расхитителей на скамью подсудимых. Ценность достигнутого результата многократно возрастала с учетом того

обстоятельства, что преступление было совершено в тяжелейший для страны период. Наверняка многие помнят накал бушевавших тогда в обеих столицах и регионах общественно-политических страстей и абсолютную вакханалию в экономической сфере России. И в этой кипящей лаве каким-то чудом появился прецедент правового преследования и наказания тех, кто лихо научился ловить «золотых рыбок» в мутном водовороте стремительных перемен. Показательным был сам факт неотвратимости ответственности за подобные «шалости», которые слишком многим ранее сходили с рук. Собственно, как раз тогда и закладывался фундамент борьбы с масштабной чиновничьей коррупцией, совершенно беспрецедентное усиление которой мы наблюдаем последние годы. Именно после громкого «дела Роскомдрагмета-Гохрана» наши высокопоставленные мздоимцы и шулера стали если и не бояться, то опасаться махинаций с госсобственностью. Этим ловкачам, как минимум, пришлось срочно корректировать формы подобной «работы».

В самом начале следствия я столкнулся с непредвиденной ситуацией. В один из напряженных рабочих дней мне позвонил мужчина, которого я сразу не узнал. На мое предложение представиться он ответил: «Это Хожа из Грозного». Я быстро вспомнил его – он был другом моего коллеги Х.Х. Махамашаева, с которым мы ранее работали в прокуратуре Чечено-Ингушской АССР. Хожа просил принять его для представления важной информации, касающейся находившегося в моем производстве уголовного дела.

В начале я чисто инстинктивно хотел отказать ему во встрече, поскольку частные контакты по ведущемуся расследованию с точки зрения профессиональной этики выглядят не слишком хорошо. Однако, немного подумав, я решил всё-таки выслушать земляка. В тот момент любая информация, касавшаяся этого хищения, имела для меня исключительную ценность.

Придя ко мне в назначенный час, Хожа, справившись о моем здоровье, сообщил, что он поддерживает дружеские отношения с «главным фигурантом дела» Евгением Матвеевичем Бычковым – руководителем Государственного хранилища ценностей, председателем Комитета Российской Федерации по драгоценным металлам и драгоценным камням. Далее гость, не мудрствуя лукаво, предложил мне «вывести Бычкова из дела» – то есть прекратить в отношении него уголовное преследование. За это Хожа от имени своего конфиденанта предлагал мне много золота.

Без всяких раздумий я ответил, что он ошибся адресом и посоветовал сообщить Бычкову, что лучше ему прийти с повинной и сотрудничать со следствием. Тогда он сможет рассчитывать на смягчение своего положения в суде.

Через некоторое время Хожа опять позвонил мне и попросил принять его еще раз. При встрече он сказал, что передал мои слова Бычкову. Последний, в свою очередь, попросил сообщить мне, что в случае моего отказа развалить дело в отношении него меня придется застрелить. Не больше и не меньше.

Выслушав угрозу, я предложил Хоже объяснить Бычкову следующее. Моя работа связана с риском для жизни, и к угрозам я давно привык. Кроме того, я хорошо знаю, кто такой Бычков и его поделники. Так что уже составил завещание, в котором перечислил имена своих возможных убийц. Документ этот обязательно увидят мой сын и четверо моих братьев. Они чтут наши национальные традиции и хорошо знают, что делать. Если Бычков и его «друзья» хотят познакомиться с кровной мстостью в исполнении чеченцев, то это их желание обязательно исполнится.

Думаю, Хожа нашел нужные слова и убедил Бычкова не совершать глупостей. Во всяком случае, угроз в мой адрес в ходе этого расследования больше не поступало. Видимо, проблемы свои преступники предпочли решить более безопасными и привычными для них средствами. Это и отметили российские журналисты, удивленные мягкостью приговора.

Деятельность преступной группы лиц, похитивших огромные ценности из Гохрана России, наши репортеры эпатажно нарекли «аферой века». Тем не менее лично я полагаю, что точнее всё же говорить об одной из масштабных афер, которую нам удалось благополучно раскрыть. Достаточно вспомнить, как стремительно со второй половины 1990-х годов пополнялся список российских миллиардеров и мультимиллионеров, чтобы понять, сколько общенародных государственных активов обрело новых «хозяев». И подавляющее большинство госсобственности «уплывало» по самым мутным схемам, чему сильнейшим образом способствовала правовая неразбериха исключительно болезненного переходного периода, который переживала тогда страна. Все щекотливые подробности происходивших буквально на глазах миллионов людей неприглядных событий мы вряд ли когда-нибудь узнаем, но представление о них отлично передают многочисленные публикации и телевизионные материалы тех незабываемых лет. Впрочем, без ложной скромности всё-таки признаю: расследованное нами дело Гохрана – яркое свидетельство целой эпохи истории России, слава Богу, благополучно завершившейся.

Н.В. Гришина

«Я просто хотел найти себе третью жену...»

26 января 2019 года. В дежурную часть отдела полиции № 3 Кировского района г. Саратова поступило заявление о безвестном исчезновении Макаровой Лилии Валентиновны, 4 июня 1963 года рождения. К ее поискам были подключены сотрудники уголовного розыска, родственники и добровольцы. Велось обследование района Аккумуляторного завода г. Саратова (места работы пропавшей), прилегающей местности, проверялись ранее судимые лица. Родственниками и волонтерами был установлен конкретный район, где последний раз видели Макарову Л.В., был составлен список домов, попадающих под подозрение. Происки длились несколько дней. Вот только, как это позже выяснится, всё это время они искали уже погибшего человека. Погибшего страшной, можно сказать, мучительной смертью.

Было 6 февраля 2019 года. Как никогда снежная и морозная зима. Первая половина дня. Чуть больше двух месяцев я являюсь следователем отдела Фрунзенского района г. Саратова, где преступления против личности являются большой редкостью. Для этого района характерна так называемая «беловоротничковая» преступность: большинство преступлений носят коррупционный, экономический характер. Поэтому звонок из дежурной части с сообщением о трупе с признаками насильственной смерти меня немного удивил. Пока я ожидала дежурную машину СОГ для выезда, мне позвонил коллега и сказал, что труп «нехороший» и мне не стоит выезжать одной. На мои расспросы четкого ответа я не услышала. Через несколько минут я узнала, что в одном из домов, которые обследовали волонтеры и родственники пропавшей Макаровой, обнаружен труп женщины с явными признаками насильственной смерти. И, как оказалось, этот труп был не один...

Дом, где были обнаружены тела женщин

Находки, обнаруженные в доме 3 по 8-му Вокзальному проезду г. Саратова, в одно мгновение вызвали резонанс и собрали в одном месте все оперативные службы города. Собственника дома установили сразу – им оказался ранее неоднократно судимый, в том числе и за тяжкие насильственные преступления, Сергей Леонов, но его местонахождение на тот момент было не установлено. Я с некоторой растерянностью, еще до конца не осознавая произошедшее, смотрела на машины, людей в форме, что толпились на улице, где-то отдаленно слышала крики и плач родственников потерпевшей. Коллега, который был направлен мне на подмогу, толкнул меня в плечо: пора начинать осмотр места происшествия. Еще не совсем осознавая масштабы произошедшего, я осмотрела прилегающую территорию и двор дома, после чего совместно со специалистами и судебно-медицинским экспертом вошла в помещение. То, что я увидела внутри, поразило меня до глубины души. Дом напоминал помойку, доступ в комнаты был сильно

затруднен строительным мусором, мебелью, безумным количеством одежды и обуви, явно принадлежавших нескольким десяткам людей разного возраста и пола; женские манекены, грязная посуда, остатки еды... В первой комнате среди огромного количества мусора на старом ободранном кресле лежало что-то продолговатое, упакованное в несколько пледов, мусорных мешков, перемотанное веревками и цепью. Это был труп женщины, сильно обмороженный, настолько, что на лице отчетливо просматривался слой льда. Но даже через него были видны многочисленные гематомы, кровоподтеки и признаки гниения тела. Второй труп – тело Макаровой, в полуобнаженном состоянии, был обнаружен на полу в третьей комнате, также с многочисленными гематомами, повреждениями заднего прохода и гениталий. В этой же комнате находились два манекена в женской одежде, а к люстре были привязаны несколько букетов высушенных роз. Всё увиденное больше походило на кадры фильма ужасов, только это был не фильм, а реальность... И с каждой минутой всё отчетливее в сознание проникала мысль: «Это сотворено руками человека. Но человек ли это сделал? Имеет ли он право называться человеком?»

Оперативные и следственные службы приступили к поискам лица, которому фактически принадлежал дом по 8-му Вокзальному проезду. Со стороны может показаться, что если лицо объявляется в розыск, то правоохранительные органы просто ждут, что человек где-то объявится. На самом деле запускается сложный механизм, в котором задействованы специальные силы правоохранительных органов и служб, проводятся масштабные поисковые мероприятия, не видимые глазу обывателя. На следующий день после осмотра места происшествия из бюро судебно-медицинской экспертизы поступили предварительные результаты исследований трупа Макаровой Л.В. и трупа неизвестной женщины (позднее опознанной как Калинина И.М.) – обнаружена тупая сочетанная травма на обоих трупах, у обеих жертв множественные

переломы ребер, очаги внутренних кровотечений, тупые травмы головы, повреждения в области заднего прохода и гениталий. Опытные следователи-коллеги смотрели на всё с хладнокровием, в моей же голове не укладывалось, как такое мог совершить человек. Ясно было одно – его срочно надо найти. На протяжении нескольких суток кропотливо собиралась биография Леонова – допрашивались родственники, друзья, случайные знакомые; по крупицам восстанавливалась его жизнь со школьной скамьи. Кроме того, параллельно следователями назначались многочисленные экспертизы, проводились осмотры предметов. На пятые сутки эта работа дала свои плоды: Леонова задержали.

11 февраля 2019 года, примерно в 22 часа, я сидела в кабинете и заканчивала допрос, когда раздался звонок рабочего телефона. «Леонова поймали. Его везут к тебе», – прозвучал в трубке голос руководителя. Признаться, я обрадовалась как ребенок, еще не зная, что в ближайшие несколько суток забуду, что такое сон и окончательно перееду жить в следственный отдел. Ближе к полуночи Сергея Анатольевича Леонова 1960 года рождения доставили в мой кабинет.

На момент прибытия Леонова я уже достаточно была ознакомлена с его биографией, в связи с чем у меня сложилось определенное представление о задержанном. Четырежды судимый, последний раз – в 2009 г. за совершение грабежа, изнасилования и насильственные действия сексуального характера. Будучи в местах лишения свободы, подвергся сексуальному насилию со стороны заключенных. В перерывах между отбыванием наказания был дважды женат, имел трех детей, по образованию электрик, пытался работать по профессии, но долго на одном месте работы не задерживался. Кстати, одну из судимостей он получил за угрозу убийством собственной дочери. Из колонии он освобожден в конце 2018 г., после чего на протяжении нескольких месяцев предпринимал попытки нормального образа жизни. «Дом номер 3, трое детей, трое внуков.

Место происшествия – обстановка в доме

Я просто хотел найти себе третью жену, но мой дом стал для нее могилой», – потом неоднократно будет повторять Леонов в ходе следственных действий. Сломанная психика дала о себе знать, началось злоупотребление алкоголем, проявление агрессии по отношению к родственникам, знакомым, беспорядочные половые связи. Через полгода после освобождения в Леонове проснулся зверь, который жаждал насилия.

Ночь – особенное время суток. Ночью всё очищается от дневной суеты и шума, становится обнаженным. Ночь располагает к диалогу. Леонов сидел напротив меня. Мужчина, на вид 50-ти лет, в грязной одежде, в нетрезвом состоянии, а глаза... Они были абсолютно пустыми, но в тоже время пронзительными. В ходе допроса он не отрицал факт убийства двух женщин с интервалом в один месяц, но об обстоятельствах и подробностях преступлений не говорил. Позже, в следственном изоляторе, когда ему будут представлены пер-

вые доказательства, он будет говорить только об убийстве «Ирины». Первая жертва, Ирина Макарова, по роду деятельности была проституткой, с родственниками связь не поддерживала, вела асоциальный образ жизни, но знакомыми характеризовалась положительно, как добрый открытый человек – все эти обстоятельства привели к тому, что об ее исчезновении никто не заявил. Могу предположить, что, если бы не гибель Калининой, труп Ирины был бы найден не скоро. В ходе допроса Леонов скажет: «Я любил только Ирину, хотел создать с ней семью, но она отказывалась менять свой образ жизни. Мой дом стал для нее могилой. Я приносил ей цветы. Вы видели розы? Я хранил их». Из общения с ним стало понятно – скорее всего, Макарова и Калинина не единственные жертвы.

Леонов оказался хорошим психологом, пытался установить в ходе общения контакт, проявить внимательность, доброжелательность. Однако в нем не было ни капли раскаяния. Отдельные вопросы вызывали в нем негативные воспоминания, и, как следствие, эмоциональную неустойчивость, раздражительность, вспыльчивость. Смена настроения происходила крайне быстро. Было ясно одно – только полный комплекс следственных и процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий позволит собрать достаточный объем доказательств, восстановить все обстоятельства произошедшего, а также проверить причастность Леонова к совершению иных преступлений.

Собранные на первом этапе следствия материалы позволили глубоко изучить личность и образ жизни Леонова, восстановить его многочисленные связи. Допросы его знакомых, преимущественно женщин, показывали одно – все характеризовали его исключительно с отрицательной стороны как хитрого, пытающегося всеми способами войти в доверие человека, неадекватного в состоянии сильного алкогольного опьянения, с приступами гнева, в период которых он

не контролировал свое поведение. Однако на начальном этапе знакомства Леонов производил на женщин исключительно положительное впечатление, практически с первых дней высказывая серьезные намерения создания семьи. Возможно, именно это и цепляло одиноких женщин, за плечами у которых были неудачные браки, сложные взаимоотношения с мужчинами, трудности с материальным положением. Они мечтали обрести «крепкое мужское плечо», а он внушал им, что может его подставить. Именно среди его сожителей удалось установить еще двух потерпевших, которые чудом остались живы, но в свое время не сообщили о совершенных в отношении них преступлениях, ссылаясь на то, что им бы вряд ли поверили. Этими женщинами управлял страх – но, если бы они его побороли, других жертв можно было бы избежать. Меня не покидала мысль, что, если бы они в свое время обратились в правоохранительные органы, то Леонова остановили бы еще осенью 2018 г., и тогда Макарова и Калинина остались бы живы...

Из показаний родственников – сестры и матери, стало понятно, что неадекватность поведения Леонова стала проявляться летом 2018 г., когда он снова стал злоупотреблять спиртными напитками; у него начались неконтролируемые приступы агрессии. Кроме того, странность его поведения заключалась в том, что он стал жить с двумя, как ему казалось, одушевленными манекенами, которые нарек именами «Саша» и «Даша». С местной мусорки приносил, а иногда и покупал на заработанные мелкими подработками деньги, женскую одежду, в которую одевал манекены, вел с ними диалоги. В этот же период времени Леонов стал систематически захламлять дом, в котором жил. Злоупотребление алкоголем, беспорядочные сексуальные связи и явная неадекватность в поведении привели к тому, что родственники просто дистанцировались от него, оставив наедине с самим собой.

Проведенные после задержания Леонова дополнительные осмотры места происшествия лишь подтвердили показания свидетелей. Одиннадцать судебных экспертиз – биологические, по исследованию ДНК, судебно-медицинские, трасологические, психолого-психиатрические и другие, результаты оперативно-разыскных мероприятий, многочисленные допросы свидетелей подробно восстановили последние полгода из жизни Леонова, а также все обстоятельства совершенных им преступлений. То, что предстало перед нами по итогам расследования, действительно ужасало.

25 ноября 2018 г. Леонов познакомился с Гришиной и, войдя к ней в доверие, используя тот факт, что женщина была расстроена ссорой со своим сожителем, пригласил к себе домой. Там, будучи в сильном алкогольном опьянении, совершил в отношении Гришиной насильственные действия сексуального характера, угрожая при этом ей избиением и убийством в случае, если она окажет ему сопротивление. При этом использовал предметы, имитирующие фаллос, которые позже были обнаружены в доме в ходе осмотра места происшествия (на предметах были обнаружены биологические следы и в дальнейшем выделен генотип потерпевших и обвиняемого). После этого Леонов насильно удерживал ее в своем доме. На третий день обвиняемый, полагая, что воля потерпевшей полностью подавлена, решил съездить с ней к своему приятелю. По счастливой случайности женщине удалось сбежать. Будучи напуганной случившимся, она не стала сообщать о произошедшем в правоохранительные органы, и лишь когда к ней обратились сотрудники полиции, проводившие оперативно-разыскные мероприятия по последним преступлениям, она рассказала о совершенных в отношении нее противоправных действиях.

Помимо этого, 14 декабря 2018 г. Леонов, познакомился со своей новой жертвой – Новиковой, которая занималась проституцией, умело вошел к ней в доверие и пригласил к себе

домой. Там Леонов совершил в отношении Новиковой изнасилование и насильственные действия сексуального характера, угрожая при этом убийством и причинением тяжкого вреда здоровью в случае, если она окажет ему сопротивление. Наносил ей телесные повреждения цепью, которой позже будет обмотан труп Калининой. После совершенных в отношении Новиковой преступлений, последняя воспользовавшись тем, что Леонову были необходимы денежные средства, уговорила его съездить к своему знакомому. Благодаря этому ей удалось сбежать от преступника. И снова жертва не стала сообщать о произошедшем в правоохранительные органы, опасаясь преследований со стороны мучителя.

Летом 2018 г. Леонов познакомился с Калининой, стал поддерживать с ней отношения, в том числе и интимного характера. Отношения продолжались до декабря. В этот период он успел совершить особо тяжкие преступления в отношении Новиковой и Гришиной, которые разве что чудом остались живы. 31 декабря 2018 г. в принадлежащем Леонову домовладении он с Калининой встретил Новый год. 1 января 2019 г., находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, он поссорился с Калининой. В ходе конфликта мужчина совершил в отношении потерпевшей изнасилование и насильственные действия сексуального характера, причем, как показала экспертиза, он при этом использовал предметы, имитирующие фаллос, после чего стал избивать подругу, нанеся ей множественные удары кулаком в область головы, а также ногами по телу, а затем ушел из дома. Вернувшись домой вечером того же дня, Леонов обнаружил, что Калинина не подает признаков жизни. Он завернул ее тело в покрывало, полиэтиленовые мешки, перевязал веревкой и цепью и оставил в неотапливаемой комнате дома, где труп хранился до его обнаружения сотрудниками правоохранительных органов 6 февраля 2019 г.

В конце января 2019 г. Леонов познакомился еще с одной женщиной – Макаровой, которую пригласил к себе в гости

и предложил ей остаться с ним жить. В течение нескольких дней Макарова проживала у него, подвергаясь физическому и сексуальному насилию, позже, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, Леонов, разозлившись на Макарову, а также опасаясь обнаружения ею тела первой потерпевшей – Калининой, нанес ей множественные удары кулаком в область головы, а также ногами по телу, после чего совершил в отношении потерпевшей изнасилование и насильственные действия сексуального характера. Осознав, что от полученных телесных повреждений женщина скончалась, он покинул свое жилище и территорию Фрунзенского района города Саратова. Родственники, обеспокоенные исчезновением Макаровой, обратились в правоохранительные органы. Совместными усилиями сотрудниками правоохранительных органов 6 февраля 2019 г. в доме Леонова был обнаружен труп Макаровой, а также труп его предыдущей жертвы.

На первых допросах Леонов пытался отвлечь наше внимание от основных преступлений и взять на себя вину в убийстве на тот момент без вести исчезнувшей Акафьевой 1939 г.р., производство по делу которого также находилось у меня. Однако, ни мотив совершения преступлений Леоновым, ни возраст и психологические особенности Акафьевой не подходили под общую характеристику совершенных Леоновым преступлений и их жертв. Тем не менее, полученная от Леонова информация была проверена тщательным образом и, как и ожидалось, не нашла своего подтверждения.

Когда картина преступлений стала очевидна, были собраны достаточные доказательства и представлены Леонову, последний стал давать признательные показания. Единственное, что он отрицал – это совершение преступлений в отношении Новиковой. По его мнению, в отношении проститутки сексуальные преступления совершать невозможно по определению: всё происходило по обоюдному согласию. Общаясь с обвиняемым, я понимала: человек, который сидит

Леонов в зале суда во время избрания меры пресечения

передо мной и рассказывает подробности расправы над женщинами, не раскаивается. Он дает признательные показания, но ни один мускул на его лице не выдает чувства сожаления. А в те минуты, когда он пытался «выдавить» из себя какие-то чувства, было очевидно, что это ни что иное как жалость к самому себе.

Расследование этого уголовного дела заняло почти десять месяцев. Всё это время мы по крупицам собирали недостающие факты, по несколько раз перепроверяя полученную информацию. Было важно собрать такой объем доказательств, который бы не оставил у суда ни малейшего сомнения в виновности Леонова.

Заключение комиссии экспертов (была проведена стационарная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза с привлечением врача-нарколога), констатировало,

что у Леонова обнаруживается психическое расстройство в виде хронического алкоголизма 2 стадии (психические и поведенческие расстройства, вследствие синдрома зависимости от алкоголя). В период, относящийся к инкриминируемым правонарушениям, Леонов не обнаруживал признаков какого-либо временного психического расстройства, в том числе патологического аффекта. Во время инкриминируемого правонарушения мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

На основе собранных по делу доказательств Леонову было предъявлено окончательное обвинение в совершении преступлений, предусмотренных: п. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух лиц, с целью сокрытия другого преступления, а равно сопряженное с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера), четырех эпизодов преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера, совершенные с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего), трех эпизодов преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ (изнасилование, совершенное с угрозой убийства или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего), ч. 1 ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы человека, не связанное с его похищением). В ходе предъявления обвинения Леонов не признал принципиально вину только в двух эпизодах, и объяснялись эти принципы только тем, что потерпевшая по образу жизни была проституткой. Уже в ходе ознакомления с 8 томами уголовного дела, Леонов несколько раз проронил скупую мужскую слезу. Но это было не сожаление. Это была жалость к себе, и, возможно, осознание того, что остаток своей жизни он проведет в местах лишения свободы.

Судебное рассмотрение длилось месяц. Было видно, что Леонов просто смирился с тем, что ему предстоит. Он не проявлял никакого участия в процессе, отказавшись от дачи

показаний. Суд приговорил Леонова к пожизненному лишению свободы с отбыванием наказания в колонии особого режима.

На момент написания этого рассказа я проработала в органах следствия более полутора лет. В моем производстве находились дела различных категорий. Могу с уверенностью сказать, что данное дело произвело на меня сильное впечатление, осталось в памяти навсегда. Оно много дало мне как следователю, многому научило как в психологическом, так и профессиональном плане. Положа руку на сердце, скажу: коллеги не верили, что я не смогу это дело довести до суда, провести полное и всесторонне расследование – не хватит опыта. Честно сказать, и у меня на определенных этапах следствия тоже появлялись сомнения. До сих пор не могу понять, почему у руководителя моего следственного отдела была какая-то внутренняя убежденность в том, что я справлюсь. Наверное, это приходит с опытом, профессиональным мастерством и интуицией. Дело Леонова стало частью моей жизни, как профессиональной, так и личной. Я много смогла переосмыслить; получила жизненный опыт; возможно, немного повзрослела в мироощущении и во взглядах на жизнь. Одно могу сказать точно: я не знаю, что ждет меня дальше, какие еще дела буду расследовать, но на сегодняшний день, дело Леонова – главное по значимости и силе воздействия на меня и как на следователя, и как на человека.

А.Л. Драбкин

Дело о еврейской маме

Сколько живу я на этом свете, и сколько осталось мне жить, не переставал и не перестану удивляться святости материнской любви. Не кляните меня, русские, китайские, украинские и другие мамы, искренне любящие своих детей, готовые отдать им самих себя, в полном и переносном смысле. Моя добрая подруга Леночка отдала дочери свою почку и по сей день счастлива, что это получилось, а другая женщина кляла меня и мечтала о моей смерти за то, что лишил ее сына свободы. Она сама призналась бы в совершенном им преступлении, да только не могла стать обвиняемой в совершении изнасилования. Она проклинала меня, может, и сейчас прокликает, если жива, конечно...

Но отступление о мамах я сделал потому, что однажды заблудился в потемках одного не очень уж сложного для раскрытия преступления. Дело было о маме, об уважении к ней, но не сына, а абсолютно чужого ей человека. Наверное, мне чем-то сродни, поэтому я быстро нашел его, хотя обвинения так и не предъявил.

Маленький заливчик с мостиком-переходом в районе поселка Бумагина – вот всё, что осталось от речки Безымянки. Иногда там случались неприятные находки, несмотря на то, что в заливчике давно никто не купается, даже пьяные. Утонувшего Гришу нашли именно там, буквально в метре от берега. Гриша был одет по погоде, если не считать отсутствие одной кроссовки и завязанного поверх одежды полотенца, которое служило явно не для того, чтобы им обтереться после водных процедур. Судмедэксперт, наспех осмотрев труп, выдал «бесценную» информацию, которая формулировалась

несколькими словами: «Видимо, какой-то криминал, остальное скажу после вскрытия». Выбирать было не из чего, экспертиза всё равно не скажет фамилию потерпевшего. А уж тем более она не располагает сведениями об убийце, ищи сам. Фамилию утопленника, его персональные данные, как принято сейчас говорить, установили быстро: образцы отпечатков пальцев рук давно имелись в дактилоскопической картотеке УВД. Гриша был неоднократно судим и жил рядом, буквально в ста метрах от места его обнаружения. Его никто не искал, даже еврейская мама, но ее, как оказалось, тоже можно было понять. Ребенку 34 года, у него три судимости, и где его искать, знает только он сам, и никогда не говорит об этом маме. Подумаешь, не ночевал дома. Странно было это слышать от еврейской мамы, у которой единственный сын и больше никого и ничего, кроме болячек и цурес³. Но, опять же, что есть, то есть. Роза Яковлевна (фамилия и имя изменены) нашему приходу не удивилась, и мы поначалу поразились такому ее спокойствию при виде сотрудников милиции и прокуратуры.

– Что опять натворил этот шлимазл?⁴ – спросила Роза Яковлевна и даже предложила войти в квартиру.

– Пока еще точно не знаем, – ответил я, и не обманул. Мало ли за что Гришу «убедили» окунаться в залив со связанными руками, к тому же, причины смерти еще не были установлены.

– А что, давно он ушел из дома? – спросил я.

– Я вас умоляю, ушел еще вчера, я пришла домой, а его нет. Таки слава богу, пусть ему наливают и подают закуску в другом месте.

³ Цурес – несчастье (*идиш*)

⁴ Шлимазл – неудачник (*идиш*)

Мы попросили разрешения осмотреть квартиру, и хозяйка не стала возражать. В прихожей одиноко лежала кроссовка белого цвета, такая же, какая была и на ноге Гриши. В тот момент я еще думал, что беру грех на душу, не сказав матери о смерти сына. Судя по всему, сегодня квартиру еще не убрали, поэтому хозяйка и не обратила внимания на всего лишь одну кроссовку. Мы попросили ее поехать с нами в прокуратуру, и она слова не сказала против. Ей это было не в первый раз. Роза Яковлевна не очень хотела говорить о Грише.

Позвонили из морга и сообщили, что телесные повреждения на теле потерпевшего легкой степени тяжести, а смерть его наступила в результате асфиксии от утопления. Время на обходные пути, увы, закончилось.

– Роза Яковлевна, – обратился я к собеседнице, и тон мой был совсем недружелюбный, – ваш сын утонул в заливе напротив вашего дома. Мне кажется, вы догадываетесь, кто ему помог, но почему-то не хотите этого говорить. В конце концов, не мог же он отправиться гулять в одной кроссовке, вторая лежит на полу в вашей прихожей. Вечером вы были дома, и соседи это подтвердили.

– Они пришли в 9 вечера, – начала Роза Яковлевна без предисловий, – Гриша и с ним еще два парня, с виду приличные молодые люди. Одному примерно 17 лет, другой постарше. Я так поняла, что они братья. Пришли, разулись, а Гриша закричал, чтобы я сняла ему с ног кроссовки. Я давно у него не мама, а служанка. Я сняла кроссовки, и парни очень удивились этому. Гриша поставил на стол в кухне бутылку водки и приказал жарить картошку. Слава богу, картошка в доме была, и даже масло я сегодня купила. Сегодня пенсия, которую он у меня уже не заберет, как всегда. Тот, что постарше, мягко сделал замечание моему сыну за его грубое поведение, но надо знать Гришу, чтобы понять, как он на это среагировал.

Они сели выпивать на кухне, я подавала на стол, а Грише всё не нравилось. Они почти закончили бутылку, когда старший из мужчин спросил Гришу, почему он так грубо разговаривает с мамой. Гриша сказал, что это не его дело. Как хочешь, сказал он, так и базарю, закрой рот, ты у меня дома. Я ушла в комнату, они ругались, а когда вернулась на кухню, увидела, как Гриша схватил кухонный нож. Парень забрал нож, и они сцепились драться. Вы знаете, даже когда я была молодой, за меня ни разу не дрались мужчины, а здесь чужой человек заступился, как за свою маму. Они боролись и, пока всё это происходило, как-то перешли в ванную. Я увидела, как они вцепились друг другу в горло. Второй, молодой парень, не лез и не помогал, наверное, тоже испугался. На пороге ванной и прихожей Гриша захрипел и стал опускаться на пол, глаза были закрыты. «Я, кажется, его задушил», – сказал гость. «Жалеть не буду, – так я ответила, – устала я от него». (Первая часть фразы была откровенно грубой, и мной изменена... – *Прим. авт.*). Парень попросил полотенце, и я дала ему полотенце из ванной. Они связали Грише руки, чтобы было удобнее волочить тело, вынесли его из квартиры, и больше я ничего не видела. Можете меня арестовать, но этот парень-таки избавил меня от самой тяжелой болячки в жизни.

Было уже 11 ночи, может и позднее, но, когда речь идет о раскрытии убийства, о времени думаешь меньше всего. Я долго пытался вытащить из памяти несчастной женщины словесные портреты парней, получить хоть какую-то информацию о них. Бесполезно. Тогда я ничего не знал еще о сенсорно-моторном психосинтезе – методе активизации памяти – и вместо этого поил свидетельницу крепким чаем с дешевой карамелью вприкуску.

– Может, вам это что-то даст, – вдруг вспомнила Роза Яковлевна, – старший из парней собирался устраиваться на работу машинистом автокрана в колхозе, который в Валдгейме.

Я догадывался, что ныне покойный уже Феликс Гликштейн, работавший тогда председателем колхоза «Заветы Ильича», будет не в восторге от моего ночного звонка, но и ждать утра я тоже не мог. Феликс на звонок ответил и даже не ругался, мы хорошо знали друг друга. Я позвонил ему, а он – начальнику отдела кадров и попросил ее мне помочь. Несчастливая женщина пошла в колхозную контору почти в 12 часов ночи, нашла записи и сообщила, что действительно к ним на работу собирался устроиться гр. Ф., но почему-то не пришел. Сведения о несостоявшемся работнике у нее, к моему счастью, сохранились.

Брать подозреваемого решили утром. Он открыл нам дверь и сказал: «Я так и понял, что это вы за мной, я ждал вас». Его показания полностью подтвердили всё рассказанное Розой Яковлевной, даже очной ставки проводить не пришлось. Он не упрекнул ее в том, что она фактически отдала его в наши руки. На арест Ф. даже не представляли. Уголовное дело направили в суд, квалифицируя содеянное как неосторожное убийство. Результатов рассмотрения я по сей день не знаю. Несчастную женщину тоже никогда больше не встречал, хоть и жили мы в одном городе.

Приговор

Слово «приговор» я, как и многие другие слова, впервые услышал от мамы. Она любила часто повторять: «Мой приговор уже подписан». Сейчас могу только догадываться о значении этого выражения. Она была уверена: ничего в ее жизни не изменится в ближайшие годы, не вырастет заново кисть правой руки, потерянная на производстве, не вернется муж, у которого уже другая семья, не изменится работа: где она найдет еще такую возможность командовать общежитием, жить в нем же и одной воспитывать двоих пацанов. Действительно, всё четко, как в приговоре: там и мера наказания, и смягчающие иотягчающие обстоятельства. Мама рассказывала про какие-то суды, где она была народным заседателем. Иногда эти суды проходили в Красном уголке нашего общежития и там тоже оглашались «приговоры». Мне тогда и в голову не приходило интересоваться юридическим значением этого слова и его содержанием. А потом у меня появилась мечта стать следователем, за которой последовали три попытки поступления на юрфак и долгий, долгий путь к профессии, которая станет взаправду любимой.

Как-то сразу случилось, что мы, следователи прокуратуры, почти не интересовались решениями судов по нашим делам. Не до того было. Главное – раскрыть, доказать и без «допа» (дополнительного расследования) направить в суд. И только когда я стал прокурором района, приговоры заняли особое место в моей работе, особенно если речь шла о смертном приговоре...

По общему правилу, прокурор района не поддерживал государственное обвинение в областном суде, но однажды я сам написал рапорт и попросил разрешения участвовать в судебном процессе по делу Самсонова (фамилия изменена).

Обвиняемый надругался и лишил жизни шестилетнюю девочку в поселке Птичник. Таких преступлений Биробиджанский район тогда еще не знал, и дай Бог, чтобы никогда не узнал больше. Проблем с раскрытием почти не было. Несколько детей видели, как преступник взял за руку ребенка и отвел за клуб, потом ее нашли в туалете, заваленной травой и ветками деревьев. На шерстяном платице эксперты обнаружили микроволокно ткани штанов Самсонова, на его плавках хабаровский эксперт-биолог, замечательная умница Альбина Ивановна Райт, нашла малюсенький след крови и вытащила из него групповую и видовую принадлежность. Это могла быть кровь малышки.

Сам обвиняемый недолго «сидел на измене», так говорили о тех, кто не хотел давать показаний. Он рассказал всё и даже согласился показать обстоятельства преступления на месте происшествия. Вот тут и возникли первые трудности. При выходе из машины я увидел толпу мужчин и женщин, которые готовы были порвать негодя на части. В таких случаях может достаться всем. Начальнику райотдела милиции Владимиру Гузману пришлось снимать со всех участков службы милиционеров и ставить их для дополнительной охраны. Потом Сафронов пытался сбежать из прокуратуры района, которая находилась на улице Постышева в Биробиджане, но при попытке прямо в одежде переплыть Биру был задержан.

«Счастье» поддержать обвинение по Сафронову я взял на себя добровольно. Естественно, от ранее данных показаний он в суде отказался, и это еще на шаг приблизило меня к решению: попросить для подсудимого исключительную меру наказания – расстрел, что я и сделал. Крик матери Сафронова, которая слушала меня из коридора суда, чуть не заглушил последние слова обвинительной речи, но они всё-таки прозвучали. Вот тут и начались непредсказуемые

последствия этого момента. Суд объявил перерыв перед последним словом, а Сафронову надели наручники и повезли в ИВС, где, по правилам, его, как перспективно подрасстрельного, должны были поместить в отдельную камеру. Таковых, как это часто бывало тогда, не оказалось, и Сафронов въехал в «единичку», то есть камеру № 1, уже обжитую подсудимым Хлоповым по кличке Хлоп (фамилия и кличка изменены). Сафронов сообщил Хлопу, что «идет» за то-то и то-то, прокурор Драбкин запросил для него вышку.

– Значить, так, – резюмировал происходящее Хлоп, – если после приговора ты придешь с вышкой, с тебя грех спишется, тебе и без меня зеленкой лоб помажут (по существовавшей в те годы среди заключенных легенде перед расстрелом арестанту мазали лоб зеленкой. – *Прим. авт.*). А если суд пожалеет тебя... Молись, за беспредел нужно отвечать по понятиям.

Через неделю суд огласил приговор – 15 лет лишения свободы.

– С чем пришел, человек? – спросил Хлоп арестанта Сафронова.

– Пятнашка, – ответил тот.

– Что же ты, сука, пришел с пятнашкой, тебя же предупреждали, общественность возмущена!

После этого Хлоп всадил самодельный нож в грудь арестанта, избежавшего расстрельного приговора. Сафронов схватился за сердце и упал, а Хлоп постучал в дверь камеры и, когда туда ворвались милиционеры, почти театрально заявил:

– Граждане! Общественность возмущена имеющимся беспределом этой суки и мягкостью правосудия, в связи с чем я исполнил законные и справедливые требования прокурора Биробиджанского района Драбкина и привел этой суке приговор в исполнение.

Сафронова врачи спасли, а у меня взяли объяснения на предмет подстрекательства фигуранта к умышленному убийству. Я и хотел бы, но не мог этого сделать, ибо работал в районе, а Хлоп проходил по городскому делу. Его тоже не приговорили к расстрелу, в те годы к вышке приговаривали редко. От различных арестантов до меня доходили слухи, что убийца ребенка два года пребывал на зоне в безопасном месте. Такую форму содержания применяют к осужденным, приговоренным к наказанию своими же. Это помещение камерного типа, ужесточенный режим, короткие прогулки, и очень, очень тяжелая жизнь в ожидании исполнения «приговора возмущенной общественности»...

Любовь и перестройка в отдельно взятом Хинганске

Хинганск – место на планете особенное. Этот поселок был по-мужски красив, силен и привлекателен. Ежедневно в шахты уходили добытчики оловянной руды, они гордились своей работой и достатком, многие жили в благоустроенных домах, а в хинганских магазинах свободно продавалось многое, о чем в других районах области никто даже не мечтал и мог достать только по блату. Жители поселка лечились в хорошо оснащенной по тем временам больнице, а в столовой недорого и вкусно кормили любого приезжего. И во главе всего этого стоял комбинат «Хинганолово», имевший «слаженный трудовой коллектив», как принято было говорить в советское время.

А потом будто сорвалась с тросов шахтерская клеть и полетела вниз вместе с людьми в опустевший забой, где сыро и холодно, и почти нет шансов подняться наверх: в 90-е комбинат умирал, а вместе с ним и поселок. Сначала комбинат поделили между разными предпринимателями, которые, судя по всему, не собирались продлевать жизнь предприятию. Они стремительно стали распродавать всё, что подлежало продаже. Жаль, шахты продать было невозможно, более того, день и ночь на них должны были работать насосы, откачивающие подземные воды, а электричество стоило больших денег. И тут одним варварам помогли другие, они обрубали кабель, для того чтобы сдать его на металл, и насосы замолчали навсегда, шахты огромной глубины залило водой. Снялось с места постоянной дислокации подразделение горноспасателей, после того как местные хулиганы избили одного из них до смерти. Мы смогли допросить их только в Чите, по месту постоянного базирования, в поселке

они или вовсе не давали показаний, или рассказывали пустые и лживые байки.

Из Хинганска вместе с комбинатом уходила цивилизация, а на ее месте прочно утверждался криминал со своими уродливыми законами и понятиями. Многие знакомые мне по пионерскому лагерю пацаны стали шахтерами. Но спустя годы мудрые и крепкие представители поселковой элиты, надолго оставляя семьи, подались на вахты в другие регионы – зарабатывать на жизнь. При таком горьком раскладе бар с алкоголем и дискотекой стал самым посещаемым местом в поселке для всех его жителей, включая женщин. А еще холода – вечные спутники разрухи.

Воровать в поселке, где всё прозрачно, дело рискованное. Остается одно средство заработка – найти и дотащить до пункта приема металла то, что еще не успели собрать другие. Один килограмм «черного» стоит 2 рубля, какая ни есть, а копейка на бухло и сигареты. Нужно поделить зоны сбора, и не дай бог туда залезут чужие...

Каким же холодным был в Хинганске февраль 2007 года! Два трупа лиц без определенного места жительства в заброшенной квартире дома по улице Калинина обнаружил кто-то из соседей. На место выехали прокурор района Евгений Намывка и следователь Александр Сенкевич. Они произвели осмотр места происшествия с применением видеозаписи, однако картинка была размазанной, и только отдельные фрагменты ее подсказывали, что беднягам кто-то жестоко мстил, а вот за что, на это не было и намека. Для убийства приспособили старую вешалку из оленьих рогов, но предположить в этом символизм никак не получалось. Слишком уж убогими были потерпевшие, чтобы наставить кому-то «рога». Так что неожиданное возвращение с вахты шахтера, который узнал об измене жены, было исключено – бред, и только. Подобный беспредел обычно свойственен подрост-

кам, но и у них хоть какой-то надуманный мотив да должен быть. Бомжей могли «наказать», например, за кражу дров, но квартира дровами не отапливалась, для обогрева использовался самодельный обогреватель, естественно, незаконно подключенный к электросети.

Главное, чего никак не могли понять следователи – за что? Две недели опергруппа работала впустую, топталась на одном месте. Отработали двух таких же бомжей, ранее бывавших в этой квартире, а после съехавших на местную свалку. Ни один из них, как говорится, не был в теме. И работа с группой дерзких подростков результатов не дала. В тот вечер, когда было совершено убийство, парней видели в школе на дискотеке, а после в баре. По характеристике, один из них был способен на преступление такого рода – Думнов, дерзкий, спортивный, боец-лидер, но у него срасталось алиби.

К группе подростков вернулись скорее от безысходности, нежели по другим, профессионально обоснованным мотивам. Я подумал тогда: если пацаны причастны к убийству, то не могли они ни с кем не поделиться. Однако в поселке это делать опасно, кто-нибудь да проболтается, но ведь о совершенном преступлении так хочется кому-нибудь рассказать! Оказалось, в Биробиджане у Думнова есть девушка, студентка одного из колледжей. Любовь и всё такое. Решили не вертеть с ней вокруг да около, сделали вид, что всё знаем – и о ней, и о ее друге, и о том, что он рассказал ей про убийство. Старый оперской прием. Опасный, если промахнешься, но в этот раз сработал надежно.

Девчонка расплакалась и призналась, что Думнов рассказал ей, что был прямым свидетелем того, как его друг Артем, напившись, пришел к бомжам, когда они уже спали, и начал избивать их за то, что они нашли на бывшей обогатительной фабрике комбината и сдали на металлолом железную болванку весом в 300 кг. По понятиям, которые установи-

ли сами пацаны, бомжи не имели права этого делать, это не их территория, а потому они должны вернуть 600 рублей. У бомжей, понятно, таких денег не было, и Артем спросил с них по-пацански...

По его словам, Думнов присутствовал только в начале расправы, об остальном Артем сам рассказал ему уже после, буквально через полчаса, когда они встретились в баре. Девочка тщательно вспоминала, подбирала слова, иногда просто повторяя предложения, которые слышала от Думнова, и значение которых плохо понимала. Она почему-то искренне была уверена, что убивал не он, а его друг. Мы не разубеждали ее. Нельзя ногами топтаться по детской еще любви. Таким было мое мнение, и ребята-оперативники со мной согласились.

Теперь можно было говорить с Думновым. Вопрос лишь, с чего начать и как спасти девочку от законного гнева любимого. Вернувшись в Хинганск, мы встретились с Думновым, и первое, о чем спросили, зачем он подтянул к своим проблемам девочку? Пока она ничего не знала об убийстве, ей ничего не угрожало, в том числе уголовная ответственность за отказ от дачи показаний. Она ведь пока ему не жена, а потому обязана была рассказать правду о том, что знает. Но она не сделала этого своевременно, и потому должна теперь быть привлечена к ответственности по закону. Можно, конечно, забыть про то, что она знала и о чем не сообщила своевременно, но тогда он, как свидетель преступления, сам добровольно должен дать показания. Это был удар ниже пояса: либо пострадает любимая девочка, либо друг – реальный виновник не только убийства, но и прочих проблем. Выход нашел сам фигурант. Он придумал комбинацию, при которой всё встанет на свои места.

– Вы задержите меня здесь, в Хинганске, как преступника, – предложил Думнов, – сделайте это при пацанах, чтобы они

всё поняли сами. Артем не станет молчать, когда узнает, что я иду под статью вместо него. Не расскажет сам, с него спросят пацаны, это точно.

Мы согласились, но при этом его показания всё же записали на диктофон и составили протокол, в котором не указали дату допроса. Предполагалось, что она появится после признания самого Артема. На следующий день вечером Думнова постановочно жестко задержали возле бара и увезли в Облучье. Артема и остальных привезли позже, чтобы еще раз допросить в качестве свидетелей. В кабинет, где находился Думнов в наручниках, как бы по ошибке завели Артема, и Думнов закричал ему: «Братан, ты же знаешь, что я не при делах, за что меня грузят, братан, я не при делах, ты же знаешь!» Он кричал так, что профессиональные актеры позавидовали бы его сценическому мастерству. «Не захочешь сидеть, не так закричишь», – сказал один из оперативников. Подозреваемого грубо вытолкали из кабинета, оставив там Артема, и мальчик «поплыл» – не по понятиям, когда вместо тебя грузят друга. Он написал явку с повинной и дал признательные показания. Его осудили.

Протокол допроса девочки, подруги Думнова, в уголовном деле так и не появился, потому что с любовью следует быть бережным. Да и обещания, данные любому из фигурантов уголовного дела, лучше выполнять, когда-нибудь это пригодится.

Но не прошло и года, как сам Думнов совершил тяжкое преступление в другом регионе Дальнего Востока и теперь уже по-настоящему был водворен в камеру. По решению суда за колючей проволокой ему предстояло провести долгих 12 лет.

Ах! Какая женщина

Кто еще не решил для себя, хорошо ли, когда в нашей следственной работе неожиданно возникает женщина, скажу однозначно – это всегда сюрприз.

На этот раз всё началось с сюрприза, полученного мною из Биробиджанского районного суда буквально через несколько дней после назначения меня прокурором района. Заведующая канцелярией обыденным голосом сообщила, что на доследование вернулось уголовное дело об умышленном убийстве, совершенном в селе Красивое. Деяние это было сопряжено с расчленением трупа. Только этого мне не хватало для начала успешной работы! Мой предшественник, земля ему пухом, лишь пожал плечами и сухо сказал: «Расследуй».

В преступлении обвиняли некоего Марищенко (фамилия изменена). Именно он, по версии следствия, находясь в состоянии алкогольного опьянения, произвел выстрел в своего соседа, который от полученных повреждений скончался. Обнаружив это, Марищенко, с целью сокрытия следов преступления, используя топор, расчленил тело потерпевшего и закопал в различных частях приусадебного участка. Вину свою обвиняемый, а после – подсудимый, признавал полностью до того самого момента, как прокурор в обвинительной речи попросил суд назначить ему наказание 10 лет лишения свободы. Суд, как это принято, объявил перерыв перед последним словом подсудимого, после чего удалился. А Марищенко попросил начальника конвоя Сергея Егоровича проводить его в туалет. Начальник человек добрый, не такой вовсе, какими описывают в некоторых книжках «конвойных псов». По пути в туалет подсудимый вдруг попросил у конвоира житейского совета:

– Что делать, начальник? Не убивал я Андрюху (так звали потерпевшего). Баба моя его убила, а я загрузился, потому

что детишек ее пожалел. Думал, она всё же мать. Дети хоть и не мои, а жалко их стало. Пусть, думаю, останется баба на свободе, Бог ей судья. Да это... любил я ее. А пока на ИВСе сидел, узнаю: дети голодают, а она пьет себе еще больше и с мужиками шляется со всеми, с кем ни попадя. Что посоветуешь, начальник?

Что мог посоветовать Сергей Егорович? Во всей районной милиции, может, и не было более доброго, справедливого и порядочного человека, чем он:

– Расскажи в суде всё, как было, для того у тебя и осталось еще последнее слово.

Потом отвел арестанта в зал судебного заседания, усадил на скамью подсудимых и сам с интересом стал ждать, что скажет этот, похоже, и невиновный вовсе человек.

Когда ему было велено, Марищенко встал и начал свою печальную речь.

– Граждане судьи, – сказал Марищенко и заплакал, – не совершал я этого убийства. Пили мы в тот вечер много – Ольга, я и сосед Андрюха. Меня от самогона сморило, так я и уснул, а проснулся от выстрелов, вначале один, потом еще один. Вышел в кухню, а там Ольга с ружьем, говорит, шлепнула я его. За что, тоже сказала, но я и не запомнил, очень уж мне страшно стало. Ольга сказала еще, что я помочь ей должен спрятать труп, а если не сделаю этого, то рядом с ним и мне место найдется. Потом она рубила его сама, я только помогал закапывать. Когда за нами пришли и отвезли в милицию, я говорил то же самое, что и сейчас, но потом решил, пусть уж остается она с детьми. Написал ей «малявку», чтоб заботилась о детях, что всю вину беру на себя. Написал я явку с повинной и дал показания, что это я убил Андрюху. Сейчас, когда узнал, что она всё равно о детях не заботится, пьет и безобразничает, решил рассказать всю правду.

При такой «правде» суд не смог вынести обвинительный приговор и вернул дело для производства дополнительного

расследования. В деле всё было исключительно так, как рассказал Марищенко, и его первые показания, и явка с повинной, вот только записки-«малявки» не было. Впрочем, в изоляторе временного содержания действительно остался рапорт одного из сотрудников об обнаружении и изъятии записки. Сотрудник, которого я допросил, рассказал, что записка была именно такого содержания, и он передал ее следователю. Следователя допрашивать мне не разрешили, да и не сказал бы он правды, земля ему пухом. В селе все до единого свидетели, знавшие Марищенко и его сожительницу, говорили о том, что этот «теленочек» ни пьяным, ни трезвым мухи не обидит, а вот Ольга очень уж агрессивная, особенно когда выпьет. Еще до убийства два раза видели ее пьяной, как бегала она по селу с ружьем и угрожала кому-то. Дети голодали, односельчане подкармливали их, как могли, а горе-мамаша, даже совершив очередную кражу, пропивала похищенное, ни копейки не тратя на детей.

Чуть позже нашлась-таки свидетельница, которой Ольга лично рассказала, как убила соседа и даже показала место в кухне, поверх оконного проема, куда попала картечь, это место она вовремя замазала штукатуркой и забелила. Квартиру осмотрели с участием свидетельницы и под штукатуркой нашли те самые картечины.

В один день я поменял местами Марищенко и Ольгу Шац. Мать его плакала от счастья и даже написала благодарственную заметку в газету «Биробиджанская звезда». Детей у Ольги отобрали и отправили в детский дом. Но надо было видеть ее в суде: красивая, в красном платье, в волосах огромный красный бант. Она рыдала, кричала в окно и звала детей в свидетели, театрально обращалась ко мне как к прокурору, поддерживавшему обвинение: «Сколько заплатили вам, прокурор, чтобы я оказалась на этой скамье?!»

Я, конечно, мог не отвечать на вопрос, однако ответил и назвал сумму своей ежемесячной зарплаты. А чего скрывать, сумма была законная.

Тот самый суд был выездным и проходил в клубе села Красивое, люди требовали самого жесткого наказания для алкоголички красавицы Ольги. Дом, в котором совершалось убийство, к тому времени наполовину разобрали, никто не захотел жить в этом страшном месте, и даже огород не хотели сажать там, где закапывались человеческие останки.

А.П. Савченко

«Благие» намерения

В ночь с 18 на 19 февраля 1993 г. в Барнауле, столице Алтайского края, бурило. В конце зимы метели и бураны также органичны для Западной Сибири, как сезон дождей в апрелемае для стран Юго-Восточной Азии.

Автоэкипаж полка патрульно-постовой службы краевого УВД в составе милиционеров Николаева и Брютова (первый – старший экипажа, второй – водитель) в эту ночь находился на дежурстве по городу, осуществляя на служебном «УАЗе» патрулирование в центральной части Барнаула.

Время близилось к полуночи. Редкие прохожие кутались в шарфы и воротники.

Милиционеры, беседуя о мировой политике и бытовых неурядицах, неторопливо подъезжали по улице Димитрова к проспекту Ленина. Слева по курсу в огромных окнах корпусов политехнического института тускло отражались ночные фонари.

В этот момент навстречу патрульному экипажу вывернула зеленая «Нива», двигавшаяся со стороны Речного вокзала. Встречная машина выполнила поворот по большой дуге и, выехав на полосу встречного движения, едва не столкнулась с экипажем ППС, вынудив его прижаться к тротуару. Салон «Нивы», промчавшейся мимо, был полон людей.

– Преследуем их! – скомандовал Николаев. – Видишь сам, здесь либо подростки без навыков вождения угнали чью-то машину, либо пьяный водитель с компанией друзей решил прокатиться с ветерком по ночному городу... Ох, наделают они бед!..

«УАЗ» сделал крутой разворот и начал преследование «Нивы», габаритные огни которой маячили впереди, удаляясь всё дальше.

Поданное через громкоговоритель милицейское требование о немедленной остановке водитель преследуемой автомашины пропустил мимо ушей.

Попетляв по городским кварталам, «Нива» свернула в сквозной двор жилой пятиэтажки и при выполнении поворота угодила в сугроб, где забуксовала. Из застрявшей автомашины вылезли пять молодых мужчин и бросились врассыпную. Убегавший водитель «Нивы» отличался гигантским ростом, один из пассажиров держал в руке большую черную сумку, увесистую по виду.

– Я беру на себя задержание человека с сумкой, – сказал напарнику Николаев, выбираясь из автомашины. – А ты по радиации вызывай подмогу, пусть ближайшие экипажи подъедут сюда и помогут нам отыскать остальных!

Началось состязание по бегу. Фигура человека с сумкой маячила далеко впереди. Проходные дворы, через которые убегал неизвестный, тянулись вдоль улицы Некрасова и были освещены неравномерно. Силуэт беглеца то растворялся в полумраке, то вновь появлялся в полосе освещения.

Сержант милиции оказался прытким, и отставание стало быстро сокращаться.

Вскоре мешавшая нарушителю порядка сумка была брошена на снег, но это ему не помогло, и дистанция сократилась до минимума.

Убегавший мужчина, не желая, чтобы ему подсечкой заплели ноги, остановился, обернулся назад и принял бойцовскую стойку. Заметив, что в руках милиционера нет оружия, он с бранью бросился в атаку.

Сержант Николаев увидел перед собой парня двадцати с небольшим лет, своего ровесника, нетрезвого, но, судя по движениям, знакомого с восточными единоборствами. Мгновенно оценив ситуацию, сотрудник милиции сделал прыжок навстречу атакующему противнику, выбрасывая вперед левую ногу. Пробив защиту, его каблук врезался в грудь нападавшего. Тот рухнул на снег.

Надев на лежавшего парня наручники, Николаев рывком поставил его на ноги и повел к машинам. По дороге подобрал брошенную сумку. Торчавший из нее деревянный фрагмент какого-то предмета, принятый поначалу сотрудником милиции за рукоять топора, в действительности оказался рукоятью двуствольного обреза, в стволах которого находились снаряженные патроны.

Поскольку в ситуации просматривался явно криминальный характер, на место происшествия была вызвана дежурная следственно-оперативная группа Центрального ОВД, это была их территория.

Задержанный назвался Денисом Безгодовым, жителем города Алейск, расположенного в сотне километров от Барнаула. От каких-либо пояснений по поводу ношения оружия и своего пребывания в краевом центре категорически отказался. Его заперли в задний отсек милицейского автомобиля.

Стали подъезжать патрульные экипажи полка ППС. Они занялись поисками остальных пассажиров и водителя «Нивы» путем прочесывания подъездов, чердаков и подвалов близлежащих домов. Однако эти мероприятия не дали положительных результатов.

Прибывшая следственно-оперативная группа начала осмотр места происшествия. На полу в салоне «Нивы» были обнаружены две стреляные ружейные гильзы 16 калибра и полтора десятка свинцовых дробинок, а на водительском и заднем сидениях – обширные бурые пятна, которые дали положительную реакцию на препарат «гемофан», определяющий кровь.

Следователь МВД писал протокол осмотра, тем временем оперуполномоченный угрозыска вывел из бокса задержанного Безгодова и тщательно досмотрел его одежду, обнаружив при этом в кармане его куртки вязаную варежку, а в ней – гранату Ф-1, именуемую в народе «лимонкой».

– У меня нет такого опыта, как у вас, – оправдывался милиционер Николаев. – Я пришел в милицию недавно... После срочной службы в ВДВ... Перед посадкой задержанного в наш автомобиль я ощупал его карманы, но ничего опасного или подозрительного не заметил...

В сумке Безгодова помимо обреза находились автомобильные запчасти – пять крестовин и другие мелкие предметы, а также бланки совместного российско-германского предприятия «Альт».

Когда осмотр близился к завершению, на связь вышел оперативный дежурный Центрального ОВД и сообщил, что по учетным базам ГАИ установлен владелец осматриваемой «Нивы», некто Виктор Карлович Гербер, 46 лет, работающий начальником отдела российско-германского предприятия «Альт». Сотрудники дежурной части дозвонились на квартиру Гербера, трубку взяла его обеспокоенная супруга, рассказавшая, что муж еще не вернулся с работы и что ранее он никогда так долго не задерживался. Расспросы сотрудников милиции относительно принадлежности автомобиля и местонахождения супруга вызвали у женщины истерику.

Прошло пять дней.

Начальник следственного отдела прокуратуры Алтайского края А.В. Штырёв пригласил в свой кабинет следователя по особо важным делам Савченко.

– Андрей Петрович, тебе поручается расследование уголовного дела об убийстве гражданина Гербера с целью завладения его автомашиной, возбужденное на днях прокуратурой Центрального района, – сказал он. – Вот, получай материалы дела и приступай к работе.

– Надо понимать, в деле имеется какая-то изюминка, если «центральщики» передают его нам? – любопытно спросил следователь.

– Правильно мыслишь, – усмехнулся начальник отдела. – Есть основания полагать, что фигуранты этого дела причастны также к убийству нескольких таксистов, бесследно пропавших вместе с автомашинами в нашем городе этой зимой. Когда ознакомишься с материалами, ты всё поймешь.

Вернувшись на рабочее место, следователь отложил на время текущую работу и занялся изучением нового уголовного дела.

В разбойном нападении на гражданина Гербера, сопровождавшемся убийством потерпевшего, подозревались четверо: Безгодков, Ворона, Раков и Филипенко. Прокурором Центрального района города Барнаула был санкционирован их арест без предъявления обвинения в порядке, предусмотренном ст. 90 УПК РСФСР. Следствию, таким образом, отводилось десять дней на сбор веских доказательств и предъявление этим лицам обвинения либо на освобождение подозреваемых из-под стражи в связи с отменой меры пресечения.

Денис Безгодков, 22-х лет, живущий в городе Алейске, год назад был осужден к условному лишению свободы за особо злостное хулиганство и причинение тяжкого телесного повреждения. В армии не служил, трудился рабочим сахарного завода, вечерами подрабатывал, ведя за небольшую плату секцию каратэ в местной спортивной школе. Среди алейской молодежи считался крутым парнем.

Уже на первом допросе Безгодков признался в своих за пределами циничных преступных планах, которые взялся осуществить вдвоем с приятелем. Уверяя при этом, что убийство автовладельца произошло непреднамеренно. Молодой человек рассказал, что в январе на городской дискотеке познакомился со студентом Санкт-Петербургского горного института Андреем Вороной, гостившим на Алтае у своих родственников. После нескольких встреч у них обнаружилось сходство взглядов на жизнь, они были одногодниками, оба увлекались единоборствами. Парни прониклись

взаимной симпатией и подружились. Безгодков встречался с девушкой и в марте намеревался жениться на ней. Имея много друзей, мечтал отметить это событие с размахом, однако средствами на организацию свадебного торжества не располагал. Узнав о его финансовом затруднении, Ворона предложил отправиться в краевой центр и отнять машину у кого-либо из автовладельцев. Новый приятель утверждал, что у его одноклассника Павла Митюкова имеются знакомые, готовые приобрести по сходной цене автомашину в приличном состоянии для последующей перепродажи ее в Казахстан. Осуществить криминальную задумку решили через несколько дней. 17 февраля 1993 г. Безгодков приехал в Барнаул к Вороне, живущему у бабушки, с собой привез обрез 16 калибра и патроны к нему. На следующий день, в обеденное время, они пришли на центральный проспект города и принялись останавливать частных извозчиков, выбирая «Ниву» поновее – этот внедорожник пользовался в Казахстане большим спросом. Остановилась зеленая «Нива», немолодому крепкому водителю которой было предложено отвезти их за плату в поселок «Южный», и тот согласился. Безгодков расположился на заднем сидении, Ворона – на переднем. При Безгодове находилась хозяйственная сумка, в которой лежал заряженный обрез с запасными патронами, а также моток скотча и кусок бельевого шнура, на тот случай, если автовладелец начнет сопротивляться, и его придется связывать. У Вороны в кармане лежала боевая граната. На подъезде к поселку «Южный» Ворона попросил водителя свернуть в лес, заявив, что им с приятелем нужно выбросить сумку с ненужными вещами, тот, после некоторых колебаний, согласился. Вскоре Ворона подал условный знак, означающий, что они оказались в месте, удобном для нападения. Безгодков быстро выхватил из сумки обрез, взвел курки и приставил стволы к спине водителя, потребовав, чтобы он поменялся местами с Вороной. Машина остановилась, Ворона вы-

шел из нее, направляясь к водительской дверце, чтобы занять место водителя, вытеснив его на пассажирское сидение. В этот момент водитель резко полуобернулся к Безгодову, и у того дернулись пальцы на спусковых крючках – обрез выстрелил дуплетом. Умер мужчина мгновенно. Труп был переброшен на заднее сидение. Ворона сел за руль, и они поехали из леса в поле, намереваясь зарыть в сугробе тело убитого. Проезжая мимо садоводства, на въездных воротах которого висела табличка «Мелиоратор», обратили внимание, что там безлюдно, поэтому поменяли планы и перенесли труп в один из садовых домиков. После происшедшего Безгодов был несколько не в себе, решил в случае задержания не сдаваться милиции живым и попросил у приятеля его гранату. Андрей ему не отказал. Вернувшись в город, Ворона позвонил однокласснику Митюкову, у которого имелись два знакомца, желавших купить краденую машину, и назначил встречу на вечер. Они встретились в пятером, стали употреблять спиртное по поводу заключаемой сделки. Когда в очередной раз поехали в коммерческий магазин за алкоголем, сидевший за рулем Андрей Ворона не вписался в поворот и едва не столкнулся с милицейской патрульной машиной. Сотрудники милиции начали преследовать их. В одном из городских дворов «Нива» въехала в сугроб и завязла, ее пришлось бросить и разбежаться. Ему, Безгодову, повезло меньше других – его настигли и задержали.

При проверке показаний подозреваемого на месте событий Безгодов при понятых указал дорогу в садоводство «Мелиоратор» и дачный домик № 394, в котором спрятан труп убитого им водителя зеленой «Нивы». В ходе дальнейших действий в домике было обнаружено тело мертвого мужчины с обширным огнестрельным ранением в правой части спины и касательным огнестрельным ранением грудной клетки справа. Позднее тело было опознано родственниками как труп В.К. Гербера.

Андрей Ворона был задержан только через два дня после совершения преступления, когда готовился покинуть пределы Алтайского края.

Ворона появился на свет на три месяца раньше своего одноклассника Безгодова, в прежние годы проживал с родителями в городе Барнауле, но потом, в связи с переводом отца к новому месту службы в северо-западный регион страны, семья последовала вслед за ним. К моменту расследования Ворона, являясь студентом Санкт-Петербургского горного института, жил на средства своих родителей, новогодние каникулы решил провести у родственников в Алтайском крае, где задержался и назад возвращаться не спешил, говоря, что ему надоела институтская учеба.

На допросе Ворона начисто отметал наличие у них с приятелем сговора на разбойное нападение с целью завладения транспортным средством. По словам подозреваемого, просьба к водителю «Нивы» повернуть в лес объяснялась тем, что он намеревался проехать в поселок Борзовая Заимка и одолжить на свадьбу алейского приятеля денег у своих друзей, чьи имена назвать категорически отказался. Выстрелы Безгодова в водителя были для него полной неожиданностью. Ворона также не признавал приобретение, хранение и ношение гранаты, заявляя: «Предъявляйте претензии тому, у кого ее изъяли».

Следствию удалось установить адрес Павла Митюкова, одноклассника Вороны, допрос которого позволил выйти на покупателей «Нивы» – Приходько и Свиридова. В итоге все пятеро мужчин, находившихся поздним вечером 18 февраля 1993 г. в салоне «Нивы», когда она едва не столкнулась с экипажем патрульно-постовой службы милиции, были установлены.

На допросах в районной прокуратуре Митяев, Приходько и Свиридов упорно стояли на том, что в злополучный вечер встретились со своим знакомым Андреем Вороной и по его

предложению решили покататься по городу и попить водки, что разговора о покупке «Нивы» между ними не было. Показания Безгодова на этот счет они называли выдумками нетрезвого человека. Было очевидно, что двухдневное пребывание на свободе Ворона использовал с выгодой для себя, выработав с вышеназванными лицами единую линию поведения на предварительном следствии.

Из материалов уголовного дела также следовало, что при осмотре места происшествия от 18-19 февраля 1993 г. на полу автомашины Гербера был обнаружен билет учащегося одного из городских профессионально-технических училищ на имя Виталия Ракова. Сотрудникам уголовного розыска не составило труда установить место его жительства, куда они, не мешкая, отправились. Молодого человека дома не оказалось, оперативников встретила его заспанная мать. В доме пришлось оставить засаду. Раков появился лишь под утро, был он навеселе и не один – с таким же пьяным приятелем по фамилии Филипченко. Оба были задержаны.

Так в деле появились два новых фигуранта, которые, судя по датам рождения, не достигли совершеннолетия, но были на подходе к нему.

На допросах учащийся ПТУ Раков и его приятель Филипченко признали свое участие в разбойном нападении на гражданина Гербера. Следователя прокуратуры края Савченко при изучении данных протоколов насторожило то, что на уточняющие вопросы районного следователя несовершеннолетние отвечали несколько путано, ограничиваясь в основном общими фразами. В то же время, при проведении проверки показаний на местности каждый из них в отдельности привел участников следственного действия к дачному домику № 394 в садоводстве «Мелиоратор», из которого днем ранее при участии подозреваемого Безгодова было поднято тело убитого потерпевшего. Несовершеннолетние, таким образом, демонстрировали виновную осведомленность.

Помимо этого, подозреваемый Раков показал, что они с Филипченко, Безгодовым и Вороной в течение зимы в разных местах города убили шестерых таксистов, чьи автомашины были позднее перегнаны на продажу в Казахстан. Лишь одну «Волгу» не удалось сбыть, ее пришлось оставить на автотрассе Барнаул-Павлодар по причине произошедшего ДТП.

С особой тщательностью были изучены выводы судебно-медицинской экспертизы. По заключению эксперта, смерть В.К. Гербера наступила от тяжелого телесного повреждения, опасного для жизни, в виде огнестрельного дробового слепого проникающего ранения живота с повреждением внутренних органов, осложнившегося обильной кровопотерей. Раневой канал начинался на спине в области правой лопатки, и заканчивался в брюшной полости. Выстрел, по мнению эксперта, был произведен с близкого расстояния, на что указывало отсутствие рассеивания дроби, действие пламени на края раны и наличие в раневом канале пыжа и картонных прокладок. На трупе также имелось огнестрельное дробовое касательное ранение передней поверхности грудной клетки справа в виде дефекта кожных покровов, расположенное горизонтально, относящееся к категории легких телесных повреждений с кратковременным расстройством здоровья.

Савченко позвонил коллеге из прокуратуры Центрального района.

– Герасим Николаевич, я принял к производству твое дело. Должен заметить, что тебе удалось создать неплохой задел по эпизоду разбойного нападения со смертельным исходом. У меня не вызывает сомнений правдивость показаний Безгодова, которые согласуются со многими фактическими деталями. Расскажи, как удалось вызвать на откровения этого непростого молодого человека, уже успевшего побывать под следствием и под судом? Для меня это важно, ведь мне с ним еще работать и работать, а значит, в ближайшее время пред-

стоит устанавливать с подследственным психологический контакт и налаживать общение.

– А ты представь себя на его месте, – ответил «центральный». – Задержан ты по горячим следам. В салоне «Нивы» кровь, стреляные гильзы и дробь. В изъятой у тебя сумке личные вещи и документы убитого, запчасти из похищенной автомашины, обрез с запахом свежесгоревшего пороха, при тебе нашли гранату... В момент задержания Безгодов был нетрезв, но после пары часов, проведенных в холодной «подсадке» милицейского «УАЗа», пока не завершился осмотр места происшествия, хмеля в его голове поубавилось. Ну а в теплой допросной комнате ИВС Центрального РОВД, где я угостил Безгодова горячим чаем, он оттаял и согласился на конструктивный разговор. К тому же, как мне представляется, он не забыл, что, будучи осужден по серьезным статьям УК, получил условное наказание исключительно благодаря полной признанке...

– Коллега, в протоколе допроса Безгодова отсутствует один важный вопрос: «Как вы планировали действовать в случае, если попадетсЯ строптивый водитель, такой как Гербер, который не согласится выходить из-за руля и, вообще, откажется выполнять ваши требования?»

– Я вижу, что ты, Петрович, хорошо вник в суть дела. Что могу тебе сказать? Такой вопрос сидел у меня в голове, но в какой-то момент Безгодов запсиховал, и у меня возникло ощущение, что он может встать в позу и отказаться подписывать свои показания. В принципе, ничего страшного, но мне же еще требовалось, чтобы разбойник показал место, где ими был спрятан труп. В общем, я не стал его дожимать...

Следователю Савченко надлежало составить план расследования. Для сотрудника отдела по расследованию особо важных дел (так теперь называлась следственная часть прокуратуры края), работать без письменного плана – серьезное прегрешение с точки зрения надзирающих прокуроров. Случись у следователя какая незадача, упущение или промашка, прокурор

первым делом скажет: «Чего вы ожидали? Он же работает по наитию, несистемно, без плана!»

А четкий план в голове следователя пока не выстраивался – слишком много в этом деле было непонятного, хотя общая картина разбойного нападения на Гербера была уже достаточно ясной. Вот зачем Вороне и Безгодову потребовалось тащить с собой на «дело» двух недорослей? Чтобы их многолюдная компания привлекла внимание прохожих, насторожила водителя? Чтобы в тесном салоне «Нивы» они своим физическим присутствием мешали действиям Безгодова, в частности, мешали держать Гербера под прицелом? Чтобы потом делить добычу еще с двумя соучастниками? Здравого смысла и логики не просматривалось.

У «важняка» накопилось немало вопросов к подозреваемым, но прежде чем задать их, он сел за пишущую машинку и отпечатал постановления о назначении необходимых экспертиз, подготовил поручения уголовному розыску и отдельное поручение по Вороне петербургским коллегам, запросил уголовные дела, возбужденные по фактам безвестного исчезновения барнаульских таксистов. Рассуждая при этом, что пока он будет встречаться и беседовать со своими подопечными, его поручения начнут исполняться.

Денис Безгодов имел средний рост, спортивную комплекцию, правильные черты лица, изъяснялся на достаточно грамотном языке.

– Растолкуйте мне одну деталь, – обратился к нему Савченко. – Следователь прокуратуры Центрального района, когда вы привели его и понятых в садоводство «Мелиоратор», обнаружил тело Виктора Карловича Гербера в дачном домике. В то же время некоторые из вещей убитого – крытый овчинный полушубок, перчатки, шарф, складной нож, авторучка – почему-то лежали в металлическом баке для воды на территории садового участка.

– Решив избавиться от трупа, мы с приятелем заехали в безлюдное садоводство рядом со Змеиногорским трактом, остановились у одного из дачных участков. Калитка, ведущая на участок, оказалась запертой на замок, поэтому мы решили перебросить тело убитого водителя через изгородь, которая была выполнена из металлической сетки рабица. В этот момент послышался рокот мотора и вскоре в небе неподалеку от нас появился неторопливо летевший вертолет. Мы с Вороной занервничали, засуетились, посчитав, что это милиция нас ищет, ведь в лесу проезжавшие мимо нас водители могли обратить внимание на грохот, вспышки от выстрелов и дым в салоне нашей «Нивы» и, соответственно, могли сообщить об этом куда следует. С вертолета нас на белом снегу было видно как на ладони. Запсиховавший Ворона зацепился рукавом за стальную сетку и порвал свою кожаную куртку. Мы поспешно бросили труп в металлический бак для воды, находящийся рядом с изгородью, а сами укрылись в незапертом садовом домике. Переждав несколько минут, мы вышли из укрытия. Вертолет улетел. Не желая, чтобы труп был скоро обнаружен, мы перетащили его в домик. Часть вещей убитого водителя, в том числе выпавшие из его карманов мелкие предметы, так и остались в баке для воды. Покидая территорию садоводства, мы забуксовали в глубоком снегу. Неподалеку проезжала автомашина скорой помощи, и трое мужчин-врачей помогли нам вытолкать «Ниву» на твердую дорогу...

– Какую роль в нападении на водителя «Нивы» вы отводили барнаульцам Виталию Ракову и Геннадию Филипенко?

– Я не знаю этих людей. Мы с Андрюхой были вдвоем.

Пока Савченко записывал показания, Безгодов и его защитник о чем-то тихонько шушукались, после чего попросили о дополнении протокола.

– Мне хочется уточнить свои предыдущие показания, – заявил подследственный. – Ваш предшественник меня неверно понял и ошибочно записал, будто бы выстрелы в Гер-

бера произошли из-за того, что мои пальцы дрогнули на спусковых крючках. А реально обрез выстрелил самостоятельно, когда потерпевший неожиданно обернулся ко мне и при этом резко ткнул плечом в стволы моего оружия.

– Разумеется, я внесу в протокол ваши уточнения, – ответил следователь. – Вот только хочу заметить, что идея о самопроизвольном выстреле без нажатия на спусковой крючок, лишь от толчка или удара по корпусу оружия, не нова. Ваши доводы без особого труда проверяются экспертным путем. Если вы солгали, то предлагаю одуматься, ведь вы навредите самому себе. И постарайтесь жить своей головой, а не советами посторонних – сокамерников и адвокатов.

Подозреваемый Ворона, красавец двухметрового роста, долго требовал повышенным тоном от следователя Савченко освободить его из-под стражи, заявляя, что у следствия нет против него никаких улик. Он также отрешивался от знакомства с несовершеннолетними барнаульцами Раковым и Филипенко. В завершение беседы он цинично объявил: «Вот вы постоянно твердите об убийстве Гербера, а я бы сказал иначе: этот человек был переведен из одного пространственного измерения в другое».

Встретившись на следующий день с Раковым, Савченко предложил подозреваемому еще раз рассказать об обстоятельствах нападений на автовладельца Гербера и городских таксистов, и рассказать об этих преступлениях во всех подробностях.

– Да я к этим нападениям не имею никакого отношения! – заявил тот.

– А почему вы говорите об этом только сейчас? – удивленно произнес адвокат. – Почему раньше мне об этом ничего не сказали?

– Вы, Раков, сейчас скажете, что вас били, – иронично заметил следователь.

– Нет, не били, – покачал головой подследственный. – Всё было иначе, но взять на себя вину за то, чего не совершал, меня вынудили... При задержании мне сотрудники милиции сказали: «Вы с подельниками, пытаетесь отнять автомобиль «Нива» у человека по фамилии Гербер, застрелили его, потом пытались сбить автомашину за границу... И за всё это придется ответить». Я говорю, что ни в чем не виноват. Тогда мне показывают билет учащегося ПТУ на мое имя и говорят, что я обронил его в машине потерпевшего. Я опять не соглашаюсь, хотя и не могу объяснить, как мой документ оказался в машине незнакомого мне человека. Со мной беседовали два здоровенных опера, они говорят: «Ты, парень, отрицаешь очевидные вещи, не зли нас, иначе «баню» сейчас тебе устроим». Один, который пониже ростом, замахнулся и хотел ударить, но я попросил не трогать меня и объяснил, что только-только срослась челюсть, сломанная в драке на дискотеке. Опер вошел в мое положение и бить меня не стал, лишь хлопнул по плечу... Так, словно опустил на него пудовую гирию. А мне, чтобы не выводить этого человека из себя, пришлось соглашаться со всем тем, чего от меня добивались. Они говорят: «Вчера вы на проспекте Ленина остановили частника на зеленой «Ниве» и поехали с ним в поселок Южный, вас было четверо – ты, Безгодков, Ворона и Филипенко. Так?» Я послушно отвечаю: «Так». Мне говорят: «Когда водитель наотрез отказался уступать место за рулем Вороне, Безгодков застрелил его из обрезка. Так?» Я соглашаюсь, хотя понятия не имею, кто такие Ворона и Безгодков, но из разговора уже понял, что это нехилые парни, лет на пять старше нас с приятелем, один – очень высокого роста, другой – чуть пониже... Меня спрашивают: «Вчетвером вы перетащили труп из машины в незнакомый дачный домик. Так?» Я в ответ киваю головой. Затем я под диктовку написал короткую явку с повинной. Опера объясняют, что мне теперь необходимо дать показания под протокол прокурорскому следователю. Предупреждают, что

будут находиться поблизости, и чтобы я не вздумал мудрить. Ежу понятно, я дал такие показания, какие от меня требовали сотрудники милиции. Когда в моем рассказе возникали какие-то нестыковки, я ссылаясь на то, что «с бодуна» плохо соображаю. Следователю мне поверил.

– Но ведь Геннадий Филипенко тоже признался.

– Когда я стал послушным, опера велели мне сходить в соседний кабинет и поговорить с Генкой, чтобы он не дурковал и во всем сознавался. И я пошел, попросил друга: «Соглашайся со всем, что они говорят. Не зли их, иначе никогда не выйдем отсюда, а если и выйдем, то горбатыми. Всю правду расскажем в суде». Долго его уговаривать не пришлось.

– Ну, а как же тогда вы смогли показать следователю и понятным садовый домик, в котором был брошен труп, если вы с приятелем никогда там не были? – допытывался Савченко.

– Сделать это было проще простого! – махнул рукой подозреваемый. – Оперативники предвидели, что следователю потребует показать эту дачу, поэтому проинструктировали меня соответствующим образом. Ты, говорят, скажешь следователю, чтобы везли тебя по Змеиногорскому тракту за город, на въезд в садоводство «Мелиоратор», а там у самых ворот увидишь, что в свежем снегу протоптана только одна дорожка, она приведет вас к садовому домику, который нужен... Я так и сделал. Мы пришли к садовому домику, а в нем на полу – засохшие пятна крови. Верно опера говорили, что там еще недавно лежал «жмур». Один из оперов был с нами, поэтому говорить следователю и понятным, что я не при делах, было себе дороже.

– Ну, а теперь рассказывайте о событиях, касаемых серии убийств городских водителей такси, – потребовал следователю.

– А мне после того, как взял на себя совместное с приятелями нападение на владельца зеленой «Нивы» и его убийство, всё остальное стало как-то безразлично. От нас с Филипенко требовали признаться в убийстве таксистов, а мне было

боязно рассердить оперативных работников милиции, поэтому взял на себя и эти случаи. Никаких подробностей исчезновения водителей такси я не знал, но про некоторые детали мне рассказали опера.

Во второй половине дня следователь крайпрокуратуры встретился с подозреваемым Филипенко и выслушал историю его злоключений. Она в точности соответствовала свидетельствам Виталия Ракова, только рассказана была другими словами.

– Может быть, у вас имеется какое-то логическое объяснение тому, каким образом ученический билет Ракова оказался в машине убитого автовладельца Гербера? – спросил Савченко у несовершеннолетнего.

– Не знаю, чем это объяснить, – ответил тот. – Я в тупике, как и мой друг. Раков еще прошлой осенью бросил учебу в ПТУ. Как мне известно, с той поры он и не носил при себе ученический билет. Значит, случайно обронить его в машине не мог.

Причин для безраздельной веры в услышанное от несовершеннолетних подозреваемых у Савченко не было. Ссылаться на самооговор под принуждением, жаловаться на побои, угрозы и прочие козни правоохранителей – подлый прием людей, оказавшихся под следствием и арестом, используемый с завидным постоянством в случаях, когда они не могут возразить по предъявленным обвинениям ничего весомого. Так сказать, последний довод. Андрей Петрович и сам бывал объектом подобных инсинуаций. Несовершеннолетние также нередко играли в эти клеветнические игры, когда имели в качестве защитников адвокатов без чести и флага, для кого ничего важнее слова «гонорар» не было, а слова «профессиональная этика» были пустым звуком.

С другой стороны, изложенная Раковым и Филипенко версия развития событий выглядела вполне правдоподобной. Она давала ответ на вопрос, почему Безгодов и Ворона на-

стойчиво отрешиваются от знакомства со своими молодыми однодельниками, как и на некоторые другие вопросы. Савченко решил в неотложном порядке перепроверить на прочность доказательства, послужившие основаниями для задержания и заключения несовершеннолетних под стражу.

Участники осмотра места происшествия были приглашены в прокуратуру края и допрошены.

В роли понятых на осмотре присутствовали парень и девушка, студенты Алтайского медицинского института. По их словам, следователь Зенков из Центрального РОВД весьма скрупулезно перечислил и описал в протоколе все без исключения вещи, находившиеся на тот момент в салоне зеленой «Нивы». В их числе был билет учащегося городского ПТУ № 39, лежавший на резиновом коврике под передним пассажирским сиденьем, майор милиции Зенков так и записал об этом в протоколе осмотра.

Следователь СО Центрального РОВД Зенков показал, что в ходе осмотра места происшествия действовал стандартно, последовательно фиксируя в протоколе находившиеся в салоне «Нивы» предметы, а также обнаруженные следы крови, продукты выстрелов из дробового оружия. Предварительно обстановку в салоне автомобиля заснял на фотопленку эксперт-криминалист. Найденный билет учащегося ПТУ Ракова был изъят из автомобиля для приобщения к делу в качестве вещественного доказательства. Майор Зенков не смог объяснить следователю Савченко, по какой причине в фото-таблицах, которые он приобщил к протоколу осмотра, нет изображения ученического билета.

Эксперт-криминалист Туманов пояснил, что фотоснимки к протоколу осмотра выполнены им. В самом начале осмотра эксперт сфотографировал обстановку в салоне «Нивы» (пока она оставалась неизменной), после чего к своей части работы приступил следователь Зенков. В дальнейшем, изучая

дорожку следов, оставленных одним из скрывшихся пассажиров «Нивы», эксперт Туманов обнаружил на снегу картонную книжицу, которая оказалась билетом учащегося городского профессионально-технического училища № 39. Билет лежал в 50-60 метрах от автомобиля «Нива». Полагая, что документ обронил тот, кто оставил на снегу свои следы, Туманов громко объявил о своей находке.

– Вам оглашается фрагмент протокола осмотра места происшествия: «... в салоне автомобиля «Нива» на резиновом коврик у переднего пассажирского сиденья находится билет учащегося ПТУ № 39 города Барнаула на имя Ракова Виталия Сергеевича», – сказал Савченко эксперту-криминалисту. – Что можете пояснить в этой связи?

– Вы полагаете, это я подбросил ученический билет в осматриваемую автомашину, дабы повысить значимость своей находки? – проговорил дрогнувшим голосом молодой офицер милиции. – Как было дело, вам следует спросить у оперуполномоченного угрозыска Попова, который забрал у меня ученический билет со словами о необходимости установить побольше данных о личности владельца документа. Вероятно, Попов хотел сделать более прочными доказательства причастности пэтэушника Ракова к убийству владельца «Нивы»... А протокол осмотра я подписал без прочтения, так как сильно намерзся в эту непогоду, да и Зенкову, опытному и объективному следователю, с которым не один год работаю в одном ОВД, я полностью доверял и доверяю.

«Похоже, в деле стало на одну тайну меньше», – отметил про себя следователь по завершении допроса эксперта-криминалиста. Но как попал ученический билет на место проведения осмотра? Маловероятно, чтобы его на бегу обронил несовершеннолетний Раков, покидая «Ниву». Иначе бы там насчитывалось не пять, как об этом свидетельствуют члены патрульного экипажа ППС и сами фигуранты – Безгодов, Ворона, Митюков, Приходько и Свиридов, а семь человек.

Попов, оперуполномоченный ОУР Центрального РОВД, на допросе вел себя уверенно и не отрицал, что держал в руках ученический билет, найденный Тумановым. На вопрос следователя заявил, что указанный документ у него взял кто-то из присутствующих. Дескать, сотрудников милиции на месте событий было немало, а каждый из них хотел знать, что же случилось с владельцем «Нивы» и что это за банда такая с обрезом и гранатой разъезжает по центру города.

Коллеги Попова, работавшие с несовершеннолетними Раковым и Филипенко, также не спешили признаваться в фальсификации доказательств и использовании недозволенных методов.

Ситуацию с ученическим билетом помогла прояснить мать Ракова, приглашенная к следователю.

– Мы с сыном и моей мамой живем в небольшом частном доме на улице Кирова, – поведала женщина. – По окончании школы мой сын Виталий, желая получить специальность электросварщика, поступил в ПТУ № 39, но около полугода назад забросил учебу, ему разонравилась получаемая профессия. Ученический билет стал сыну не нужен, его перекладывали в доме с полки на полку. А не так давно во время уборки я кинула его в мусорное ведро и вместе с прочим мусором вынесла во двор, где выбросила за баню. Ведь мы живем в частном секторе, и до мусорных контейнеров идти далеко, поэтому зимой ссыпаем мусор за баней, чтобы весной перед копкой грядок сжечь накопившийся хлам. Мне доподлинно не известно, каким образом оказавшийся без надобности ученический билет сына оказался в ночь с 18 на 19 февраля у дома № 41 по улице Некрасова, где работала следственная группа. Но предположить могу. В ту ночь сильно мело, я это хорошо помню, я вообще ту ночь долго не забуду – пришли сотрудники милиции, сказали, что будут ждать Витальку, к утру дождалась его с другом и увели обоих. Легкую картонку ученического билета, мне думается, ветром унесло с нашего двора к названному вами

месту, ведь от нашей штакетной изгороди до этой пятиэтажки не более 150-200 метров.

В подтверждение своих слов Ракова указала расположение домов на топографической карте, имевшейся в следственном отделе. Савченко вскоре наглядно убедился в правоте этой женщины, когда прибыл с понятыми к месту жительства Раковых для осмотра местности.

В тот же день следователь освободил несовершеннолетних из-под ареста.

В соответствии с существующими правилами материалы по оперработникам были направлены в инспекцию по личному составу краевого УВД.

Тем временем проведенные криминалистические экспертизы показали, что изъятый по делу обрез является гладкоствольным, короткоствольным огнестрельным оружием, пригодным для стрельбы, а граната Ф-1 и запал к ней – боевыми припасами, пригодными для производства взрыва. После проведения соответствующих исследований криминалисты пришли к выводу: самопроизвольные выстрелы из обреза (без нажатия на спусковые крючки) не происходят даже при условии, если ударять по обрезу твердым предметом либо ударять самим обрезом о твердый предмет.

На правом рукаве плаща-пальто Безгодова эксперты обнаружили отложение свинца в виде полей. Это свидетельствовало о нахождении рукава в зоне действия копоти выстрела при стрельбе из огнестрельного оружия, патрон которого имел множественный свинец-содержащий снаряд.

Эксперты-биологи обнаружили на верхней одежде Безгодова и Вороны кровь человека, которая по своим групповым характеристикам соответствовала крови потерпевшего Гербера и могла произойти от него.

Коллеги из Санкт-Петербурга оперативно выполнили отдельное поручение сибиряка Савченко и прислали ему не-

сколько протоколов допросов свидетелей. Студенты Сагалович и Лиллерт, проживавшие в общежитии горного института в одной комнате с Андреем Вороной, пояснили, что осенью прошедшего года Ворона и его приятель Сенатов купили у незнакомых мужчин две гранаты-«лимонки». Студентка Крулик показала, что ее двоюродный брат Арсений Сенатов, приятель Вороны, демонстрировал ей ребристую гранату округлой формы.

Когда по ходу следствия Вороне, пребывавшему уже в статусе обвиняемого, будут оглашены показания студентов горного института, он признает, что привез гранату на Алтай из Санкт-Петербурга. К сказанному добавит, что после убийства владельца «Нивы» он передал Ф-1 Денису Безгодому по просьбе последнего.

По поручению следователя Савченко сотрудники краевого управления уголовного розыска плотно отработали на причастность к убийствам таксистов Митюкова, Приходько и Свиридова, намеревавшихся купить автомашину Гербера с целью последующей перепродажи в Республику Казахстан. Выполненная работа положительных результатов не дала.

Вечером в среду Савченко был вызван к прокурору края Ю.Ф. Параскуну, которого интересовало состояние дел в работе по убийству таксистов и убийству автовладельца Гербера.

– У меня сегодня личный прием граждан, – сказал прокурор, когда следователь закончил свой доклад. – Пару часов назад здесь была Лидия Викторовна Гербер с жалобой на ваши действия. Женщина считает, что вы без оснований освободили из-под стражи двух молодых людей, причастных к убийству ее мужа. Эти малолетние душегубы, заявила мне вдова, могут прийти к ней домой и зарезать ее саму и ее сыновей... Вот поэтому, Андрей Петрович, я и пригласил вас. Полагаю, вам необходимо найти возможность для того, что успокоить женщину и погасить ее страхи.

– Претензии гражданки Гербер, а она признана по делу потерпевшей, возникли на почве ее неосведомленности, – ответил Савченко. – Я не видел необходимости посвящать ее во все нюансы расследования, ведь по завершении следствия у нее всё равно будет возможность ознакомиться с материалами дела. В общем-то, я догадываюсь, кто тут воду мутит, кто проинформировал вдову об освобождении двух подозреваемых из-под стражи – против меня женщину настраивают опера Центрального ОВД, чьими стараниями несовершеннолетние Раков и Филипенко оказались под арестом. Сыскарям думается, что чем больше туману будет в моем деле, тем проще им будет уйти от ответственности за неправомерные действия... Однако у меня имеется конкретная задумка, как еще больше укрепить доказательства невиновности несовершеннолетних. Реализовать эту задумку мне пока не удастся – на все мои поручения уголовному розыску начальник ОУР Центрального ОВД присылает стандартную отписку: «Не представилось возможным установить». В общем, оперативники без стеснения саботируют поручения следствия из-за моих претензий к их коллегам. Но я еще не исчерпал свои собственные возможности.

И следователь рассказал прокурору о предпринимаемых попытках найти бригаду работников скорой помощи, проезжавшую в день убийства Гербера мимо садоводства «Мелиоратор».

– Я обязательно найду их, – заверил Савченко руководителя прокуратуры. – Это же не иголка в стоге сена.

Барнаулская городская станция скорой медицинской помощи имела семь структурных подразделений (подстанций), в каждом из которых следователь двумя неделями ранее официально запросил сведения о том, не пролегал ли в 13-14 часов 18 февраля маршрут какой-либо из медицинских бригад рядом с садоводством «Мелиоратор». Все, без исключения, полученные ответы были отрицательными.

Теоретически машина могла прийти с хозяйственными целями из какой-либо районной больницы края. Но Савченко отметал такую мысль, ведь по словам обвиняемых, в автомашине скорой помощи находилось трое мужчин – один был водителем, двое других – медиками, у них из-под верхней одежды виднелись белые халаты, в общем, налицо была полноценная медицинская бригада (врач, фельдшер, водитель) по оказанию неотложной помощи горожанам.

Савченко объехал все семь подстанций и побеседовал с медиками. Особенно внимательно вел разговор с работниками подстанции «Южная», которые обслуживали городской район, прилегающий к садоводству «Мелиоратор». Однако добыть необходимые сведения не удалось. Станцию скорой помощи следователь не беспокоил, так как, по его сведениям, сотрудники станции осуществляли административно-хозяйственные функции и непосредственно работой с больными не занимались.

Трудности с поиском экипажа скорой помощи озадачили следователя. Они могли возникнуть вследствие того, что медики не хотели выдавать следователю своих тайн. Ведь разыскиваемая медицинская бригада могла оказаться за пределами городской черты в личных целях одного из них – забрать соления из дачного погреба, либо с другой похожей задачей, тогда как за уклонение от маршрута по оказанию больным жителям города необходимой медицинской помощи сотрудники медучреждения карались строго.

Савченко решил обойти гаражи скорой помощи и попытаться вызвать на доверительный разговор водителей. Как успел заметить следователь, это были зрелые, независимые люди, которые могли нарушить молчание и рассказать, как всё было.

В одном из гаражей водитель Одегов выдал следователю любопытную информацию. Он рассказал, что несколько месяцев назад на станции скорой помощи были сформированы

три реанимационных бригады, в зону обслуживания которых был включен не только город, но и пригородное село Бельмесёво, расположенное за садоводством «Мелиоратор». Мало кто из горожан знал об этом.

Следователь позвонил на станцию и выяснил, что 18 февраля в 13:18 на вызов в село Бельмесёво выезжал врач Ващеулов, с ним были фельдшер Яковлев и водитель Голубицкий.

Ващеулов события двухмесячной давности хорошо помнил. Он рассказал следователю, что в обеденное время 18 февраля его бригада возвращалась в Барнаул из села Бельмесёво, куда выезжала для оказания неотложной помощи престарелой сельчанке. Фельдшер пригласил его и водителя на обед к себе домой в поселок Южный, поэтому, сокращая путь, водитель на въезде в город спустился со Змеиногорского тракта и поехал проселочной дорогой. Проезжая мимо садоводства «Мелиоратор», они увидели у обочины зеленую «Ниву», застрявшую в глубоком снегу. Около нее суетились два молодых парня, которые, заметив приближающуюся автомашину скорой помощи, принялись жестикулировать, прося остановиться и помочь им выехать. Остановившись, медики руками вытолкнули застрявший автомобиль на твердую дорогу. Управлял «Нивой» тот из парней, кто был в модной кожаной куртке, без головного убора, он имел высокий рост. Его товарищ высоким ростом не отличался, одет был в меховую шапку и светлый плащ-пальто.

С этим рассказом совпали пояснения фельдшера Яковлева, а также водителя Голубицкого. В описанных реанимационной бригадой парнях легко узнавались Ворона и Безгодов.

Показания свидетелей были логичны и последовательны, не противоречили друг другу, исходили от незаинтересованных лиц. Им можно было верить.

В итоге было найдено дополнительное подтверждение тому, что сразу после убийства Безгодов и Ворона прятали труп в садоводстве вдвоем и, следовательно, совершили раз-

бойное нападение на водителя Гербера без каких-либо других сообщников.

Вот только потерпевшая Гербер еще долго, до самого судебного процесса, не хотела смириться с тем, что Раков и Филипенко не были причастны к нападению на ее мужа, и периодически выплескивала на следователя свою словесную желчь.

Расследование близилось к завершению, когда в прокуратуру пришло сообщение о покушении обвиняемого Вороны и двух его сокамерников на побег из следственного изолятора № 1 УВД Алтайского края.

Савченко выехал в СИЗО для осмотра места происшествия, допроса свидетелей из числа сотрудников изолятора, допроса Вороны и его сокамерников.

Выяснилось, что Андрей Ворона вступил в сговор на совершение побега со следственно-арестованными Яковлевым и Гургенидзе, содержащимися с ним в одной камере. 22 и 23 мая злоумышленники металлическими пластинами, оторванными от кроватей, проделали отверстие в кирпичной стене камеры № 101 второго режимного корпуса СИЗО. В 4 часа утра 24 мая Яковлев, Гургенидзе, а затем и Ворона выбрались через проделанный лаз из камеры во двор следственного изолятора. Когда беглецы находились на прикамерном козырьке из металлической сетки на уровне третьего этажа, их заметил заместитель дежурного помощника начальника следственного изолятора (ДПНСИ) Сидоров, совершавший обход территории учреждения. Он сразу узнал Ворону по его гигантскому росту, персонал изолятора прекрасно знал этого арестанта, тот требовал к себе пристального внимания, характеризуясь наглым, дерзким и склонным к побегу человеком. Сидоров поднял по тревоге дежурный наряд. Будучи обнаруженным, Ворона через лаз вернулся в камеру, а его сообщников задержали прибывшие к месту происшествия сотрудники изолятора.

Работая в СИЗО, Савченко произвел выемку важных для уголовного дела документов. Это были письма, изъятые у Безгодова сотрудниками СИЗО при проведении досмотра.

Своей невесте Кругловой следственно-арестованный писал: «...Я не хотел убивать человека. Я был в себе, абсолютно трезвый, мы же хотели только напугать мужика и забрать у него машину, но он запсиховал, и мои пальцы на курках нервно дернулись, обрез выстрелил...»

Второе письмо имело похожее содержание, его Безгодов адресовал своему другу Котельникову.

Допрошенный на этот счет обвиняемый Безгодов не отрицал своего авторства. Таким образом, письма стали новым свидетельством того, что утверждения подследственного о самопроизвольном выстреле – это не более чем способ защиты, не имеющий ничего общего с реальностью.

Безгодов и Ворона были осуждены к длительным срокам лишения свободы. Суд присовокупил к наказанию Безгодова четырехлетний условный срок по предыдущему приговору.

В отношении оперативных работников ОУР Центрального РОВД города Барнаула уголовное дело не возбуждалось.

Р.Д. Вафин «Вещий сон»

В ноябре 1981 г. я работал в должности стажера старшего следователя прокуратуры города Мурманска. Тогда в моем производстве находилось три уголовных дела: о покушении Качановым на убийство своей бывшей жены с обезображиванием лица, об убийстве супругами Спиговыми своего новорожденного ребенка и о нарушении Правил дорожного движения сотрудником милиции Авериным во время управления служебным мотоциклом «Урал» с коляской, совершившим наезд на потерпевшую Шилову, в результате чего ей были причинены менее тяжкие телесные повреждения.

16 ноября меня к себе в кабинет вызвал прокурор города Юрий Александрович Смирнов и передал мне для расследования еще одно уголовное дело, возбужденное 29 октября 1981 г. по ст. 103 УК РСФСР (умышленное убийство). Ю.А. Смирнов рассказал: «Это уголовное дело возбуждал и первоначально расследовал твой тезка, старший следователь прокуратуры города Мурманска Равиль Абдуллович Нагимов. У него скопилось несколько трудоемких уголовных дел. И поэтому я решил его разгрузить. Вот передаю тебе для дальнейшего расследования уголовное дело по обвинению Лунина в убийстве своей жены. Это дело непростое. Сложность его состоит в том, что убийство совершено в сентябре 1978-го, то есть более трех лет назад, а полуразложившийся труп предположительно Луниной с признаками насильственной смерти обнаружен 1 ноября этого года недалеко от города, на склоне сопки в лесу, в районе второго километра Ленинградского шоссе. Поэтому за давностью лет ряд доказательств по уголовному делу скорее всего утрачен. После убийства Лунин матери жены, своим друзьям, знакомым и соседям сообщил,

что в сентябре 1978 г. его супруга уехала на юг лечиться и не вернулась, а в ноябре того же года он обратился с заявлением о ее пропаже в Ленинский РОВД Мурманска, где было заведено оперативно-розыскное дело о ее розыске. В своих объяснениях он рассказал, что в сентябре 1978 г. его жена уехала на юг лечиться и больше в Мурманск не вернулась. Место ее нахождения ему неизвестно. Сам Лунин ходил в море и, возвращаясь с плавания, иногда в течение 1979 г. навещал сотрудников Ленинского отдела внутренних дел и интересовался, нет ли новостей о его «пропавшей» супруге. Так он сформировал у окружающих, в том числе и у правоохранительных органов, мнение, что его жена, уехав из Мурманска в сентябре 1978 г. юг, пропала. Надо очень скрупулезно собирать доказательства и первоначально доподлинно установить дату, время, место и обстоятельства совершения преступления, а также то, что обнаруженный в сопке труп является трупом именно Луниной». В конце разговора Юрий Александрович попросил меня внимательно изучить это дело, а также план его расследования, составленный старшим следователем Нагимовым, и отнестись к расследованию очень серьезно.

Не знаю, был ли я готов к расследованию более сложных дел, чем те, которые у меня уже были в производстве. Однако, судя по тому, что говорил прокурор, передавая мне это уголовное дело, я понял, что он поверил в меня и доверил мне расследование первого по-настоящему сложного дела. В прокуратуре города, кроме Нагимова Р.А., тогда работали еще три старших следователя. Всем им было от 30 до 55 лет. Работали они в прокуратуре от 8 до 25 лет, и их стаж никак нельзя было сравнить с моим. Я работал стажером в прокуратуре без году неделя – с сентября 1981 г. Поэтому решение Ю.А. Смирнова передать мне такое сложное дело было для меня просто шокирующим. То ли он хотел посмотреть, не испугаюсь ли я и как справлюсь с этим непростым делом, то ли к этому времени у него уже было какое-то доверие ко мне или какая-то

надежда, а может и уверенность, что я сделаю всё возможное для успешного расследования, не подведу ни его, ни себя. А может быть, хотел убедиться, сможет ли он в дальнейшем доверять мне расследование сложных уголовных дел.

Снова в моем производстве оказалось четыре уголовных дела. Вечером того же дня я внимательно ознакомился с этим делом, из материалов которого следовало, что инициатором его возбуждения была мать жены Лунина – пенсионерка Кречук, проживавшая в городе Ростове. В деле находилось несколько ее жалоб, направленных в 1978-1981 годах в прокуратуры Ленинского района г. Мурманска, города Мурманска и Мурманской области, которые она стала писать, узнав от работников милиции о розыске дочери, инициированном ее мужем. В жалобах она сообщала о плохой работе милиции по поиску ее дочери. А в последней жалобе, поступившей на имя прокурора Мурманской области в октябре 1981 г., написала, что в сентябре 1978 г. она получила из Мурманска от зятя телеграмму, в которой сообщалось, что дочь уехала на юг в отпуск лечиться. В конце жалобы она прямо утверждала: «Я знаю, что дочь с зятем жили плохо. И я знаю, что мою дочь убил ее муж и закопал ее в сопках». Откуда она узнала об убийстве и что это было именно так, материалы дела умалчивали. Это было и для меня загадкой, которая странным образом разрешилась только в конце следствия по этому делу. Из прокуратуры области ее жалоба была направлена в прокуратуру города Мурманска с указанием: «Возбудить уголовное дело и произвести предварительное расследование». Ю.А. Смирновым жалоба была передана для проверки Нагимову Р.А., который сразу же и возбудил это дело.

К дате возбуждения уголовного дела Лунин пропал и несколько дней не появлялся ни дома по месту своего жительства, ни на работе, а его пароход, на котором он должен был уйти в плавание в очередной рейс в море, стоял еще на рейде в Мурманском порту. Нагимовым Р.А. было дано поручение

в отдел уголовного розыска УВД Мурманского облисполкома (ОУР УВД МО) с требованием разыскать Лунина, провести с ним оперативно-разыскные мероприятия на предмет причастности к совершению убийства его супруги и доставить на допрос. Сотрудники уголовного розыска УВД истребовали ОРД из Ленинского РОВД, ознакомились с ним, а также выяснили, что, оказывается еще, 26 октября возле одного из киосков на Ленинском проспекте в городе Мурманске Лунин, находясь в нетрезвом состоянии, совершил мелкое хулиганство. Октябрьским районным судом г. Мурманска он был арестован на 10 суток и находился на административных работах в Октябрьском отделе милиции. 29 октября с ним и начали работать сотрудники отдела уголовного розыска УВД. Сначала, давая собственноручные письменные объяснения, Лунин всё отрицал и придерживался своей первоначальной версии об отъезде жены на лечение на юг, после чего она в Мурманск уже не вернулась, и больше он ее никогда не видел. Однако позже, в этот же день, собственноручно написал «чистосердечное заявление», в котором указал, что в сентябре 1978 г. его судно вернулось с очередного плавания в Мурманский порт для разгрузки рыбы. Его встретила жена, с которой они на судне отметили его возвращение. Вечером, прогуливаясь по палубе, она случайно упала за борт в воду и утонула. Боясь, что его могут обвинить в убийстве, он об этом никому не рассказывал. На следующий день Лунин написал уже «явку с повинной», в которой сообщил, что в сентябре 1978 г. жена встретила его с рейса и пришла на судно. Пока он занимался разгрузкой рыбы, жена ушла на соседний корабль, где он застал ее нетрезвой, целующейся с каким-то посторонним мужчиной. Лунин привел жену на свое судно. Здесь на почве ревности между ними произошла ссора, в ходе которой он несколько раз ударил ее пепельницей по голове и убил, после чего к ее ногам привязал груз и сбросил за борт. Однако к концу дня Лунин написал следующую «явку с повинной»,

в которой изложил иные обстоятельства убийства жены. В сентябре 1978 г. он вместе с женой пошел за город в лес за грибами, где между ними произошла ссора, в процессе которой он из ревности кухонным ножом нанес ей один удар в грудь и убил ее, после чего, поняв, что натворил, закопал труп у большого валуна. Испугавшись, что его могут привлечь к уголовной ответственности за убийство, придумал версию о ее отъезде на юг, на операцию. Сопроводительным письмом ОУР УВД МО постановление суда об аресте Лунина за совершенное мелкое хулиганство, а также объяснение, чистосердечное заявление и явки с повинной были представлены в ответ на поручение следователя в прокуратуру города. Далее Нагимов Р.А. задержал Лунина в порядке ст. 122 УПК РСФСР по подозрению в совершении этого преступления, о чем составил протокол и произвел его допрос в качестве подозреваемого. Показания Лунина в ходе его допроса были зафиксированы с помощью магнитофона на магнитную ленту. На допросе Лунин признался в совершении преступления, рассказал об обстоятельствах убийства жены и заявил, что может показать место ее захоронения. 1 ноября 1981 г. Нагимовым Р.А. с участием подозреваемого, понятых, экспертов-криминалистов и судебно-медицинского эксперта был организован выезд за город и произведен осмотр местности – склона сопки в районе второго километра Ленинградского шоссе, где Лунин показал место убийства жены и место ее захоронения, а также место, куда он выбросил нож. Сразу же после того, как Лунин показал место захоронения жены, его отвели под охраной в милицейскую автомашину, что было указано в протоколе осмотра местности, где он ожидал результатов осмотра места происшествия и не участвовал в дальнейшем в следственном мероприятии. В это время Нагимов Р.А. вместе с работниками уголовного розыска УВД, экспертом-криминалистом и судебно-медицинским экспертом в присутствии понятых приступили к осмотру места происшествия. Они вскрыли

в указанном Луниным месте верхний слой земли, обнаружили и извлекли полуистлевший скелет человека с частично сохранившимися отдельными предметами женской одежды, совпавшими с описанной Луниным одеждой жены, в которую она была одета в день убийства. На зубах челюсти трупа имелись коронки. Следственные действия экспертом-криминалистом фиксировались на фотопленку с помощью фотоаппарата. Осмотр места происшествия, трупа и его позы, в которой он был захоронен, были описаны и зафиксированы в протоколе, а также на изготовленных экспертом-криминалистом фотографиях в фото-таблице, представленной следователю. А оружие преступления – нож в ходе осмотров местности и места происшествия найти не удалось. После этого Нагимовым Р.А. в отношении Лунина было вынесено постановление об избрании меры пресечения в виде заключения его под стражу, которое санкционировал прокурор города. Лунин был помещен в следственный изолятор г. Мурманска (СИЗО). Затем, согласно постановлению о привлечении в качестве обвиняемого, ему было предъявлено обвинение по ст. 103 УК РСФСР (умышленное убийство, совершенное из ревности и личной неприязни), и он был допрошен в качестве обвиняемого. Лунин полностью признал свою вину в содеянном. Чего не было в протоколах допроса Лунина в качестве подозреваемого и обвиняемого, так это положения тела, в котором он похоронил жену. В деле имелось постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа, дано отдельное поручение в отдел уголовного розыска УВД обнаружить в медицинских учреждениях города, в том числе и стоматологических клиниках, истории болезни Луниной на предмет выяснения ее группы крови и установки коронок на ее зубы. Кроме того, в деле имелись запросы: на места работы обвиняемого и потерпевшей о предоставлении характеристик, в информационные центры УВД МО и МВД СССР о наличии судимостей и в МОНД и МОПНД, состояли ли они там

на учете, а также копия письма прокурора города Мурманска, направленного матери Луниной, в котором сообщалось, что ее жалоба рассмотрена, уголовное дело возбуждено и в ходе его расследования обнаружен предположительно труп ее дочери. В этом же письме излагалась необходимость приезда матери в Мурманск для участия в следственных мероприятиях и принятия ею мер к сохранности имущества дочери и ее захоронению.

Я перечитал уголовное дело еще раз, сделал из него необходимые выписки, и внимательно ознакомился с составленным следователем Нагимовым Р.А. планом расследования, который находился при деле.

Согласно плану расследования по делу, необходимо было установить личность извлеченного из земли трупа. В случае обнаружения медицинских документов на Лунина изъять их из медучреждений, и путем назначения последующих криминалистической и биологической экспертиз идентифицировать обнаруженный труп с Луниной. Получить заключение экспертизы трупа, осмотреть в Бюро судебно-медицинских экспертиз Мурманского облздравотдела (Бюро СМЭ МО) вместе с экспертами-медиками и криминалистами полуистлевшую одежду потерпевшей, изъять ее, признать вещественными доказательствами и приобщить к материалам уголовного дела. Ознакомиться с оперативно-разыскным делом Луниной. Провести обыск в комнате Луниных в двухкомнатной коммунальной квартире, в которой они проживали, возможно, обнаружить и изъять оружие преступления – нож, а также предметы, документы, вещи, которые могли иметь значение для дела; осмотреть их, и в случае необходимости также признать их вещественными доказательствами и приобщить к уголовному делу. Получить запрошенные характеристики с места работы потерпевшей и обвиняемого, сведения о наличии у них судимостей из информационных центров УВД МО и МВД СССР, из Мурманского областного психоневрологиче-

ского (МОПНД) и Мурманского областного наркологического диспансеров (МОНД) сведения о том, не состояли ли они там на учете, допросить родственников, друзей и подруг, соседей, сослуживцев и знакомых супругов Луниных по характеристике их личности, взаимоотношениям, а также об известных им обстоятельствах убийства или пропажи потерпевшей в сентябре 1978 г. Назначить и провести амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу обвиняемому на предмет определения его психического состояния до и в момент совершения преступления. В ходе расследования признать мать Луниной представителем потерпевшей по уголовному делу, допросить ее в качестве потерпевшей, изъять у нее телеграмму, полученную от Лунина осенью 1978 г., в случае ее сохранности; передать матери ключи от комнаты Луниных, ознакомить потерпевшую и обвиняемого со всеми постановлениями и заключениями экспертиз, предъявить Лунину окончательное обвинение, выполнить следственные действия, направленные на окончание предварительного следствия по делу, составить обвинительное заключение и передать его вместе с уголовным делом прокурору для утверждения и направления дела в суд.

Я вынес постановление о принятии дела к своему производству. В план расследования уголовного дела внес небольшие дополнения: направить в прокуратуру города Донецка отдельное поручение о допросе матери Лунина – отец его к тому времени уже умер – по характеристике личности сына, а также выяснить, что ей известно об убийстве Луниным своей жены. Запросить Мурманский областной кожно-венерологический диспансер (МОКВД): не состояли ли там на учете потерпевшая и обвиняемый. Получить с места работы Луниной сведения о последнем дне пребывания ее на работе. В архиве Мурманского телеграфа запросить копию отправленной Луниным телеграммы Кречук об отъезде ее дочери на юг на лечение, ознакомиться с оперативно-разыскным

делом Луниной, запросить или произвести выемку из него документов, имеющих значение для дела, произвести иные следственные мероприятия и попытаться найти орудие преступления, документы, предметы одежды Луниной, осмотреть их, признать вещественными доказательствами и приобщить к материалам уголовного дела. В случае обнаружения ножа назначить по делу физико-техническую экспертизу на предмет возможного причинения им смертельного ранения потерпевшей и повреждений на ее одежде.

После ознакомления с уголовным делом меня беспокоило несколько вопросов: справлюсь ли я с расследованием такого сложного дела, смогу ли правильно и грамотно собрать по нему все доказательства, не наделаю ли ошибок, не наврежу ли своими действиями следствию? Кроме того, меня беспокоил еще один вопрос, возникший из материалов уголовного дела. Почему Равиль Абдуллович произвел осмотр места происшествия без участия обвиняемого, ведь во время этого следственного действия Лунин мог бы ответить на массу вопросов, интересовавших следствие, в том числе и о позе тела трупа, в которой он его захоронил? Я решил «не умничать» и этот вопрос у Нагимова Р.А. выяснить позже, если в этом возникнет необходимость.

Я приступил к расследованию. В первые же дни запросил все необходимые сведения (в том числе информацию из МОКВД на потерпевшую и на обвиняемого), которые еще не были запрошены Нагимовым Р.А., затребовал с места работы Луниной последнюю дату ее пребывания на работе, а из Центрального телеграфа города Мурманска подлинник или копию телеграммы, направленной Луниным в город Ростов матери потерпевшей. Телеграф быстро ответил, что такая телеграмма не может быть представлена за истечением срока ее хранения. К ответу был приложен акт об уничтожении телеграмм за 1978 год. Отправил я и отдельное поручение в Донецк о допросе матери Лунина. В это же время пришли

ответы из информационных центров УВД МО и МВД СССР, согласно которым Лунины судимы не были. Из отдела уголовного розыска УВД МО поступило также сообщение, что в двух поликлиниках, в том числе и стоматологической Ленинского района по месту жительства Луниной, были обнаружены две ее истории болезни. Я вынес постановления о производстве выемки, съездил в поликлиники и в присутствии понятых изъясил их. В ходе их осмотра в одной из них была указана группа крови Луниной, в другой – установка ей коронок на зубы в апреле 1978 г. с приложением снимков. Затем по изъятым в поликлиниках медицинским документам Луниной я вынес постановления и назначил две экспертизы: биологическую на предмет соответствия группы крови потерпевшей, указанной в ее медкарте, группе крови обнаруженного трупа и криминалистическую экспертизу идентификации личности на соответствие коронок на зубах челюсти трупа коронкам, указанным в медкарте.

Однако уже через неделю после принятия мною этого дела к своему производству, произошли события, которые вынудили меня, отложив на некоторое время все другие дела, активно включиться в его расследование. Меня вновь вызвал к себе в кабинет Юрий Александрович и передал поступившую из СИЗО в прокуратуру жалобу Лунина, в которой он писал, что жену свою не убивал, что признаться в ее убийстве и написать явку с повинной его заставили сотрудники уголовного розыска УВД, что он отказывается от ранее данных им показаний и что он не виновен. Ю.А. Смирнов предложил мне поехать в СИЗО и подробно допросить Лунина исключительно по его заявлению и в конце допроса, чтобы он ни рассказал, задать пока только один вопрос: как он может объяснить тот факт, что труп Луниной был обнаружен именно в том месте, которое добровольно указал он сам и во время его допроса в качестве подозреваемого, и в ходе осмотра местности в районе второго километра Ленинградского шоссе. Я поехал

в СИЗО, вызвал Лунина на допрос в следственный кабинет и объявил ему, что дальнейшее расследование его уголовного дела прокурором города поручено мне. Лунин оказался человеком выше среднего роста, худощавым, с карими глазами и черными средней длины волосами и такими же черными усами, края которых опускались на середину его подбородка. Он сел на краешек стула, ножки которого были прикручены к полу, стал нервно пальцами рук разглаживать свои усы и поинтересовался, чем вызвана причина его допроса, ведь он уже отказался от своих первоначальных показаний. Я ответил, что этим обстоятельством и вызвана необходимость его дополнительного допроса для того, чтобы досконально разобраться в его деле. Затем я с предъявлением ему его жалобы, поступившей в прокуратуру, подробно допросил его и записал в протокол всё, что он хотел сообщить следствию. А допрос начал с его автобиографии и обстоятельств знакомства Лунина с его женой и женьтибы. Лунин рассказал, что родился и вырос в городе Донецке, после окончания школы поступил в Чарджоуское речное училище. Окончив его, отслужил 3 года в военно-морском флоте. После армии уехал в Мурманск, устроился на работу в Мурманский траловый флот матросом, ходил в море. Вернувшись из своего первого плавания в порт Мурманска, пошел с коллегами в ресторан, где познакомился с официанткой – молодо выглядевшей белокурой эффектной женщиной. После ресторана она пригласила его к себе домой в гости. С этого времени он стал с ней сожительствовать, а через полгода они поженились, и он переехал к ней на постоянное жительство. После свадьбы узнал, что она старше него на 12 лет. Жили они хорошо, хоть и сказал он об этом с какой-то неуверенностью. Затем он рассказал, что в сентябре 1978 г., заранее договорившись, во второй половине дня он встретил жену с работы, и они вместе пошли в лес за грибами. На склоне сопки во время сбора грибов к ним подошли двое незнакомых мужчин, один из которых ударил

его по голове, и он потерял сознание. Когда очнулся, увидел, что мужчины копаются у большого камня. Испугавшись, он отполз в сторону. Через некоторое время мужчины скрылись. Не найдя своей жены, он подумал, что ее изнасиловали, убили и закопали в землю, почему-то ничего другого тогда он предположить не мог. Боясь мести с их стороны, и что его могут обвинить в убийстве жены, о преступлении в милицию не сообщал. Через несколько дней придумал и отправил теще телеграмму, в которой сообщил, что жена уехала в отпуск на юг на лечение. В середине ноября 1978 г. он обратился в Ленинский РОВД г. Мурманска с заявлением о пропаже жены. Сотрудникам милиции он дал объяснения об исчезновении Луниной и описал все предметы ее одежды, в которых она уехала на юг и которые взяла с собой. После этого в течение двух лет еще два-три раза являлся в милицию и интересовался: не нашлась ли его жена. Далее он рассказал, что в сентябре 1981 г. в нетрезвом состоянии у газетного киоска на Ленинском проспекте в городе Мурманске был задержан сотрудниками милиции за мелкое хулиганство. Октябрьским районным народным судом был арестован на 10 суток и определен на работы в Октябрьский отдел внутренних дел, где убирал мусор в здании милиции и очищал прилегающую к нему территорию. Через 2-3 дня двое сотрудников уголовного розыска УВД МО, фамилий которых он не запомнил, ежедневно приводили его в изолятор временного содержания (ИВС) (ранее назывался камерой предварительного заключения (КПЗ)) и требовали признаться в совершении убийства жены. Он всё отрицал, поскольку этого преступления не совершал, но сотрудники милиции, оказывая на него психологическое давление, угрожая поместить в камеру к уголовникам-рецидивистам, продолжали требовать признания в совершении убийства. Испугавшись угроз, он написал явку с повинной, в которой указал, что во время похода в лес за грибами в сентябре 1978 г. во время ссоры убил свою жену ударом ножа, затем закопал ее

на склоне сопки, у большого камня. На самом деле он ее не убивал. На вопрос почему сразу же в сентябре 1978 г. он не обратился в милицию и в сентябре 1981 г. об этом не рассказал работникам уголовного розыска, Лунин ответил одним словом: «Боялся». При этом не пояснил, кого и чего именно он боялся. В конце допроса, по совету прокурора, я задал Лунину вопрос: «Если вы не совершали убийства своей жены, как можете объяснить то обстоятельство, что вы добровольно показали место захоронения Луниной и что именно в этом месте был обнаружен ее труп с признаками насильственной смерти?», Лунин ответил одним словом: «Догадался». А затем добавил: «Может, это и не она там была зарыта?» От дальнейших объяснений Лунин отказался, пояснив, что более ему добавить нечего. После составления протокола он прочитал его и подписал. Прощаясь со мной, спросил: «Когда меня отпустят?» Я ответил ему, что сначала надо во всем хорошенько разобраться.

Возвращаясь в прокуратуру, я понимал, что расследование этого дела реально вернулось к началу, к исходной точке. Несмотря на то, что уверенность в совершении этого преступления Луниным у меня была, всё же теперь надо было доказывать не только дату совершения преступления и обнаружение в земле на склоне сопки трупа Луниной, но и доказать, что это преступление совершил именно Лунин. В прокуратуре я показал протокол дополнительного допроса обвиняемого прокурору. Ю.А. Смирнов прочитал его и сказал: «Ну, теперь собирай доказательства, анализируй все материалы дела, проверяй заявления Лунина и готовься к дополнительному его допросу, может быть, и не к одному. Если под натиском улики и доказательств Лунин даст правдивые показания – признается в совершении убийства жены – продумай, какие срочные следственные действия необходимо провести с Луниным, чтобы закрепить его показания. Возможно, добыть новые доказательства его вины, чтобы у него уже не

возникало желания отказываться от своих показаний». Вот тогда я сильно пожалел, что Лунин не участвовал в осмотре места происшествия, когда был обнаружен труп его жены, и не дал свои пояснения, которые не позволили бы ему так легко отказаться от своих показаний, и не зря я подумал об этом, знакомясь с уголовным делом.

С этого дня в свободные от расследования других уголовных дел минуты я стал продумывать вопросы будущего допроса Лунина. По моему мнению, результатом допроса после предъявления имеющихся в уголовном деле доказательств, должно было стать возвращение Лунина к своим прежним показаниям о совершении убийства жены, а также его подробные пояснения об обстоятельствах преступления, которые еще не были известны следствию и которые мог знать только он. Однако я понимал, что расследование только началось, и еще не все доказательства по делу у меня имелись на руках. Поэтому первый допрос и свои вопросы обвиняемому я решил сосредоточить исключительно на его же, Лунина, объяснении, чистосердечном заявлении, явках с повинной, протоколах задержания и допроса в качестве подозреваемого с записью его пояснений на магнитную ленту, постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и протоколе допроса в качестве обвиняемого, в которых он признавался в совершении убийства своей жены. Если этих доказательств будет недостаточно, то я заготовил ряд вопросов: и по протоколу осмотра местности, и протоколу осмотра места происшествия, и даже по фотографиям в фото-таблицах к ним, хотя предъявлять эти последние документы и фотографии и задавать по ним вопросы я всё же считал преждевременным. Я очень надеялся, что мои вопросы и предъявленные мною документальные доказательства вынудят Лунина рассказать правду и сознаться в совершении преступления. Поэтому, обдумывая каждый свой вопрос, обыгрывая предполагаемые ответы Лунина, я, конечно же, в зависимости от его ответов,

продумывал последовательность следующих вопросов. Так постепенно я разработал всю тактику допроса, чередуя простые, как бы не имеющие отношения к убийству вопросы, с вопросами, которые изобличали бы его как лицо, совершившее это преступление.

В двадцатых числах ноября я приехал в СИЗО для допроса Лунина. Поздоровавшись, он неожиданно спросил: «Правда ли, что по статье 103 УК РСФСР за убийство человека предусмотрено наказание от трех до десяти лет лишения свободы, о чем мне разъяснил следователь Нагимов?» Чтобы его не волновать, я спокойно спросил: «Почему это вас так волнует, если вы утверждаете, что никакого преступления не совершали и не убивали свою жену?» Лунин ничего не ответил, несколько оживился и даже, как мне показалось, стал проявлять интерес к допросу. На мой первый вопрос: «Готовы ли вы давать правдивые ответы на поставленные вопросы?», Лунин ответил, что будет правдив и отвечать будет честно. Первоначально он активно отвечал на мои предварительные вопросы, а я старался точно фиксировать в протоколе его ответы. При этом после каждого ответа я просил Лунина прочитать его и в случае правильности записи ответа расписаться. Так вопрос за вопросом, которые несколько его не тревожили, и ответ за ответом, которые он давал спокойно, мы подошли к его объяснениям, чистосердечному заявлению и явкам с повинной. Как оказалось, к этим вопросам он явно был не готов. Признавая, что все эти документы были написаны им, он удивленно спрашивал: «Откуда они у вас? Работники уголовного розыска обещали мне передать в прокуратуру только последнюю явку с повинной». Тогда я предъявил ему ответ УВД на отдельное поручение следователя, в котором значились все эти документы. Допрос продолжался, вопрос следовал за вопросом. По каждому документу я задавал Лунину контрольные вопросы: почему он собственноручно писал объяснения, чистосердечное заявление и явки с повинной и

указывал в них те или иные обстоятельства преступления, которые могли быть известны только лицу, совершившему убийство. Лунину становилось всё сложнее отвечать. Не зная, как отвечать на некоторые вопросы и объяснять причины собственноручно написанных им документов, он стал путаться. Он перестал смотреть на меня, опустил голову и, разглядывая пол следственного кабинета, стал долго обдумывать свои ответы, а затем и вовсе замолчал. Я тоже выдержал паузу и некоторое время вопросов не задавал, но потом показал ему еще с десятков вопросов по другим документам уголовного дела и твердо сказал, что у меня еще много вопросов, и каждый из них будет свидетельствовать о том, что он неискренен, говорит неправду, дает ложные показания и что это не в его интересах. Видимо, он и сам убедился в несостоятельности некоторых своих ответов, из которых следовало, что он лжет. Затем он, не поднимая головы, в качестве причины написания собственноручных объяснений, чистосердечного заявления и явок с повинной односложно отвечал, что писал их под угрозами сотрудников уголовного розыска посадить его в камеру с уголовниками-рецидивистами. Продолжая отвечать на очередные мои вопросы, Лунин стал еще сильнее путаться в ответах и давать противоречивые показания, которые я тут же старался использовать против него. Так постепенно, вопрос за вопросом и ответ за ответом, мы прошли и по протоколу его задержания в порядке ст. 122 УПК РСФСР, и по протоколу допроса в качестве подозреваемого, записанного на магнитную ленту с помощью магнитофона, и по постановлению о привлечении в качестве обвиняемого, и по протоколу допроса в качестве обвиняемого, в котором он, признаваясь в совершении убийства жены, заявил, что вину свою в предъявленном обвинении признает полностью и указал новые подробности. Такие подробности, кроме лица, совершившего преступление, никто знать не мог. Их было немало и по каждой из них я задавал Лунину отдельный вопрос

и просил у него объяснений. Примерно через три с половиной часа после начала допроса Лунин замкнулся и замолчал совсем. Я снова выдержал паузу, а затем спросил: «Не пора ли перестать говорить неправду и давать ложные показания? Может, уже пора рассказать всё, как было на самом деле?» Лунин посмотрел мне прямо в глаза, помолчал, снова опустил голову и, глядя в пол, согласился и вдруг стал говорить правду, снова рассказывая о своих взаимоотношениях с женой. Он сказал, что, проживая с женой, продолжал ходить в море, а через некоторое время жена стала требовать, чтобы он уволился и работал в городе. Он море бросать не хотел, что и стало причиной их первых ссор и скандалов. Однажды, вернувшись с моря в Мурманск «по зеленой» – так моряки называли временный заход судна в порт приписки для разгрузки рыбы, он приехал домой и, заглянув в окно, увидел, что его жена в нетрезвом состоянии, одна, в обнаженном виде танцует перед зеркалом. После этого он не раз, возвращаясь из плавания, заставал жену дома в нетрезвом состоянии иногда с посторонними мужчинами. И на этой почве между ними часто возникали ссоры, скандалы и даже драки. Скандалы жена ему закатывала и на судне, когда встречала его из очередного плавания. Он стал сильно переживать и ревновать ее, намеревался развестись. Жизнь стала склочной, неудобной, а жена становилась всё сварливее. Далее он рассказал, как в сентябре 1978 г. пошел с женой в лес за грибами. На склоне одной из сопкок между ними снова произошла ссора, в процессе которой он спонтанно ударил ее ножом в грудь и убил. Далее он рассказал о том, как захоронил жену у большого камня. Я подробно записал в протоколе положение и позу трупа Луниной, в которой она была захоронена им, так как об этом Лунин ранее не давал подробных показаний, тогда как в протоколе осмотра места происшествия и на фотографиях фото-таблицы поза потерпевшей была описана и запечатлена. Протокол допроса был составлен мною на десяти листах. В конце допроса

я задал Лунину еще один вопрос: если появится необходимость в дополнительной проверке некоторых его показаний на месте преступления, готов ли он принять участие в таком следственном действии, на что Лунин дал свое согласие. По окончании допроса он прочитал протокол, подписал его, и мы распрощались.

Вернувшись в прокуратуру, я показал протокол прокурору. Ознакомившись с ним, Юрий Александрович задал мне несколько вопросов, сказал, что тактически он был проведен мною правильно и поздравил с успехом. Тогда же я рассказал ему о необходимости, на мой взгляд, повторного выхода на место происшествия с участием Лунина, чтобы он уже в ходе повторного осмотра места происшествия рассказал об обстоятельствах преступления, а главное, о позе трупа потерпевшей, в которой он ее захоронил. Юрий Александрович согласился со мной, и на следующий день с его помощью мы организовали этот выезд на место преступления.

Следственное действие я начал на склоне сопки примерно в 100 метрах от места обнаружения трупа Луниной. Разъяснив присутствовавшим понятым, сотрудникам уголовного розыска, эксперту-криминалисту ЭКО УВД МО и обвиняемому их права, предусмотренные УПК РСФСР, я предложил Лунину еще раз показать место, где он совершил убийство своей жены и место ее захоронения. Специалисту ЭКО УВД МО я поручил фотографировать Лунина в ходе повторного осмотра места происшествия. Лунин провел участников следственного действия вверх по склону сопки, показал место убийства жены, рассказал, как во время ссоры из ревности нанес ей ножом один смертельный удар в грудь и убил ее. Затем он показал место, где захоронил Лунину. При этом рассказал, что ножом вырыл неглубокую яму и положил в нее погибшую. Труп не уместился, поскольку яма была меньше роста потерпевшей, поэтому он согнул ноги Луниной в тазобедренных и коленных суставах и повернул их на бок, после чего засыпал

землей, и заложил сверху дерном. Описанная Луниным поза трупа его жены в точности соответствовала позе, изображенной на фотографиях фото-таблицы, изготовленной экспертами ЭКО УВД к первоначальному протоколу осмотра места происшествия. По окончании следственного действия мною был составлен протокол, и все участники в нем расписались. На следующий день я вновь приехал в СИЗО к Лунину и еще раз дополнительно допросил его в качестве обвиняемого с предъявлением первого протокола осмотра места происшествия и фотографий фото-таблицы. Ознакомившись с этими документами, Лунин показал, что поза обнаруженного трупа жены на фотографиях фото-таблицы соответствует именно той позе, в которой он ее захоронил. Итак, по результатам этих следственных действий я получил три доказательства, подтверждавших вину Лунина в совершении преступления: протокол дополнительного допроса обвиняемого, в котором он вновь признался в совершении преступления, протокол осмотра места происшествия с участием Лунина и еще один протокол дополнительного допроса обвиняемого с предъявлением ему первого протокола осмотра места происшествия и фото-таблицы к нему. Затем я расследовал данное дело в промежутках между расследованием и окончанием уголовных дел в отношении Аверина, Кочанова и Спиговых.

Продолжая расследование, я вынес постановление о производстве обыска по месту жительства Лунина в комнате коммунальной квартиры, расположенной на первом этаже дома барачного типа в Ленинском районе города Мурманска. Обыск я провел в виде осмотра, указав в протоколе обстановку и всё то, что имелось в этой комнате и на кухне, принадлежавшей Луниным. Предметов одежды жены Лунина в комнате оказалось минимальное количество, но я их осмотрел и описал в протоколе. В ходе обыска мною были изъяты все ножи в комнате и кухне, принадлежавшие Луниным, а также телефонная записная книжка, в которой различными женскими и

мужскими почерками были указаны или фамилии, или имена, иногда отчества и номера телефонов по большей части женщин. После обыска я закрыл ключами комнату Луниных и опечатал ее. В помещении прокуратуры я произвел осмотр изъятых в ходе обыска ножей и записной книжки, составил из нее полный список фамилий, имен и номеров телефонов. Затем я вынес постановления и назначил физико-техническую и криминалистическую экспертизы на предмет возможного нанесения повреждений потерпевшей и предметам ее одежды изъятыми в ходе обыска ножами, поскольку нож, которым была убита Лунина, при осмотре места происшествия обнаружен не был. Согласно поступившим сведениям из МОНД и МОПНД, ни Лунин, ни его жена в диспансерах на учетах не состояли. С места работы Луниной мне пришел ответ, в котором последним рабочим днем Луниной было указано 10 сентября 1978 г., после чего она без причин перестала выходить на работу. Начисленный ей аванс в размере 40 рублей ею так и не получен. Таким образом, следствием дата совершения преступления в ходе расследования дела была установлена. Вскоре по делу я получил все заключения экспертиз: судебно-медицинской, биологической, физико-технической и криминалистических экспертиз, согласно которым зубные коронки, установленные Луниной в стоматологической поликлинике, в точности совпали с коронками, обнаруженными на челюсти трупа; группа крови Луниной, указанная в медицинских картах, совпала с группой крови трупа. Из заключения экспертизы трупа следовало, что смерть Луниной могла наступить в сентябре 1978 г. от острой кровопотери в результате проникающих колото-резаных ранений грудной клетки и брюшной полости с повреждением легких, печени и двенадцатиперстной кишки. Читая эти выводы, я был неожиданно удивлен и уяснил для себя, что Лунин убил свою жену не одним ударом ножа. Далее в заключении следовало, что эти повреждения могли образоваться от действия колюще-режущего оружия,

каким и мог оказаться нож с однолезвенным клинком шириной около 1,8 см. Всего по телу Луниной было нанесено не менее 22!!! ударов ножом. Установить количество причиненных повреждений и нанесенных ударов потерпевшей представилось возможным в результате хорошо сохранившейся легкой синтетической кофточке Луниной, в которую она была одета в день убийства и которая была менее всего подвержена гниению под землей. На ней сохранились все резаные повреждения от воздействия ножа. Количество нанесенных ножом ударов Луниной удалось установить путем совмещения повреждений костей трупа с повреждениями, обнаруженными на синтетической кофточке. Кроме того, у Луниной были обнаружены переломы костей головы: дырчатый правой височной кости слева, верхней челюсти справа, затылочной кости слева и правой скуловой кости, которые могли образоваться от нанесения ей не менее пяти ударов твердым тупым предметом. Все перечисленные выше повреждения располагались как на груди, так и на спине потерпевшей. Наличие указанных обширных повреждений на теле Луниной, большинство из которых совпали с повреждениями на ее одежде, свидетельствовали о проявленной Луниным в процессе убийства особой жестокости, что, без сомнения, причиняло ей особые мучения и страдания. В этих обстоятельствах необходимо было разобраться в ходе дальнейшего расследования. Согласно физико-технической экспертизе, ни один из изъятых ножей по месту жительства Луниных не соответствовал повреждениям на теле Луниной и на предметах ее одежды. Таким образом, следствием было установлено, что в земле у большого валуна на склоне сопки в районе второго километра Ленинградского шоссе был обнаружен труп Луниной. Теперь все сомнения отпали. В эти же дни я вынес постановление о производстве выемки останков предметов одежды Луниной из Бюро СМЭ МО, поехал в морг и изъял их, предварительно осмотрев с участием судмедэксперта. На следующий день я

вынес постановление о признании их вещественными доказательствами и приобщил к материалам уголовного дела.

К тому времени из прокуратуры города Донецка поступил протокол допроса матери Лунина, в котором она характеризовала своего сына исключительно положительно, а об убийстве его жены ей ничего известно не было. Затем я приступил к допросам свидетелей: соседей, сослуживцев, друзей, подруг, знакомых супругов Луниных, а также лиц, указанных в изъятой по месту жительства Лунина записной книжке. Свидетели в ходе допросов полностью подтвердили показания Лунина в части его взаимоотношений с женой. Жили они с супругой плохо, часто ссорились, скандалили и даже дрались, изменяли друг другу, выезжали из Мурманска в отпуск отдельно друг от друга, несколько раз собирались развестись. Характеризовались по-разному: и положительно, и отрицательно. Допрашивая девушек и женщин, отмеченных в записной книжке, выяснил, что многие из них, начиная с осени 1978 г., приходили к Лунину домой по его приглашению для отдыха, некоторые оставались на ночь. Среди них оказались две девушки, с которыми Лунин познакомился весной 1979 г. в ресторане, пригласил их домой, где они продолжили употреблять спиртные напитки. В разговоре с ними он рассказал, что он женат, что осенью прошлого года жена уехала на юг и не вернулась, даже показывал ее фотографии. Одна из девушек вдруг прямо неожиданно то ли в шутку, то ли всерьез ему сказала: «Это неправда. Ты жену свою убил и в сопках закопал. Это написано у тебя на лбу». И ткнула его пальцем в лоб. По показаниям девушек, Лунин побледнел, изменился в лице, у него задрожали руки, он поднес руку ко лбу и стал тереть его, после чего, ни слова не говоря, вышел из комнаты, прошел в ванную, умылся, а вернувшись, сразу же выпроводил их из квартиры. На улице одна из девушек спросила другую: «Почему ты сказала, что он убил свою жену, да еще ткнула его пальцем в лоб?» Другая ответила:

«Я не могу это объяснить, это вырвалось у меня спонтанно. Видимо, он действительно убил свою жену».

В отделе уголовного розыска УВД МО я запросил оперативно-розыскное дело Луниной для ознакомления. Однако ознакомиться с ним в полном объеме мне не дали, поскольку в нем имелась и секретная информация, к которой у меня не было допуска. По согласованию между прокурором города и заместителем начальника УВД, мне дали ознакомиться только с несекретной частью ОРД. В один из дней ко мне в кабинет пришли два сотрудника отделения по особо важным делам отдела уголовного розыска УВД МО и принесли двухтомное ОРД. Это были начальник отделения Игорь Владимирович Корнилов и А.А. Чихачев, с которым я познакомился в процессе расследования одного из моих первых уголовных дел. К тому времени он был переведен на работу в отдел уголовного розыска УВД МО и назначен на должность старшего оперуполномоченного по особо важным делам. Они проводили оперативно-розыскные мероприятия по этому делу и работали с Луниным в период его ареста за совершенное им мелкое хулиганство. В их присутствии я ознакомился с материалами ОРД, после чего допросил обоих в качестве свидетелей. Они показали, что по заданию руководства у них на исполнении было отдельное поручение старшего следователя прокуратуры города Мурманска Нагимова Р.А., и они работали с Луниным. Первоначально Лунин не признавался в убийстве своей жены, о чем собственноручно написал объяснение, но позже написал чистосердечное заявление и две явки с повинной, и признался в совершении убийства жены. Ни физического, ни психологического воздействия они на него не оказывали, лишь разъяснили ему уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. После их допроса я передал им на руки запрос на имя руководства УВД о предоставлении мне из ОРД заявления Лунина о пропаже жены и трех его объяснений, которые он давал при обращении в милицию

в ноябре 1978 г., а также в апреле и октябре 1979 г. Два последних объяснения особого интереса для следствия не представляли, а вот заявление и первое объяснение Лунина меня заинтересовали, поскольку Лунин обратился с заявлением 10 ноября 1978 г., то есть ровно через 2 месяца после убийства, перед уходом в очередной рейс в море. А в объяснении от той же даты сотрудник милиции Ленинского РОВД, которого я впоследствии также допросил в качестве свидетеля, очень скрупулезно описал почти все предметы одежды Луниной, в которой она якобы уехала на юг, а также предметы одежды, которые она забрала с собой. Через день запрошенные документы были мне предоставлены УВД и приобщены мною к материалам уголовного дела.

В первой половине декабря из МОКВД поступил ответ, в котором сообщалось, что и Лунин, и его жена в июле, августе и сентябре 1978 г. состояли на учете по поводу выявленного у них венерического заболевания. Это обстоятельство также следовало проверить и я внес в план расследования необходимость дополнительно допросить об этом Лунина, а также лечивших Луниных врачей МОКВД, а также при необходимости изъять их истории болезни, осмотреть и приобщить к материалам уголовного дела. Поскольку весь характеризующий Лунина материал мною был собран, я вынес постановление о назначении ему судебно-психиатрической экспертизы. Вскоре такая экспертиза ему была проведена. Согласно ее заключению, Лунин до совершения преступления, в момент и после его совершения психическими расстройствами не страдал и его следовало признать вменяемым.

Тогда же, в декабре, мне пришла в голову мысль запросить мурманские комиссионные магазины, которых в городе оказалось всего два: один из них скупал и торговал мебелью, другой – одеждой, на предмет, не сдавал ли Лунин в скупку вещи своей жены после совершения убийства. Из комиссионного магазина № 15 Мурманского Горпромторга я полу-

чил ответ, что квитанции на полученные от граждан предметы одежды в скупку для продажи за 1978-1979 годы свалены в 14 картонных коробок и подготовлены к уничтожению. В день получения этого ответа я показал его прокурору, который подготовил директору магазина письмо с просьбой повременить с уничтожением возможных улик. С этого дня, каждый вечер после работы по несколько часов до закрытия я проводил в комиссионном магазине, копаясь в ворохе квитанций. В один из этих дней Юрий Александрович, пригласив меня в свой кабинет, познакомил меня с двумя учащимися десятого класса близлежащей школы, которые после ее окончания планировали поступать на учебу в юридические вузы: Виталием Головащенко – высоким худощавым парнем со светлыми волосами и серыми глазами, и Игорем Пузыревым – полноватым парнем с черными волосами и карими глазами. Ю.А. Смирнов предложил мне воспользоваться их помощью в поисках квитанций на вещи Луниной. С этого дня работа пошла быстрее. Мы просмотрели все квитанции и обнаружили среди многих тысяч три, в которых действительно значилось, что Лунин в ноябре 1978 г., то есть после обращения в милицию с заявлением о пропаже жены, и в марте 1979 г., сдал в скупку в комиссионный магазин павлово-посадский набивной платок и плиссированную двухцветную юбку, а в апреле 1979 г. – перед вторым обращением его в милицию за получением информации о розыске жены – красно-бежевые босоножки. Все эти предметы женской одежды значились в объяснениях Лунина, данных им в Ленинском РОВД, при описании вещей, в которых его жена, по его словам, якобы уехала на юг лечиться. Тогда и выяснилось, что если бы сотрудник Ленинского РОВД после получения заявления и объяснений Лунина о пропаже жены проехал бы с ним к нему домой и осмотрел комнату, то обязательно бы наткнулся на предметы одежды Луниной, в которых она якобы уехала на юг и которые он описал

в своих объяснениях сотруднику милиции. Это обстоятельство явилось основанием для внесения мною представления в УВД на сотрудников Ленинского РОВД, из-за недомыслия и халатности которых это дело длительное время было не раскрыто. Я вынес постановление о производстве выемки этих квитанций и в присутствии понятых, составив протокол, изъял их и приобщил к материалам уголовного дела.

В двадцатых числах декабря в прокуратуру города Мурманска из СИЗО поступила новая жалоба Лунина. В этой жалобе он снова отказался от ранее данных им показаний и снова указал, что жену не убивал. К этому времени у меня были собраны почти все доказательства, которые неопровержимо свидетельствовали о том, что убийство жены совершил Лунин. Снова я подготовил большой перечень вопросов, в том числе и по показаниям свидетелей, заключениям судебных экспертиз и иным документам уголовного дела, явился в СИЗО и допросил Лунина по его заявлению. На этот раз Лунин придумал иную версию гибели своей жены. Он показал, что в августе, вернувшись с рейса в Мурманск, узнал, что жена заразилась венерической болезнью. Вместе с ней они встали на учет в МОКВД и начали лечиться. В одном из разговоров жена призналась, что в период нахождения его в море изменяла ему и от кого-то заразилась этой болезнью. Не зная о заболевании, переспала еще с одним мужчиной, которого тоже заразилась венерической болезнью и который, узнав об этом, угрожал избить ее. В сентябре 1978 г. Лунин вместе с женой пошел в лес за грибами. Там к ним подошли двое незнакомых ему мужчин, один из которых ударил его по голове, от чего он потерял сознание. После того, как он пришел в себя, мужчина сказал ему, что его жена заразилась венерической болезнью, за что они и убили ее. Затем они заставили его вырыть могилу и захоронить жену, что он и сделал под их угрозами и присмотром. После ее захоронения мужчины потребовали, чтобы он держал язык за зубами, иначе убьют и

его, после чего ушли. Боясь мести, Лунин не сообщил об этом в милицию, а позже придумал версию об отъезде жены на юг на лечение, о чем телеграфировал ее матери.

Записав эти показания в протокол, я приступил к его допросу и, предъявляя ему одно доказательство за другим, стал задавать вопросы. Я предъявил ему протоколы допросов свидетелей, которые показывали о его неприязненных отношениях с женой, частых ссорах, скандалах и даже драках, о взаимных изменах. Предъявил показания двух девушек, одна из которых прямо сказала ему, что он убил свою жену и закопал в сопке. Ознакомил с другими документами, свидетельствующими о том, что 10 сентября 1978 г. был последним рабочим днем Луниной, а также квитанциями, обнаруженными и изъятыми в комиссионном магазине как раз на часть вещей, которые он указал в объяснениях, рассказывая об отъезде жены на юг на лечение, а сам сдал их в скупку. Последними доказательствами в моем списке вопросов были экспертизы. Знакомясь с постановлениями о их назначении и с самими экспертизами, Лунин снова стал замыкаться. Он понял, что экспертными заключениями доказано, что на склоне сопки у большого валуна был обнаружен и извлечен именно труп его жены. Читая последнее заключение судебно-медицинской экспертизы трупа об обнаруженных на теле жены повреждениях, у Лунина задрожали руки и со лба ручьем потек пот. Я дал ему время дочитать заключение до конца и не успел задать ему вопрос, как Лунин сам спросил меня: «Что эта экспертиза означает, и насколько она может усугубить мое положение?» Я ответил ему не сразу. Сначала я сказал, что на протяжении всего следствия он был не искренен и постоянно давал непоследовательные, неполные и противоречивые показания, лгал, сознательно скрывая от следствия те или иные обстоятельства убийства, что видно из его протоколов допросов и что свидетельствует о его неудачной попытке избежать ответственности за содеянное. Наличие на теле

потерпевшей многочисленных повреждений, что подтверждено заключением экспертов, заставляет меня предъявить ему новое обвинение в совершении им преступления, предусмотренного пунктом «г» ст. 102 УК РСФСР (умышленное убийство, совершенное с особой жестокостью), наказание за которое предусмотрено от 8 до 15 лет лишения свободы или смертной казнью, и только его чистосердечное раскаяние может минимизировать срок наказания. Лунин неожиданно заплакал и, помолчав, глядя в пол, заявил, что теперь он снова признается во всем и правдиво сообщит всё. Он рассказал, что с первого дня жена врала ему. Сначала говорила, что старше его на три года, потом на семь лет, а заглянув в ее паспорт, он узнал, что она старше его на двенадцать лет. Через несколько лет узнал, что у нее есть дочь, которую воспитывает ее мать в Ростове. Позже узнал, что она часто употребляла спиртное и в пьяном виде в его присутствии могла приставать к другим мужчинам, еще через некоторое время узнал, что она ему изменяет и несколько раз, неожиданно возвратившись с рейса, заставал ее дома с посторонними мужчинами. На этой почве между ними часто возникали ссоры, скандалы и драки. Видя, что она продолжает ему изменять, он и сам стал изменять ей. Несколько раз дело доходило до развода; тогда он уходил из дома, но со временем возвращался и мирился с женой. Они давали обещания не изменять друг другу, но всё продолжалось в том же духе. Ему постоянно было больно и обидно из-за ее измен. В сентябре 1978 г. они по предварительной договоренности пошли в лес за грибами. С собой у него был кухонный нож. Во время сбора грибов на склоне сопки в районе второго километра Ленинградского шоссе между ними произошла очередная ссора, в ходе которой он спонтанно стал наносить ей удары ножом по телу и спереди, и сзади. Она не сопротивлялась, только выкрикивала ему оскорбления. Нанося удары, он хотел только одного, чтобы она почувствовала такую же боль, какую он испытывал сам, узнавая о ее изменах. Лунина упала

на землю, на живот, и продолжала кричать. Он схватил повернувшийся под руку камень и стал бить ее по голове, после чего она замолчала, перестала дышать и шевелиться. Он понял, что убил ее. Тогда он ножом вырыл небольшую яму и захоронил жену. Сверху он забросал ее землей и обложил дерном. Через день или два телеграфировал теще об отъезде жены на юг на лечение. Соседям, знакомым, друзьям и подругам говорил, что жена уехала на юг и не вернулась. Через два месяца обратился в Ленинский РОВД с заявлением о пропаже жены. В объяснениях указал ряд вещей, в которых она якобы уехала и забрала с собой. Вернувшись домой, в шкафу обнаружил часть вещей жены, которые указал в объяснении. Часть из них уничтожил, а некоторые другие: платок, плиссированную юбку и босоножки сдал в скупку (последние перед походом в милицию, чтобы узнать, как идет розыск его жены) и получил за них деньги. Действительно, после убийства жены стал водить домой посторонних женщин, одна из которых сказала ему, что она знает, что он убил свою жену и закопал в сопке. Тогда он сильно перепугался и прогнал ее. В конце допроса он сказал, что признает свою вину в убийстве жены полностью, раскаивается в содеянном и теперь рассказал всю правду.

Вернувшись в прокуратуру, я зашел к Ю.А. Смирнову и показал ему очередной протокол дополнительного допроса Лунина. Юрий Александрович, ознакомившись с протоколом, сказал, что я могу готовить проект постановления о привлечении Лунина в качестве обвиняемого и предъявить ему новое обвинение по пункту «г» ст. 102 УК РСФСР, но сначала он всё же посоветовал мне проверить последнюю версию Лунина о заражении женой и его, и постороннего мужчины венерической болезнью и только после этого предъявить ему обвинение. В этот день в Мурманск приехала мать потерпевшей. Я вынес постановление о признании ее представителем потерпевшей и допросил в качестве потерпевшей. В ходе допроса она показала мне телеграмму Лунина, полученную ею 13 сентября 1978 г.,

в которой значилось: «Мама, жена уехала на юг на операцию щитовидной железы. Лунин». Я вынес постановление о производстве выемки телеграммы, в присутствии понятых составил протокол выемки, изъял ее у Кречук и приобщил к материалам уголовного дела. Задал я ей и вопрос по ее последней жалобе, где она утверждала, что ее дочь убил муж и закопал в сопке, откуда она это узнала. Объясняя причины написания данной жалобы, Кречук рассказала, что в ночь перед написанием жалобы она видела во сне свою дочь, которая сказала ей: «Мама, мне холодно, меня убил муж и закопал в сопке. Посмотри на него. Это написано у него на лбу». Кречук проснулась как будто от толчка и поняла, что должна написать жалобу, что она и сделала. Вот и не верь мистическим событиям в жизни людей. После допроса я передал ей ключи от комнаты Луниных.

Поскольку до 29 декабря проверить показания Лунина в части заражения венерической болезнью не представлялось возможным, мне пришлось вынести постановление о возбуждении ходатайства перед прокурором области о продлении срока следствия и содержания Лунина под стражей на один месяц. С прокурором следственного отдела прокуратуры Мурманской области В.И. Абаничевой и двухтомным делом Лунина мы побывали на приеме у заместителя прокурора Мурманской области Н.Н. Бродницкого, который после изучения постановления и ознакомления с рядом документов уголовного дела санкционировал продление сроков. В январе я вынес постановление о производстве выемки медицинских карт супругов Луниных, осмотрел их и допросил лечащего врача МОКВД. Он показал, что источником заражения Лунина значилась женщина, проживавшая в Мурманской области в поселке Умба, а источником заражения Луниной значился Лунин. В период их лечения ни Лунин, ни Лунина источником заражения посторонних лиц не являлись. Данное обстоятельство также приводило нас к следующему выводу: когда Лунин признавался в совершении убийства своей жены, он говорил относительную правду,

а когда утверждал, что Лунину не убивал, обязательно врал даже в мелочах. Для чистоты уголовного дела я вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Луниных по фактам возможно умышленного заражения ими друг друга и посторонних лиц венерической болезнью. Во второй половине января я предъявил Лунину новое обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктом «г» ст. 102 УК РСФСР (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах с особой жестокостью). Виновным себя он признал полностью. Затем я ознакомил мать потерпевшей со всеми постановлениями о назначении экспертиз и заключениями экспертов, вынес постановления об окончании предварительного следствия и объявил их и матери, и обвиняемому, а также ознакомил их со всеми материалами уголовного дела, составив соответствующие протоколы. Заявлений и ходатайств от потерпевшей и обвиняемого с его адвокатом не поступило. Затем я составил обвинительное заключение и представил его вместе с двухтомным делом на ознакомление прокурору города. Юрий Александрович, ознакомившись с обвинительным заключением и просмотрев уголовное дело, похвалил меня и сказал: «Хочу тебе сказать, что ты справился с расследованием этого непростого уголовного дела. Оно расследовано хорошо. Поздравляю тебя». Затем он согласовал обвинительное заключение, подписал его, после чего созвонился с прокурором области, договорился о приеме и отправил меня к прокурору следственного отдела В.И. Абаничевой, вместе с которой мы попали к нему на прием. Прокурор Мурманской области государственный советник юстиции 3 класса Юрий Сергеевич Гребенев оказался полноватым высоким симпатичным мужчиной лет пятидесяти пяти с карими глазами и большой пролысиной черных седеющих волос. Он был в красивых очках. Ранее меня ему никто не представлял, виделся я с ним редко в коридорах прокуратуры и только здоровался с ним. Юрий Сергеевич приветливо меня принял, мы поздоровались, и он вдруг

сказал: «Ну что, товарищ Вафин Равиль Джагфарович, давайте за одно и познакомимся. О вас заочно мне всё известно, даже то, что для того, чтобы добиться распределения в органы прокуратуры Мурманской области, вы из Казани приезжали в Москву, в Прокуратуру СССР. Похвально. Не жалеете?» Я ответил, что не жалею. Тогда он спросил меня: «Как вам работается, как идет освоение профессии?» Я снова ответил: «Работается хорошо, профессию осваиваю». Затем Гребенев перешел к уголовному делу, попросил доложить его, а после доклада внимательно ознакомился с обвинительным заключением и пролистал уголовное дело. Потом он утвердил обвинительное заключение и отпустил меня, пожелав удачи в работе, а В.И. Абаничеву он попросил задержаться. Покидая кабинет прокурора области, я был удивлен тому, что Юрий Сергеевич всё обо мне знал и всё помнил, а ведь в его следственном аппарате работало более трех десятков следователей. И я был рад тому, что прокурор области так по-доброму и по-простому со мной пообщался и оставил у меня очень хорошее впечатление о себе. В тот же день уголовное дело Лунина, поскольку оно было областной подсудности, было направлено на рассмотрение в Мурманский областной суд, который располагался в соседнем доме со зданием прокуратуры области.

Забегая вперед, скажу, что в суде Лунин снова отказался от своих признательных показаний и выдвинул в свою защиту последнюю версию, которую озвучил мне на предварительном следствии в конце декабря 1981 г. 19 февраля 1982 г. приговором Мурманского областного суда Лунин был признан виновным в совершении убийства с особой жестокостью своей жены и приговорен к 13 годам лишения свободы. Так закончилось это трудное и запутанное уголовное дело. Сколько веревочке ни виться, она имеет свой конец. Изощренному убийце был вынесен справедливый приговор.

На уголовный розыск надейся, но сам не плошай

Это было поздней осенью 1983 года. Зима на Крайнем Севере в том году наступила рано – в середине октября, а сугробы в Мурманске к ноябрю месяцу составляли уже почти 30 сантиметров. Шел третий год моей работы в органах прокуратуры Мурманской области. 30 июня 1982 г. после окончания стажировки по результатам аттестации я был назначен на должность старшего следователя прокуратуры города Мурманска, а через месяц мне присвоили первый классный чин младшего юриста.

7 и 8 ноября были праздничными днями по случаю Великой Октябрьской революции. С 1927 г. это событие праздновалось два дня, 7 и 8 ноября, которые были объявлены выходными нерабочими днями. С 1918 г. в Москве на Красной площади 7 ноября регулярно проходили военные парады и праздничные демонстрации с появлением руководителей страны, а во всех других городах праздничные демонстрации без военных парадов.

В тот год 7 ноября пришлось на понедельник. И несмотря на то, что он был праздничным днем, в 9:00 наступила неделя моего очередного дежурства по городу, которое должно было продолжиться до 9:00 14 ноября. Все преступления и правонарушения прокурорской подследственности, происшедшие в городе Мурманске в эту неделю, требовали моего пристального внимания и реагирования. Но в эти выходные дни никаких происшествий не случилось.

Утром 9 ноября прокурор города Мурманска Юрий Александрович Смирнов в своем кабинете провел оперативное совещание и после проработки всех служебных вопросов раздал коллегам несколько пригласительных билетов во

Дворец культуры имени С.М. Кирова на празднование Дня Советской милиции⁵, организованное городскими властями совместно с Управлением внутренних дел Мурманского облисполкома (УВД МО). В связи с дежурством свой приглашенный билет на празднование Дня Советской милиции я попросил передать другим нашим сотрудникам. И сделал я это, как оказалось, правильно.

10 ноября, около 12:30, в моем кабинете раздался звонок от дежурного Октябрьского районного отдела внутренних дел (РОВД) УВД МО и мне было сообщено, что в однокомнатной квартире на первом этаже второго подъезда в двухэтажном двухподъездном доме на улице Октябрьской обнаружен труп женщины с признаками насильственной смерти. Через 15 минут на милицейской дежурной автомашине, подъехавшей к прокуратуре города, вместе с экспертом экспертно-криминалистического отдела (ЭКО) УВД МО, я выехал на место происшествия. Улицы были в красивом белоснежном убранстве. В безветренную погоду крупными хлопьями медленно шел снег, температура была около 5 градусов ниже нуля.

В подъезде дома, у квартиры, где произошло преступление, находилось несколько работников уголовного розыска Октябрьского РОВД и УВД МО, приглашенные понятые и судмедэксперт. Место происшествия охранял молодой участковый инспектор этого района Петров, которого я попросил написать рапорт об обнаружении трупа. Разъяснив всем участникам предстоящего следственного действия права, предусмотренные УПК РСФСР, я приступил к осмотру места происшествия. Подойдя к двери квартиры, я почувствовал неприятный сладковатый гнилостный запах разлагающегося

⁵ Празднование Дня милиции 10 ноября было установлено в 1962 году в память о подписанном через три дня после Октябрьской революции, 10 ноября 1917 г., Постановлении Наркомата по внутренним делам «О рабочей милиции». В 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет СНК РСФСР «О советской рабоче-крестьянской милиции». С 1931 г. милиция находилась в ведении Министерства внутренних дел СССР.

тела. Сразу же почему-то мне пришла в голову мысль: труп двухнедельной, а то и трехнедельной давности, что, впрочем, так и оказалось впоследствии. Дверь и замки входной двери оказались без повреждений, ригели замков находились в замках, что свидетельствовало о том, что дверь не вскрывали, а открыли ключами. В замочной скважине нижнего замка торчал ключ, а на прикрепленном к ключу кольце висел второй, который подошел к верхнему замку. Ключи я изъяс. По входу в квартиру располагалась прихожая, на правой стене которой находилась открытая вешалка с женской верхней одеждой. В противоположной стене имелось две двери: правая вела в ванную комнату, совмещенную с санузлом, обстановка там нарушена не была, левая – в комнату. Влево от ванной и жилой комнаты следовал коридор, упирающийся в небольшую кухню, в которой был относительный порядок. В кухне вдоль левой стены стоял шкаф с раковиной, кухонный шкаф-тумба и двухкомфорочная газовая плита, над которыми на стене висели газовая колонка и два настенных шкафа. Вдоль правой стены стоял кухонный стол и три табурета. На кухонном столе стояла пустая бутылка из-под водки «Русская», два стограммовых граненых стаканчика, пепельница с жирными пятнами пальцев и три грязные с плесенью тарелки, в одной из которых были остатки заплесневелого хлеба и маленький кухонный нож с узким клинком. В пепельнице имелись 7 смятых окурков, которые мною были изъяс и помещены в конверт. Бутылка, пепельница и стаканчики мною были изъяс и упакованы в коробку. Далее мною была осмотрена комната. По входу, вдоль ближней стены в ближнем левом углу, стоял сервант с раскрытыми створками шкафчиков и выдвинутыми ящиками, вдоль левой стены, в которой имелось зашторенное окно, стоял на четырех ножках черно-белый телевизор «Рекорд». У противоположной стены небольшая двухсекционная мебельная стенка, некоторые створки которой были в раскрытом состоянии. В одном из выдвиж-

ных ящичков обнаружен паспорт на имя Чериной, 50-ти лет, две красные коробочки из-под золотых колец. Справа от стенки имелась тумбочка, на которой стояла небольшая упаковочная коробка из-под маленького транзисторного радиоприемника «Сокол-404». Все три коробки мною были изъяты. Вдоль правой стены в дальнем правом углу комнаты имелся разложенный диван, на котором головой в дальний правый угол комнаты, ногами ко входу в комнату, на животе, голова повернута вправо, лежал труп женщины, верхняя часть которого прикрыта фланелевым одеялом. Перед диваном на полу на расстоянии полутора метров имелись пятна бурого цвета, похожие на кровь, смывы которых мною были изъяты на тампон и упакованы в конверт. Далее я вместе с судмедэкспертом описал позу и одежду трупа, а также обнаруженные на спине две проникающие в тело раны с повреждением ребра и позвоночника, две раны в шее справа, одна из которых с переходом на мочку правого уха. После переворачивания трупа на спину на передней брюшной стенке была обнаружена еще одна проникающая в брюшную полость рана. Лицо и руки трупа были синюшными, распухшими. На фото в паспорте с трудом можно было опознать потерпевшую по имеющейся родинке над верхней губой слева. Постельные принадлежности и диван под трупом были обильно пропитаны трупным жиром. Все поверхности кухонной и комнатной мебели были обработаны графитовым порошком. Со створок серванта и стенки на дактилоскопические пленки были изъяты отдельные фрагменты отпечатков пальцев рук. Всего с места происшествия были изъяты: бутылка из-под водки, два граненых стаканчика, пепельница, 7 окурков, две коробочки из-под колец, коробка из-под транзисторного радиоприемника «Сокол-404», тампон со смывом пятен крови с пола комнаты, отпечатки пальцев рук со створок серванта и мебельной стенки, а также один комплект ключей от квартиры. На удивление, в квартире не было обнаружено никаких

ценностей, денег и кошельков, также как и орудия преступления. Я написал сопроводительное письмо о направлении трупа Чериной в морг для вскрытия, приложив к нему паспорт потерпевшей, и отправил труп в бюро СМЭ МО. Несмотря на то, что почти все участники осмотра торопились по домам – всё же праздник – осмотр квартиры был окончен только около 20:30. Квартира мною была закрыта и опечатана полосками белой бумаги с печатями на них «Для пакетов. Прокуратура города Мурманска» и моими подписями.

Согласно переданному мне участковым инспектором рапорту, в указанной квартире около трех лет проживала гражданка Черина, 50-ти лет, которая иногда пускала к себе в квартиру посторонних жильцов: и женщин, и мужчин. Работала она в Мурманском торговом порту. Соседка по лестничной площадке Сидоренко состояла в хороших отношениях с Чериной, которая полгода назад передала ей комплект ключей от своей квартиры на случай утери своих. В 20-х числах октября Черина пропала, в квартире было тихо, на стук и звонки в дверной звонок никто не открывал, а примерно в первых числах ноября из ее квартиры стал проявляться неприятный запах. Почувствовав неладное, Сидоренко вызвала участкового инспектора и работников ЖЭУ. В их присутствии сотрудник милиции ключами, предоставленными Сидоренко, открыл дверь и прошел в квартиру, где обнаружил труп женщины с признаками насильственной смерти. После этого была вызвана оперативно-следственная группа для осмотра места происшествия. В квартиру, кроме участкового инспектора, никто не входил. Здесь же в рапорте были указаны фамилии и инициалы жильцов всех квартир второго подъезда дома Чериной. Предполагая, что расследование этого дела прокурором будет поручено мне, я сразу же выписал повестки о вызове на следующее утро и вторую половину дня в прокуратуру на допрос в качестве свидетелей всем указанным в рапорте соседям Чериной и участковому инспектору.

Последнему я передал все повестки для вручения указанным в них лицам. После этого Петров сообщил мне, что сотрудники УВД просили мне передать, что в связи с праздником Днем милиции, оперативное совещание по этому делу назначено к проведению у заместителя начальника УВД МО А.С. Воронина на завтра, на 19 часов.

Из квартиры я вышел полностью пропахший стойким неприятным запахом. На дежурной автомашине мы вернулись в прокуратуру. Я занес вещественные доказательства, изъятые с места происшествия, в свой служебный кабинет, вынес постановление о возбуждении уголовного дела, убрал все материалы в сейф и направился домой. Я проживал от места работы в трех остановках троллейбуса. Тогда моя жена, Резида Шамиловна Вафина, была беременна и поэтому болезненно реагировала на посторонние запахи. Надеюсь, что по дороге запах выветрится, я пошел домой пешком. Шедшие рядом со мной, навстречу мне и мимо меня граждане, почуяв этот неприятный запах, бросали на меня удивленные, сожалеющие, а иногда прямо злые взгляды, некоторые при этом укоризненно кивали головами. Я старался не реагировать, но примерно через полкилометра я снял с себя пальто с капюшоном, зимнюю шапку и пиджак, бросил их в газон на снег и стал топтать. Через минуту я поднял их, отряхнул от снега и надел на себя, но запах не пропал. Дома жена сразу отреагировала на неприятный запах, и мне пришлось пальто, шапку, пиджак и брюки вывесить на крючок у окна в подъезде. Но неприятный запах исходил от всей моей одежды и даже от нижнего белья, и от меня самого. Я принял душ, но и после него мне казалось, что этот трупный запах меня преследует.

Следующим утром я доложил результаты выезда и осмотра места происшествия – квартиры Чериной, где она была обнаружена с признаками насильственной смерти – прокурору города, который дал мне указание принять это дело к своему производству и расследовать. Я прошел в свой слу-

жебный кабинет, вынес вместо старого новое постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству и приступил к расследованию – допросам соседей убитой. Помня ценные советы прокурора Ю.А. Смирнова, которые он мне давал во время стажировки, я вслух произнес: «Равиль Джагфарович, проверяй и перепроверяй любую информацию, полученную от работников милиции, и доверяй только той информации, которую следственным путем получил сам в процессе расследования уголовного дела и перепроверил ее на предмет соответствия действительности. В этом залог твоего успеха». Поэтому я, настроив себя на проверку любой информации, полученной от работников уголовного розыска УВД МО, приступил к работе.

Первой я допросил соседку Сидоренко, которая рассказала о своих хороших соседских отношениях с потерпевшей и подтвердила всю информацию, изложенную в рапорте сотрудника милиции Петрова, о причинах вызова работников ЖЭУ, участкового инспектора и проникновения последнего в квартиру Чериной. Допросил я в качестве свидетелей и участкового инспектора, который только месяц назад был назначен участковым инспектором этого района и ничего о потерпевшей рассказать не мог, а также и других соседей: Иванову, Ковалева, Макарову, Новикову, Судакову и Шафеева. В результате их допросов было установлено, что Черина проживала в этой квартире третий год. Квартира ей была выдана в качестве служебного жилья Мурманским торговым портом, где она работала приемщицей товаров склада № 20. В ее квартире короткое время проживали жильцы: и мужчины, и женщины, которых она пускала на постой. Почти все они видели на ее руках два золотых обручальных кольца, а на запястье левой руки золотые часы в золотом браслете, некоторые из них видели у нее кошелек с деньгами. В летнее время она иногда выходила во двор покурить и с собой выносила маленький транзисторный радиоприем-

ник «Сокол-404». Другие соседи видели в подъезде курящего у дверей квартиры Чериной молодого, лет 30-ти, худощавого среднего роста мужчину с черными до плеч волосами и карими глазами; в ноябре он уже не появлялся. Таким образом, к концу дня у меня появился описанный соседями первый подозреваемый. Соседи, видевшие его, согласились прийти в ЭКО УВД МО для составления его композиционного портрета. У меня еще оставалось некоторое время до совещания в УВД, и я набросал от руки первоначальный план расследования.

Исходя из той минимальной информации, которая была получена в ходе двух дней расследования, я выдвинул несколько версий:

А. В связи с обнаружением на месте происшествия остатков употребления спиртных напитков и количества нанесенных ранений потерпевшей, убийство могло быть совершено лицом на почве личных неприязненных отношений, а уже затем было совершено хищение денег, ценностей и имущества;

Б. В связи с предположительной пропажей с места происшествия двух золотых колец, золотых с браслетом часов, денег, кошелька потерпевшей, транзисторного радиоприемника «Сокол-404» – убийство могло быть совершено из корыстных побуждений;

В. В связи с наличием в квартире трупа потерпевшей и предположительного исчезновения из квартиры денег, ценностей и имущества – сначала могло быть совершено убийство по различным мотивам, а затем совершена кража из квартиры иным лицом, обнаружившим труп Чериной.

На мой взгляд, по делу необходимо было провести следующие следственные и оперативные мероприятия: допросить всех соседей по месту жительства потерпевшей, установить и допросить ее подруг, друзей, знакомых и родственников,

одного из последних признать представителем потерпевшей и допросить в качестве потерпевшего, запросить характеристику и сведения с места работы о последней дате ее прихода на работу, не приводила ли она с собой для устройства на работу своих знакомых, подруг, друзей, родственников и квартирантов, с кем из сослуживцев и работников Мурманского торгового порта она дружила, общалась, что им всем известно о ее материальном положении, наличии у нее дома денег и материальных ценностей, не жаловалась ли она кому-либо на своих знакомых, друзей, подруг, родственников и квартирантов. Направить в ЭКО УВД МО соседей Чериной, которые видели курящего у ее квартиры мужчину для составления словесного и композиционного портрета, разослать во все РОВД этот портрет для розыска и установления его личности, запросить Ленинский, Октябрьский и Первомайский РОВД, не доставлялся ли в отделы милиции по каким-либо причинам с адреса потерпевшей или из района дома потерпевшей мужчина, похожий на гражданина, облик которого получен в результате составления композиционного портрета, проверить телерадиомастерские и комиссионные магазины: не сдавал ли кто-либо для ремонта или в скупку транзисторный радиоприемник «Сокол-404», а также магазины, торгующие золотыми изделиями, не сдавал ли кто-либо в скупку обручальные кольца маленького размера и золотые часы (предположительно) женские, а также направить в отдел УР МО отдельное поручение на установление лиц(а), совершивших(его) это преступление и обнаружение орудия преступления. Кроме того, назначить и провести по уголовному делу судебно-медицинскую, биологическую, дактилоскопическую и криминалистическую экспертизы на установление времени и причин смерти потерпевшей, степени тяжести полученных ею повреждений, наличия на изъятых бутылке, стаканчиках, пепельнице и дактилоско-

пических пленках отпечатков пальцев рук потерпевшей и посторонних лиц, а также группы крови на тампоне на соответствие ее группе крови потерпевшей или иному человеку.

К 19 часам я явился в кабинет заместителя начальника УВД МО полковника милиции А.С. Воронина. В дневное время в УВД была создана оперативная группа в составе работников Отдела уголовного розыска УВД и работников отделения уголовного розыска Октябрьского РОВД, которым было поручено раскрытие данного преступления. На совещании Анатолий Степанович по очереди заслушивал каждого из работников уголовного розыска, которые либо докладывали, что у них нет никакой информации по делу, либо сообщали наработанную ими информацию.

Общая информация была в большинстве своем основана на данных осмотра трупа, полученных в морге, и осуществления розыска квартирантов, которые проживали у Чериной в разное время. Тем не менее у сотрудников розыска уже была информация, где и кем работала потерпевшая, и на следующий день ими планировалось посещение места ее работы. В конце совещания Анатолий Степанович объявил, что прокурором города расследование данного преступления поручено мне и предложил послушать меня. Я рассказал о выдвинутых следствием версиях и поделился полученной мною информацией в ходе осмотра места происшествия и допроса соседей. В конце совещания Анатолий Степанович дал указание своим подчиненным обеспечить явку соседей Чериной в ЭКО УВД МО для составления композиционного портрета мужчины, курившего у квартиры Чериной, и разослать его по РОВД области, а также получить по месту работы потерпевшей всю интересующую милицию информацию о ней, ну и, конечно, провести оперативно-разыскные мероприятия по установлению лица, совершившего это преступление, в том числе принять меры к установлению и розыску лица, курившего у квартиры потерпевшей.

На следующий день в субботу утром я составил в печатном виде план расследования уголовного дела по убийству Чериной. Вынес постановления о назначении по делу судебно-медицинской экспертизы на предмет обнаружения и установления на трупе Чериной телесных повреждений, их количества, локализации, степени тяжести, причин и времени смерти, а также судебных биологической и дактилоскопической экспертиз по пригодности к идентификации и принадлежности обнаруженных отпечатков пальцев рук на бутылке, стаканчиках, пепельнице и поверхностях мебели, а также пятен крови на полу квартиры потерпевшей Чериной или другим лицам. Подготовил в отдел уголовного розыска УВД МО отдельное поручение на проведение оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление лиц, совершивших убийство Чериной, с перечислением всех оперативных действий, сообщенных мною во время совещания в УВД МО. Подготовил все запросы на предоставление информации на Черину: о наличии у нее судимости из информационных центров МВД СССР и УВД МО, не состояла ли она на учете в мурманских областных психоневрологическом, наркологическом и кожно-венерологическом диспансерах (МОПНД, МОНД И МОКВД), характеристики с места работы. Одновременно я подготовил запрос в отдел кадров Мурманского торгового порта о последней дате выхода Чериной на работу, а также о том, не приводила ли она кого-либо из своих знакомых, друзей, подруг, родственников и квартирантов для трудоустройства на работу. В понедельник после утреннего совещания я подошел к прокурору города, рассказал ему о моих наработках по делу и показал план расследования, ознакомившись с которым, он остался доволен. В тот же день я передал секретарю прокурора З.И. Симоновой на отправку по почте все составленные мною поручения и запросы адресатам.

В следующий пятницу я снова присутствовал на совещании у заместителя начальника УВД МО, на котором сотрудники уголовного розыска зачитали составленные ими справки по результатам проведенных ими оперативных и розыскных мероприятий. Согласно данным ОУР УВД, потерявшая последний раз выходила на работу 21 октября, после чего появляться перестала. 28 октября с работы к ней домой был направлен работник, который, вернувшись, сказал, что Черину дома не застал, дверь квартиры никто не открыл. Черина на работу никого из своих знакомых, подруг и друзей с целью трудоустройства не приводила. Какой-либо другой информации по делу не было.

Поэтому я решил, что на следующие совещания пойду только после того, как по делу появится какая-либо заслуживающая внимания для расследования дела интересная информация – либо у меня, либо у ОУР УВД МО. Так и случилось.

Дней через десять-двенадцать из отдела кадров Мурманского торгового порта в прокуратуру города поступила характеристика на Черину, в которой сообщалось, что она постоянно работала на предприятии с сентября 1974 г., последние 3 года и 9 месяцев – приемщицей товаров склада № 20, характеризовалась в основном положительно, ежемесячный ее заработок с учетом северных надбавок составлял 235 рублей. Также, в ответ на мой запрос сообщалось, что Черина последний раз выходила на работу 21 октября, а за несколько дней до этого, 12 октября, она привела в отдел кадров гр-на Костюкова Я.В. 1959 года рождения, уроженца Сахалинской области, для трудоустройства докером, о чем он написал заявление. Однако принят на работу он не был.

На неделе я вынес постановление о выемке, поехал в отдел кадров Мурманского торгового порта, и в присутствии понятых изъясил подлинное заявление Костюкова о приеме на работу, а также заполненную им карту работника, на ко-

торой, кроме его анкетных данных, были указаны прежнее место работы – молочно-консервный комбинат города Хоролы Полтавской области, где он работал в 1983 г. машинистом расфасовочно-упаковочных автоматов в бригаде расфасовки консервного цеха. В качестве временного места проживания был указан адрес Чериной, а также имелась и его фотокарточка 6x4 см. Там же я допросил в качестве свидетеля двух работников отдела кадров, Иванову и Шартюк, которые подтвердили информацию, изложенную в ответе на мой запрос о том, что Черина приводила к ним в отдел кадров своего квартиранта Костюкова для устройства на работу докером. Заявление о приеме на работу и карту работника со своими анкетными данными он заполнял собственноручно при них и приложил свое фото. Но на работу он принят не был по состоянию здоровья, поскольку не прошел медицинскую комиссию. С 24 октября Черина на работу не выходила, а Шартюк также показал, что в конце следующей недели он поехал домой к Чериной, но дома ее не оказалось, дверь ему никто не открыл. Больше они ее не видели. Таким образом, я сделал вывод, что убийство Чериной было совершено не ранее 21 октября 1983 г. Кроме того, следственным путем мною были установлены данные последнего квартиранта Чериной. Утверждать, что именно Костюков совершил убийство Чериной, было еще рано, но как потенциального подозреваемого на причастность к совершению этого преступления его необходимо было установить и проверить.

На следующий день утром я доложил полученную мною информацию прокурору Смирнову Ю.А., который посоветовал мне после работы в пятницу побывать на очередном совещании у заместителя начальника УВД области Воронина А.С. и, выслушав доклады работников уголовного розыска по делу, сообщить об ответе Мурманского торгового порта и показать изъятые мною там документы. До совещания я подготовил и отправил три запроса начальникам всех рай-

онных отделов внутренних дел Мурманска, не доставлялся ли в сентябре, октябре и ноябре в их РОВД Костюков, если доставлялся, то в связи с чем, и какое решение по нему было принято.

В конце недели вечером я снова явился на совещание в УВД, где работники уголовного розыска докладывали результаты своей работы по делу, однако никакой новой информации представлено не было. В конце совещания я сообщил наработанную мною информацию и зачитал ответ из Мурманского торгового порта о Костюкове, показал его заявление о приеме на работу и карту работника с фотокарточкой. Воронин А.С. сразу же вызвал дежурного эксперта и попросил перефотографировать полученные мною документы, распечатать увеличенное фото Костюкова и разослать его во все РОВД области на предмет его розыска. В конце совещания Анатолий Степанович высказал своим подчиненным, что не доволен работой уголовного розыска, который вместо того, чтобы первыми получать необходимую информацию и помогать следствию, упустил важные данные Мурманского торгового порта и, наоборот, сам получает помощь от следствия. «Это недопустимо. Срочно проверить все городские районные отделы внутренних дел – не доставлялся ли Костюков в милицию по каким-либо причинам, и срочно передать эту информацию Равилю Джагфаровичу». На этом совещание закончилось.

В ближайшие три-пять дней из ОУР УВД МО пришло сопроводительное письмо, которым в ответ на мое отдельное поручение были представлены словесный и композиционный портрет курившего у квартиры потерпевшей человека, изготовленный ЭКО со слов соседей Чериной, увеличенное фото Костюкова и справка о том, что Костюков в 1983 г. в Ленинский, Октябрьский и Первомайский отделы внутренних дел города не доставлялся. Точного сходства композиционного портрета с фото Костюкова не было. Я приобщил

данные документы к материалам уголовного дела, но всё же ожидал официальных ответов из тех же РОВД на свои запросы. В эти дни я предъявил изготовленную мною фототаблицу с фотокарточкой Костюкова на опознание соседям Чериной – свидетелям Сидоренко, Ковалеву и Судакову, двое из которых с уверенностью опознали Костюкова, как человека, курившего сигареты в подъезде их дома у квартиры Чериной.

Через несколько дней из Ленинского и Первомайского отделов милиции пришли ответы, что Костюков к ним в милицию в 1983 году не доставлялся. Последним пришел ответ из Октябрьского РОВД, в котором неожиданно было указано, что 22 октября 1983 г. Костюков был задержан вместе с гражданином Зибаровым в магазине «Рубин» при попытке сдать в скупку обручальное кольцо и доставлен в отдел милиции для проверки. По истечении трех часов Костюков и Зибаров были отпущены. «Вот это хорошая информация, – подумал я, – не много ли совпадений?» Такие совпадения случаются редко. Первое: в октябре у Чериной в квартире проживал квартирант Костюков. Второе: Черина последний раз выходила на работу 21 октября. Третье: из квартиры убитой Чериной, где в качестве квартиранта проживал Костюков, пропали два обручальных кольца. И четвертое: 22 октября Костюков был задержан сотрудниками милиции в магазине при сдаче в скупку золотого кольца. Всё это еще больше усилило мои подозрения, что именно Костюков причастен к совершению убийства Чериной и краже ценностей из ее квартиры, и что он именно тот человек, который мне нужен. В этот же день я доложил эту информацию прокурору, и снова Смирнов Ю.А. посоветовал мне поучаствовать в работе ближайшего совещания в УВД по раскрытию этого уголовного дела.

На очередном совещании в УВД после предоставления мною документов, полученных из Октябрьского РОВД, о задержании 22 октября в магазине «Рубин» Костюкова при сдаче в скупку золотого кольца Воронин А.С., не сдерживая

своего раздражения, ругал своих сотрудников и спрашивал: «У нас что, правая рука не знает, что делает левая? Что, мы уже не можем разобраться и получить информацию в собственных отделах милиции? Почему я должен узнавать оперативную информацию по раскрытию убийства Чериной не от своих подчиненных, на которых возложена обязанность по раскрытию преступлений, а от следователя, правильно и грамотно расследующего уголовное дело?» Его подчиненные молчали, и в кабинете воцарилось тишина. Некоторые из них опустили головы и смотрели в пол, некоторые смотрели на меня, а некоторые смотрели на Анатолия Степановича. Чтобы разрядить обстановку, я обратился к Воронину А.С. и попросил его прислать ко мне в кабинет сотрудников милиции, задержавших Костюкова при сдаче кольца в скупку, и проводивших в отношении его проверку. Анатолий Степанович обратился к начальнику отделения уголовного розыска Октябрьского РОВД и дал ему указание, чтобы на следующий день все сотрудники милиции, задержавшие Костюкова и проводившие проверку, были у следователя Вафина в кабинете.

В начале декабря в прокуратуру стали поступать заключения экспертиз. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Чериной была насильственной и наступила в период с 20 по 27 октября 1983 г. от проникающих ранений груди и живота в виде пореза мочки правой ушной раковины, раны в подчелюстной области и на боковой поверхности шеи справа, сообщающиеся между собой, раны на передней брюшной стенке проникающей в брюшную полость с повреждением сальника брызжейки тонкого кишечника и двух ран на спине с повреждением ребра и поперечного отростка первого поясничного позвонка, одно из которых проникает в плевральную полость. Они могли образоваться от действия однолезвийного колюще-режущего орудия, каким может быть нож с шириной клинка не более 1,8 см, и отно-

сятся к категории тяжких телесных повреждений. Из заключения судебно-биологической экспертизы: на 3 окурках, изъятых с пепельницы Чериной, обнаружена слюна, на тампоне смыва пятен бурого цвета с пола комнаты квартиры обнаружена кровь, которая могла принадлежать потерпевшей. Согласно судебной дактилоскопической криминалистической экспертизе, следов пальцев рук, пригодных для идентификации, изъятых в ходе осмотра места происшествия в квартире Чериной, обнаружить не представилось возможным.

В один из дней после совещания ко мне в кабинет явились двое сотрудников Октябрьского РОВД: сотрудник патрульно-постовой службы Нечаев и оперуполномоченный уголовного розыска Пальщиков. Допрошенный в качестве свидетеля Нечаев пояснил, что 22 октября, около 15 часов, в магазине «Рубин», расположенном вблизи Мурманского железнодорожного вокзала, он задержал при сдаче в скупку золотого обручального кольца маленького размера граждан Костюкова и Зибарова, доставил их на милицейской машине в дежурную часть отдела милиции, о чем составил соответствующий рапорт. Во время написания рапорта в дежурную часть спустился работник уголовного розыска Пальщиков, произвел допрос указанных лиц, а затем, забрав рапорт, увел их в свой кабинет. Больше он их не видел. Пальщиков на допросе подтвердил информацию Нечаева и показал, что 22 октября во время дежурства в отдел милиции из магазина «Рубин» были доставлены Костюков и Зибаров, которые были задержаны при сдаче в скупку золотого кольца. Он произвел их личный досмотр, а затем в своем кабинете получил объяснения у Костюкова и Зибарова, которые пояснили, что познакомились 22 октября около 11 часов в кафе «Дорожное» на железнодорожном вокзале. Зибаров также пояснил, что Костюков рассказал ему, что летом этого года он приехал в Мурманск на заработки, но вынужден был уволиться и планирует вернуться на Сахалин к родителям, и что у него куплен ж/д билет на вечерний

поезд Мурманск-Москва. После кафе они вместе сходили в магазин «Волна», где Костюков купил две дорожные сумки, рассчитавшись из своего кошелька деньгами, которых у него было много. Затем они вернулись на железнодорожный вокзал, где Костюков переложил свои вещи из старой сумки в две новые. Оставив вещи в камере хранения, они вместе пошли в магазин «Рубин», где Костюков хотел сдать в скупку женское обручальное кольцо маленького размера, но подошедший милиционер задержал их обоих и доставил в Октябрьский РОВД для проверки. Далее Пальщиков пояснил, что Костюков подтвердил все объяснения Зибарова, предъявил купленный им билет на поезд Мурманск-Москва и рассказал, что кольцо ему подарила его знакомая Бибченко, проживавшая в городе Шахтерске Сахалинской области. Проверя пояснения Костюкова, он составил шифрограмму и направил ее в ГУВД Шахтерского гориспокома с просьбой проверить пояснения задержанного путем опроса Бибченко – дарил ли она ему золотое кольцо. При себе у Костюкова были документы, билет на поезд, кошелек с 250 рублями и одно кольцо, которое он хотел сдать в скупку. Зибаров был отпущен из отдела милиции раньше, а Костюков в связи с отсутствием ответа на шифротелеграмму – незадолго до отправления его поезда. После допроса Пальщиков предъявил мне находившийся при нем материал проверки, в котором имелись рапорт Нечаева, два объяснения Зибарова и Костюкова, справка о их досмотре и не обнаружении при них ничего подозрительного, а также шифротелеграмма в ГУВД Шахтерска. Я вынес постановление о производстве выемки и в присутствии понятых изъял у Пальщикова этот материал, описал его в протоколе выемки и приобщил к материалам уголовного дела. После допроса я передал Пальщикову повестку о вызове на допрос в качестве свидетеля Зибарова и попросил обеспечить его явку в прокуратуру.

На следующий или через день я допросил в качестве свидетеля явившегося Зибарова, который полностью подтвер-

дил и свои объяснения, и показания сотрудников милиции Нечаева и Пальщикова. В дополнение он рассказал, что присутствовал на железнодорожном вокзале в камере хранения, где Костюков перекладывал свои вещи из старой сумки в новые. Среди его одежды, туалетных принадлежностей и обуви он видел транзисторный радиоприемник «Сокол-404» и нож с пластиковой рукояткой серого цвета, клинком длиной 15-16 см и шириной около 2 см.

Таким образом, теперь можно было с уверенностью утверждать, что Костюков точно причастен и к убийству Чериной, и к хищению колец, транзисторного радиоприемника «Сокол-404», и, возможно даже, орудия преступления – ножа, описанного в заключении эксперта и показаниях Зибарова. Поэтому 6 декабря я вынес постановление о привлечении Костюкова к уголовной ответственности по ст. 103 (умышленное убийство) и ч. 2 ст. 144 (кража, причинившая крупный ущерб потерпевшему) УК РСФСР, а также постановление об избрании в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу, которое санкционировал прокурор города Смирнов Ю.А., Костюков был арестован заочно. В тот же день я дополнил план расследования уголовного дела следственными действиями, которые необходимо было провести уже с участием Костюкова.

До конца декабря по делу поступили все ответы на мои запросы. Согласно сообщениям информационных центров МВД СССР и УВД МО, Черина оказалась судима 30 октября 1970 г. приговором Костромского городского суда Костромской области по ст. 209 УК РСФСР (занятие бродяжничеством или попрошайничеством, либо ведение иного паразитического образа жизни) и приговорена к году исправительных работ. В советские времена считалось, что для нищенства в СССР нет социальной основы, поэтому люди, которые этим занимаются, являются попросту бездельниками. В МОНД, МОПНД и МОКВД на учетах она не состояла, была замужем,

но в 1972 г. развелась и вернула себе девичью фамилию, детей не имела. Представителем потерпевшей признавать было некого. Тогда же я запросил копию приговора на Черину из Костромского городского суда.

Представителем потерпевшей признавать было некого. Тогда же я запросил копию приговора на Черину из Костромского городского суда.

С момента вынесения постановления о привлечении Костюкова к уголовной ответственности я также запросил на него сведения о судимости в ИЦ МВД СССР и ИЦ УВД Сахалинского, Полтавского и Мурманского облисполкомов, а также сведения из диспансеров (НД, ПНД и КВД) Сахалинского, Полтавского и Мурманского облздравотделов, не состоял ли он там на учете. Я также запросил характеристику с молочно-консервного комбината города Хорола Полтавской области, где он работал с марта по сентябрь 1983 г. машинистом расфасовочно-упаковочных автоматов консервного цеха.

В оставшееся время я занимался допросами установленных работниками уголовного розыска ОУР УВД МО знакомых, подруг и друзей потерпевшей Чериной, а также знакомых Костюкова. Допрошенный в качестве свидетеля Григорьев показал, что с Чериной знаком с 1979 г., и какое-то время они были любовниками. В конце 1982 г. он подарил ей на день рождения позолоченные часы с позолоченным браслетом, которые он купил в магазине «Рубин» в городе Мурманске за 122 рубля. 8 октября 1983 г. на Ленинском проспекте города Мурманска он познакомился с Костюковым, который рассказал ему, что в марте приехал в Мурманск для трудоустройства, но работу не нашел, деньги у него кончились и жить ему негде. Григорьев пожалел его, отвел домой к Чериной и договорился с ней о временном проживании Костюкова у нее. 12 и 16 октября он навещал Черину, Костюков жил у нее. Черина рассказывала, что пыталась устроить Костюкова на работу докером в Мурманский торговый порт,

но тот не был принят по здоровью. Григорьев занял у нее 50 рублей и ушел. Больше он ни Черину, ни Костюкова не видел. К протоколу допроса он приложил паспорт на женские позолоченные часы с позолоченным браслетом, бирку со стоимостью часов и чек магазина «Рубин» с указанной в нем стоимостью 122 рубля. Свидетели Кострикина, Соловьева, Машкова и Цыба, работавшие вместе с Чериной, показали, что знают ее несколько лет. Они часто видели на ее руках два обручальных кольца и золотые часы с золотым браслетом. Последний раз Черину они видели на работе 21 октября. Она рассказала им, что у нее живет молодой квартирант, которого она хотела устроить на работу докером в Мурманский торговый порт, но он не прошел медкомиссию. В этот день она закрыла его дома, так как других ключей от квартиры у нее нет. Больше они ее никогда не видели.

В последних числах декабря 1983 г. я переподшил уголовное дело Костюкова и перечитал его. Поскольку место нахождения Костюкова следствию известно не было, в соответствии со ст. 174 УПК РСФСР я вынес постановление о наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию его родителей, проживавших в городе Шахтерске Углегорского района Сахалинской области. Прокурор города Смирнов Ю.А. постановление санкционировал. Я направил отдельное поручение в прокуратуру города Шахтерска на исполнение постановления о наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию родителей Костюкова и изъятие писем Костюкова в случае их поступления. Это было последнее следственное мероприятие по этому уголовному делу. Остальные мероприятия необходимо было проводить с участием задержанного и арестованного Костюкова. До тех пор, пока Костюков не был обнаружен, я вынужден был приостановить расследование уголовного дела в связи с тем, что местопребывание его не было установлено. Я направил в УВД МО отдельное поручение на организацию все-

союзного розыска Костюкова с приложением постановлений: о привлечении его к уголовной ответственности, об избрании в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу. Теперь оставалось только ждать, когда Костюков будет задержан.

Во второй половине февраля из прокуратуры города Шахтерска пришло исполненное отдельное поручение, из которого следовало, что арест на почтово-телеграфную корреспонденцию родителей Костюкова в обслуживающем их адрес почтовом отделении был наложен. Следователь еженедельно проверял поступление корреспонденции и 31 января родителям Костюкова пришло письмо от сына, в котором он сообщал, что работу в Мурманске не нашел, и уехал оттуда в Барнаул, где устроился на работу в объединение «Хлеб», снял комнату на окраине города и указал адрес своего временного проживания. После ознакомления с текстом письма следователь изъял его в присутствии понятых – работников почты, составив соответствующий протокол, и направил мне ответ об исполнении отдельного поручения. Я был ему за это очень признателен. Сразу же после его получения я зашел на прием к прокурору города Мурманска и посоветовался с ним о моих дальнейших действиях. То ли самому ехать в командировку в Барнаул, то ли дать поручение в ОУР УВД МО направить сотрудников уголовного розыска в Барнаул для задержания Костюкова и препровождения его в Мурманск. Ознакомившись с письмом, Юрий Александрович хитро улыбнулся и сказал: «Ты молодец, Равиль Джагфарович. А теперь я советую тебе поступить следующим образом. Ты к заместителю начальника УВЛ МО Воронину не ходи, пройди прямо на прием к начальнику УВД МО генерал-майору милиции Геннадию Александровичу Данкову, покажи ему это сообщение прокуратуры города Шахтерска и письмо Костюкова». Юрий Александрович взял красный фломастер и под-

черкнул адрес места нахождения Костюкова. «Внимательно понаблюдай за лицом Данкова и Воронина, когда он его вызовет к себе и покажет ему эти документы, а потом мне всё расскажешь». Я так и поступил.

Генерал-майор милиции Данков Г.А. принял меня сразу. Приветливо со мной поздоровался и, пригласив меня присесть за приставной стол, сказал: «Не часто нас посещают лучшие следователи из гвардии прокурора города Мурманска. Что вас привело к нам?» Я молча протянул ему ответ прокуратуры города Шахтерска Сахалинской области и письмо с выделенным красным фломастером адресом места нахождения Костюкова. Геннадий Александрович всё внимательно прочитал и по его внешнему виду было понятно, что он обескуражен. Он молча протянул руку к телефону, нажал кнопку и после того, как ему ответил Воронин, пригласил его к себе в кабинет. Через минуту Воронин А.С. вошел в кабинет генерала и, приветливо со мной поздоровавшись, обратил свое вопросительное лицо к Данкову Г.А. Тот протянул ему мои документы и сказал: «Вот, полюбуйся, обошел нас следственный аппарат прокуратуры города Мурманска по всем статьям». Анатолий Степанович, читая документы, сделал недовольный вид, а затем, улыбаясь и кивая на меня, сказал: «Этот может! Ну, что вы хотите, Геннадий Александрович, это могут только Нагимов и Вафин из прокуратуры». Тогда, обратившись к ним обоим, я спросил: «Что делаем, мне лететь в Барнаул за Костюковым или вы пошлете за ним кого-либо из ОУР УВД области?» Анатолий Степанович ответил за двоих: «Равиль Джагфарович, мы уж как-нибудь сами. Определим сотрудника и пришлем к вам за указаниями». Я поблагодарил их, распрощался и покинул кабинет генерала. Вернувшись в прокуратуру, я сразу же рассказал о своей аудиенции в УВД прокурору.

Через несколько дней ко мне пришел капитан милиции старший следователь Октябрьского РОВД, фамилию которо-

го я не запомнил, и сказал, что через день он вместе с сотрудником отделения уголовного розыска отдела внутренних дел вылетает в Барнаул за Костюковым. Я вынес постановление о возобновлении предварительного следствия, проинформировал следователя об уголовном деле, выдал ему на руки отдельное поручение с перечнем проведения необходимых следственных действий с Костюковым по его задержанию, изъятию вещественных доказательств и этапированию в Мурманск, а также передал заверенные копии постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, постановления об избрании в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу, постановление о производстве выемки золотых колец и часов, транзисторного радиоприемника, ножей и иных предметов и вещей, вручил запрос на получение характеристики на Костюкова из Барнаульского объединения «Хлеб» и, пожелав им удачи, распрощался с ним.

27 февраля на утреннем оперативном совещании прокурор города Смирнов Ю.А. зачитал приказ о присвоении мне Приказом Генерального прокурора СССР 24 февраля 1984 г. очередного классного чина юрист 3 класса и поздравил меня.

В один из этих дней в моем служебном кабинете раздался звонок, звонил Воронин А.С. Я сообщил ему, что документы и указания следователю Октябрьского РОВД по задержанию и доставлению Костюкова в Мурманск я передал и поблагодарил его за помощь. В свою очередь Анатолий Степанович сказал мне, что он звонит по другому вопросу и попросил меня принять старшего оперуполномоченного ОУР УВД МО Чихачева А.А., который сейчас ко мне подойдет. Это меня не удивило, поскольку с этим сотрудником уголовного розыска в процессе работы у меня сложились хорошие и служебные, и дружеские отношения, о чем, видимо, Воронин А.С. знал. Минут через 20 ко мне в кабинет пришел Александр Александрович и, как мне показалось, осторожно и издали повел

разговор о том, буду ли я писать представление в УВД МО на сотрудника уголовного розыска Пальщикова, который, не проверив до конца версию Костюкова о том, что кольцо ему подарила его знакомая и не дождавшись ответа из УВД Шахтерска на его шифрограмму, отпустил убийцу и тот скрылся, уехав из Мурманска. Разговор для меня был неожиданный, но я утвердительно ответил, что вынужден такое представление в УВД МО направить. Тогда Чихачев А.А. спросил меня, могу ли я это представление отправлять в УВД не сейчас, а после окончания расследования дела. Я ответил, что, конечно, могу, после чего сам спросил его: «А в чем собственно дело?» Тогда Александр Александрович сказал, что у Пальщикова подошло время к присвоению очередного звания. Две недели назад УВД МО отправило на него в МВД СССР представление о присвоении ему очередного звания капитана милиции с положительными характеристиками. Если сейчас на Пальщикова поступит представление прокуратуры, УВД вынуждено будет отозвать представление о присвоении ему звания и, соответственно, что подумают в МВД о работе УВД Мурманского облисполкома и о его руководителях. А им не хотелось бы портить отношения с МВД СССР. Поэтому Анатолий Степанович попросил его поговорить со мной, чтобы, если это возможно, представление на Пальщикова из прокуратуры отправить позже, после присвоения ему очередного звания. А потом УВД МО вкатит ему выговор за упущение в работе по полной программе. На это я сказал Чихачеву А.А.: «Анатолий Степанович мог бы и не присылать тебя ко мне, а просто позвонить». Александр Александрович заявил: «Я говорил ему об этом, но Воронин возразил мне и сказал, что это неудобно, поскольку он очень уважает тебя». Так мы и порешили. Представление на Пальщикова я направил в УВД МО, закончив расследование по этому делу в конце марта, уже после того, как Пальщикову было присвоено очередное звание.

2 марта Костюков был доставлен в Мурманск и водворен в ИВС Октябрьского РОВД. В тот же день ко мне в кабинет пришли следователь и оперуполномоченный Октябрьского РОВД и передали мне следующие документы: протокол задержания Костюкова в качестве подозреваемого от 12 февраля и водворении его в ИВС УВД Барнаула, объяснения Костюкова, написанные им собственноручно об убийстве Чериной и похищении у нее кошелька с 350 рублями, двух одинаковых золотых обручальных колец, дамских позолоченных на позолоченном браслете часов, мохерового шарфа, транзисторного радиоприемника «Сокол-404» и кухонного ножа, который он потерял где-то в Барнауле, а также двух сумок, постановление о производстве выемки и протокол выемки об изъятии у Костюкова мохерового шарфа, кошелька, транзисторного радиоприемника и двух сумок. Также мне были переданы: характеристики из Барнаульского объединения «Хлеб», в которой было указано, что он работал разнорабочим в магазине № 5 объединения, взысканий не имел, а также протоколы допросов свидетелей, у которых проживал и с которыми работал обвиняемый в городе Барнауле. Свидетели Мирошниченко, Сердцева, Сивкова и Шураева показали, что Костюков приехал в Барнаул в ноябре 1983 г. и временно проживал у Шураева. В январе устроился на работу разнорабочим в магазин № 5 объединения «Хлеб». Он рассказывал им, что в Мурманске сожительствовал с женщиной и убил ее. У него при себе был кошелек с деньгами, два обручальных кольца, позолоченные дамские часы на позолоченном браслете, которые он по мере необходимости в деньгах продавал у магазинов неизвестным женщинам и мужчинам, а также транзисторный радиоприемник «Сокол-404».

На следующий день я явился в ИВС к Костюкову, мы познакомились, и я предъявил ему обвинение, которое было изложено в постановлении о привлечении его в качестве об-

виняемого от 6 декабря 1983 г. Костюков вину свою признал полностью, подробно рассказал об обстоятельствах убийства Чериной и кражи у нее денег, ценностей и имущества, в том числе и мохерового шарфа. Кроме того, я допросил его по его личности. Родился он в ноябре 1959 г. болезненным мальчиком, по национальности украинец, с сентября 1969 г. по 1980 г. учился в школе № 5 города Шахтерска, Ужегорского района Сахалинской области, закончил ее со справкой, поскольку из-за плохого здоровья не мог освоить курс школы в полном объеме. После окончания школы проживал с родителями, сначала нигде не работал. В феврале 1983 г. уехал к бабушке в город Хорол Полтавской области и с марта по сентябрь 1983 г. работал машинистом расфасовочно-упаковочных автоматов в бригаде расфасовки консервного цеха молочно-консервного комбината города. В августе бабушка умерла и в сентябре, уволившись с работы, он уехал в Мурманск, надеясь устроиться в морской флот. В тот же день я запросил характеристику на Костюкова из школы № 5 города Шахтерска.

5 марта Костюков был переведен из ИВС в СИЗО, где в медсанчасти с помощью врача по постановлению о получении образцов для сравнительного исследования я получил от него образцы крови. В тот же день я вынес постановление о назначении по делу дополнительной судебной биологической экспертизы на предмет установления принадлежности оставшихся четырех окурков, изъятых из пепельницы с места осмотра места происшествия, Костюкову. Вскоре я получил заключение экспертов, согласно которому на всех этих окурках обнаружены следы слюны, которая могла принадлежать Костюкову. Позже я ознакомил его со всеми постановлениями о назначении экспертиз и заключениями, о чем составил протоколы.

В середине марта 1983 г. я организовал выезд на местность и место происшествия с участием обвиняемого Костюкова. Он в присутствии понятых и специалиста ЭКО УВД МО

от ближайшей остановки автобуса провел участников осмотра в квартиру Чериной и подробно рассказал об обстоятельствах совершения преступлений, а также показал, как и где на кухне они с Чериной курили и распивали спиртное, как в комнате между ними произошла ссора и он убивал Черину, нанося ей удары ножом, как она упала на диван и он накрыл ее одеялом, как искал и откуда забрал кошелек с деньгами, золотые кольца, позолоченные часы на позолоченном браслете, транзисторный радиоприемник и мохеровый шарф, как закрыл квартиру и ушел пешком на железнодорожный вокзал, где в камере хранения оставил свои вещи. Кроме того, он пояснил, что по дороге он выбросил ключи от квартиры Чериной, но где именно, не помнит.

Поступили характеристики на Костюкова из школы и с места работы, молочно-консервного комбината города Хорола, в которых он характеризовался по-разному, но в основном отрицательно: прогуливал и школу, и работу. Согласно данным ИЦ МВД СССР и УВД СО, ПО и МО, Костюков судим не был, на учете в НД, ПНД и КВД Сахалинского, Полтавского и Мурманского облздравотделов не состоял. Из Костромского городского суда поступила и копия приговора на Черину.

Поскольку характеризующий материал был собран, я вынес постановление о назначении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, согласно которой Костюков в момент совершения преступлений полностью отдавал отчет своим действиям, психическими заболеваниями не страдал и был признан психически здоровым.

В это время я также занимался установлением стоимости похищенных Костюковым у Чериной ценностей и имущества. Если стоимость позолоченных часов с браслетом была установлена, то стоимость двух обручальных колец, мохерового шарфа, кошелька и транзисторного радиоприемника еще надо было устанавливать. Допрашивая Костюкова,

я подробно описал и кошелек, и мохеровый шарф, а коробка из-под транзисторного радиоприемника «Сокол-404» у меня имелась. Я обратился в Мурманский горпромторг, который прислал мне трех специалистов, оценщиков товара, которые произвели оценку и согласно прејскуранту установили стоимость кошелька в 1 рубль, мохерового шарфа в 10 рублей и транзисторного радиоприемника «Сокол-404» в 32 рубля. Сложнее всего было с обручальными кольцами. Все свидетели и сам обвиняемый, описывая их, давали одинаковые показания по их ширине и пробе золота, указывая 583 пробу, а вот с размером колец была проблема. Несмотря на то, что, допрашивая Костюкова, я установил, что он пытался надеть их на мизинец левой и правой рук, но они налезли ему только на вторую фалангу этих пальцев. При этом я узнал некоторые подробности задержания Костюкова в магазине «Рубин» при сдаче одного из колец Чериной. В помещении Октябрьского РОВД, перед досмотром, боясь, что будет найдено второе кольцо, он попросился в туалет, где достал из кармана второе кольцо и надел его на мизинец правой ноги. А когда Пальщиков его досматривал и просил снять носки, он, снимая, их оголил пятку и собрав носок гармошкой оставил носки на пальцах ног. Этим Пальщиков удовлетворился и не заставил его снять носки совсем. Так это второе кольцо и осталось у него на ноге и снял он его с мизинца ноги уже в поезде Мурманск-Москва.

Способ, как установить размер колец, мне подсказал опытный прокурор-криминалист прокуратуры Мурманской области Леонтий Петрович Петров. Он предложил мне провести с участием обвиняемого Костюкова, понятых и специалиста магазина «Рубин» следственный эксперимент и установить размер колец путем одевания колец-размерников, на которых указаны внутренние размеры колец, на пальцы рук и ног обвиняемого, а заодно и их стоимость. Так я и поступил.

Я дал поручение в конвойное отделение УВД МО этапировать Костюкова в ИВС для проведения следственного действия. Сюда же я пригласил понятых и специалиста магазина «Рубин» с размерниками колец и провел следственный эксперимент, в процессе которого установил размер колец 15,5. Затем на мой запрос, в котором я описал все параметры колец, мне дали справку об их стоимости – 130 рублей каждое.

Таким образом, стоимость всего похищенного Костюковым имущества была установлена. Я составил новое постановление о привлечении его в качестве обвиняемого в окончательной редакции и предъявил ему обвинение. Костюков вину свою признал полностью. Он показал, что в сентябре приехал в Мурманск с целью трудоустройства в морской флот, но работу сразу не нашел, деньги кончились и жить ему было негде. В первых числах октября на Ленинском проспекте познакомился с Григорьевым, которому рассказал о своем плачевном положении. Григорьев его привел к Чериной, которая пустила его на постой. 12 октября она привела его в Мурманский торговый порт для трудоустройства докером. Он написал заявление о приеме на работу, составил карту работника, приложил свое фото, но медкомиссию не прошел и ему отказали в приеме на работу. Он продолжал жить у Чериной и она склонила его к сожителству. Часто употребляя спиртные напитки, она закатывала ему скандалы и пыталась выгнать из дома. 21 октября, вернувшись с работы, после ужина, в ходе которого на кухне они распивали спиртное и курили, Черина закатила ему скандал. Он взял со стола нож, а Черина отступила в комнату и продолжала на него кричать и выгонять. Тогда он ударил ее ножом в живот. Она развернулась от него и пошла в сторону дивана, а он нанес ей два удара ножом в спину. Когда она стала падать на диван, он нанес ей еще два удара в шею. После убийства он испугался

и решил уйти, но денег у не было. Тогда он накрыл труп Чериной одеялом, осмотрел шкафы, ящики серванта и мебельной стенки. Нашел кошелек с 350 рублями, два обручальных кольца в коробочках, позолоченные часы на позолоченном браслете, транзисторный радиоприемник «Сокол-404» и мехеровый шарф. Перед выходом из квартиры он зачем-то помыл в ванной нож и тоже забрал его с собой. Закрыв дверь квартиры на ключи, он пешком прошел на железнодорожный вокзал, где сдал свои вещи в камеру хранения и купил билет на вечерний поезд Мурманск-Москва. Затем познакомился с Зибаровым, вместе с ним в магазине «Рубин» был задержан сотрудниками милиции при попытке сдать в скупку золотое кольцо Чериной и доставлен в Октябрьский РОВД. После составления объяснений Зибаров и он были отпущены и вечером на поезде он уехал в Москву, а затем в Барнаул, где 22 февраля был задержан приехавшими из Мурманска сотрудниками милиции и препровожден в Мурманск. После допроса я ознакомил его с постановлением о назначении и с заключением судебно-психиатрической экспертизы.

Закончив расследование, я вынес постановление об объявлении обвиняемому об окончании предварительного следствия, о чем составил протокол, после чего предъявил Костюкову и его защитнику двухтомное уголовное дело. Читали его долго, но вопросов никто никому не задавал. После окончания ознакомления я составил протокол, никто никаких заявлений и ходатайств не заявил. Прощаясь со мной, Костюков сказал: «Откровенно говоря, уехав из Мурманска и обосновавшись в Барнауле, я долго думал, писать ли мне письмо родителям и сообщать ли им о своем месте жительства. А написав письмо, несколько дне не отправлял его. Постоянно думал: отправлю письмо – меня найдут, а найдут – посадят за содеянное. Не ожидал, что всё произойдет так быстро».

В два дня я подготовил обвинительное заключение, которое утвердил прокурор города Смирнов Ю.А. Это было мое очередное расследование убийства, совершенного в условиях неочевидности. И раскрыто оно было вопреки не качественной работе, недоработкам и ошибкам сотрудников уголовного розыска УВД, исключительно мною следственным путем.

На суде Костюков признал свою вину и раскаился в содеянном. Приговором суда он был осужден к 9 годам 6 месяцам лишения свободы.

В.А. Рева

«Политическое» убийство⁶

Общеизвестно, что в России две беды – дураки и плохие дороги, но почему-то забывают еще о третьей, даже не беде, а о настоящем бедствии – пьянстве. Так повелось, что с петровских времен на Руси питье не считалось особым грехом. Этот порок, передаваемый на генетическом уровне (не всем, конечно), воистину неистребим, несмотря на проводимые властями регулярные антиалкогольные кампании и заклинания – хотя бы соблюдать культуру и меру потребления. Но что такое мера?! Ее каждый понимает по-своему, ее никто не устанавливал и размера не определял, для многих мерой была душа. В народе так и говорили – «душа-мера», что значило: пей, сколько хочешь и сколько сможешь. Ограничителем в этом случае выступало только одно, когда зеленый змий борол человека и тот засыпал пьяным, без сновидений, сном, или исчерпание запасов спиртного. Поэтому такие возлияния зачастую заканчивались ссорами, перерастающими в пьяные драки, и большинство тяжких преступлений, таких, как убийства и причинение телесных повреждений, происходили именно на этой почве.

В один из дней начала сентября 1973 г. после работы на квартиру ко мне, молодому начинающему следователю прокуратуры Дзержинского района г. Перми, заглянули мой шеф, прокурор района Александр Васильевич Магнутов и заместитель начальника РОВД этого же района Петр Максимович Колупаев: оба старше меня, прошедшие войну фронтовики, уважаемые мной люди, у которых было чему научиться. Имеющие богатый жизненный опыт, они были интересными собеседниками, которых я, младший по возрасту, слушал всегда

⁶ Впервые опубликовано: Рева В.А. На перекрестках следствия, или встречи с убийцами: сборник документальных рассказов. Липецк, 2016.

с большим вниманием, набираясь ума. Как водится, мы сели за стол, они выставили на него бутылку водки, принесенную с собой, я собрал незатейливую закуску – огурцы, помидоры, хлеб. Не торопясь, выпили по одной, затем по другой стопке. Разговорились о делах.

Мужская компания в таких случаях сначала обсуждает дела на работе, потом переходит на обсуждение противоположного пола, а на последней стадии, когда выпито уже изрядно, разговор обязательно заходит о политике. Что касается политики, то обсуждать тогда было что. Накануне, 29 августа, в газете «Правда» было опубликовано открытое письмо членов Академии наук СССР с осуждением деятельности академика А.Д. Сахарова (так называемое «Письмо сорока», по числу подписавших его академиков), а 31 августа в той же газете опубликовано было «Письмо писателей» с осуждением Сахарова и Солженицына, которые назывались духовными отщепенцами, занимавшимися подрывной деятельностью против нашего государства. При всем этом никак не сообщалось, в чем же конкретно заключалась антигосударственная позиция и деятельность обоих будущих Нобелевских лауреатов. Что они предлагали и что делали, никому из нас доподлинно известно не было.

Наш начавшийся застольный разговор о делах текущих был прерван звонком в дверь. Открыв ее, я увидел стоявшего на пороге начальника уголовного розыска района Александра Матрунчика, он был несказанно рад, что застал нас всех вместе. Случилось убийство, и, по действующим правилам, на место происшествия помимо следователя прокуратуры должны были выехать обязательно прокурор района и начальник РОВД или их заместители. В нерабочее время приходилось объезжать всех перечисленных лиц по разным адресам и собирать их что занимало немало времени, к тому же на всех была одна дежурная машина, а тут такая удача – все в одном месте находятся, никуда не надо больше ехать.

Мы все встали из-за стола, не окончив беседу и никак не предполагая, что разговоры об академике Сахарове нам еще придется сегодня слушать, но в другом месте и при других, не застольных, обстоятельствах.

Пока мы едем, Матрунчик сообщает нам, что в котельной школы № 26 обнаружен труп бригадира Иванова Леонида, 43 лет, с множественными повреждениями тела и рублеными ранами головы, эксперты насчитают потом свыше восьмидесяти телесных повреждений. На месте задержан находящийся в сильнейшей степени опьянения младший брат убитого – Иванов Николай, весь в крови и кровоподтеках. Он бывший офицер ВДВ, комиссованный из армии после неудачного приземления с парашютом, работающий в настоящее время на находящейся рядом железнодорожной станции Пермь-2 помощником составителя поездов.

Вскоре мы прибываем на место происшествия – небольшое подвальное помещение, прокопченное, везде уголь. На залитом кровью полу – окровавленный труп мужчины, кровь издает резкий, смешанный с водочным запах. Тут же несколько пустых бутылок из-под спиртного и окровавленная лопата, явно побывавшая в деле. Осмотр не занимает много времени, и, изъяв все необходимые вещественные доказательства и направив тело в морг, мы покидаем место убийства. Подозреваемый уже доставлен в медицинский вытрезвитель РОВД. Спешим туда.

Задержанный – крупный, крепко сбитый мужчина в возрасте Христа, вел себя буйно, пытаясь избить окружающих, поэтому его усадили на специальную скамью и привязали к ней. Судебно-медицинский эксперт фиксирует на нем множественные кровоподтеки и синяки. Одежда его в пятнах крови и местами порвана. Сам он крайне агрессивен. Допрашивать его в таком состоянии мы не можем, но поговорить с ним нам ничего не мешает. Александр Васильевич, недолго думая, усаживается рядом с ним, благо на скамье

Вид помещения котельной, где произошло убийство Иванова Л.В.

места предостаточно, и начинает разговор о том, что произошло. Николай с глубоким возмущением рассказывает, что пришел к брату забрать секцию батареи, они выпили, снова сбежали в магазин, добавили. После распития нескольких бутылок спиртного у них с братом зашел разговор об академике Сахарове, выяснилось, что его родной брат выступает против академика, тогда как он, Николай, наоборот, его поддерживает, поскольку он идет против власти правильно. Между ними завязался спор, переросший в драку, в которой он сначала бил старшего брата кулаками, а потом – лопатой по лицу. Свой рассказ задержанный обильно сдабривает почти через каждое слово грубой нецензурной бранью, возмущается, что его брат по взглядам оказался коммунистом, а их «грызть зубами надо», и он начинает грозно и страш-

но скрежетать зубами, показывая, как это нужно делать. Магнутов поглаживает его по привязанной руке, пытается его успокоить, но это только еще больше распаляет пьяного сторонника академика Сахарова, он начинает повторять всё снова. Картину эту нужно было видеть: мой уважаемый шеф, солидный и статный, в красивом синего цвета мундире старшего советника юстиции, увешанном колодками фронтальных наград, и здоровенный, пьяный до изумления, мужчина-убийца в изодранной одежде и крови, сидящие рядом. Такого больше не увидеть – никогда и нигде.

На следующий день шеф, как положено, отправляет спецсообщение в прокуратуру области о совершенном убийстве, звонит в областное управление КГБ и сообщает о мотивах убийства. Я же направляюсь в РОВД, где, по моим предположениям, подозреваемый уже должен был протрезветь, и его можно будет допросить. Камера с задержанным находится на первом этаже, а кабинет для допроса – на втором. Задержанного ведут по коридору. Вид у него еще тот: лицо опухшее и в синяках, одежда изодрана и запачкана кровью, волосы всклокочены, босой (обувь потерял), с него вполне можно было писать картину – допрос коммуниста в колчаковской контрразведке. Немногочисленные посетители в коридоре шарахались от него во все стороны.

Объявляю ему, что он допрашивается в качестве подозреваемого в убийстве своего старшего брата. Мужчину как током пронзает, он ошарашен, закрывает лицо руками, и голова падает на стол. Проходит минута, другая. Он медленно поднимает голову, лицо его стало белым как мел. Задаю ему вопрос, что он может сказать по поводу возникшего в отношении него подозрения. Тот смотрит на меня, в глазах его стоит ужас.

«Отпустите меня, я не могу говорить, ничего сейчас не помню. Дайте прийти в себя». Отправляю его обратно в камеру. Следствие по делу не было долгим. Мы нашли свиде-

телей, один из которых присутствовал при начале драки между братьями, а другой – при ее окончании, когда убийца избивал ногами уже не подававшего признаков жизни брата. Приехавшим первыми на место происшествия медикам скорой помощи агрессивный подозреваемый заявил, что он убил своего брата, так ему, мол, и нужно. Были собраны и другие достаточные доказательства для направления дела в суд. Эксперты-психиатры признали его вменяемым в инкриминируемом убийстве, указав, что преступление совершено им в состоянии обычного алкогольного опьянения.

Из управления КГБ прибыл сурового вида полковник в штатском. Двадцати минут общения с обвиняемым оказалось ему достаточно для того, чтобы понять – перед ним обычный алкоголик, а не идейный враг Отечества. После чего он утратил к нему всякий интерес и отбыл.

Как известно, Каин убил своего брата Авеля из зависти. Была причина, по крайней мере. В гражданскую войну брат шел на брата, но то была война, и не пьяные они шли друг на друга, а каждый отдавал жизнь за свою идею. Тоже была причина.

Произошедшее же можно было рассматривать двояко: убийство произошло по политическим мотивам, на почве разных взглядов потерпевшего и обвиняемого на деятельность уважаемого академика Сахарова, который, понятно, даже и не подозревал о противоположных политических пристрастиях братьев Ивановых, да и вообще не знал об их существовании. С другой стороны, нельзя было не понимать, что убийство произошло на почве пьяной ссоры (тут даже причина второстепенна и не столь важна) допившихся до «поросычьего визга» братьев: возможно, им достаточно было банального «А ты меня уважаешь?..» как повода для того, чтобы выплеснуть пьяную, смертельно опасную агрессию. А тут газеты пишут об академике Сахарове... Но разве это причина убивать...

В те же сентябрьские дни в далекой и малоизвестной стране Чили, расположенной на другом континенте, произошел государственный переворот, и было совершено политическое убийство законно избранного президента Сальвадора Альенде. Неизвестно, сколько еще пьяных драк было вызвано этим печальным событием...

Приговором суда подсудимый Иванов Николай был осужден за совершение убийства на почве ссоры к 9 годам лишения свободы. Срок наказания отбыть можно, но никогда ему не быть прощенным вдовой брата и его двумя детьми, которых он оставил сиротами.

Простая арифметика

В январе 1977 г. мною было принято к производству уголовное дело по факту убийства сорокашестилетней Мозжериной, которая перед этим была ограблена и изнасилована вечером 11 октября 1976 г. на улице села Шаква, пригорода города Кунгур. По делу уже были арестованы трое местных молодых парней, сначала признавшихся в совершении этого преступления, а затем отказавшихся от совершения убийства. Признались они только в ограблении, но даже не этой женщины, а незнакомого им парня – практически в то же время и рядом с местом убийства женщины.

Во всем этом и предстояло мне разобраться. Местный следователь прокуратуры Кунгурского района Н.И. Рубцов, передавая мне уголовное дело, был убежден, что именно арестованные молодые люди совершили убийство. Поблагодарив его за проделанную работу и выслушав его аргументы, я пообещал учесть их при дальнейшем расследовании.

Что делает следователь, когда получает уже кем-то ранее расследованное дело? Прежде всего, не связанный мнением своего предшественника, он должен непредвзято и скрупулезно изучить все материалы – только тогда может возникнуть единственно верная версия (а может и не возникнуть), но в любом случае появляется план расследования и определяются необходимые следственные действия, которые следует провести. Выдвигать версии в условиях, когда недостаточно материала и сведений об обстоятельствах совершения преступления, конечно, можно, но это никак не гарантирует дальнейшего успешного его расследования, предполагающего раскрытие и изобличение преступников.

Из материалов изученного дела мне стало ясно, что никаких объективных доказательств, кроме их собственных признаний, против этих троих парней, уличавшихся в совер-

шении убийства женщины, не имеется, однако грабеж парня они действительно в тот вечер совершили – рядом с местом убийства.

При расследовании особо тяжких преступлений, особенно на стадии их раскрытия, мы всегда поддерживали контакт и взаимодействовали с работниками уголовного розыска. Так же было и на этот раз. Я переговорил с начальником уголовного розыска Кунгурского РОВД капитаном Борисом Еремеевым, который мне откровенно сказал, он не верит, что именно трое арестованных парней совершили убийство Мозжериной. По его мнению, имеется реальный подозреваемый – трижды судимый двадцатилетний Виктор Бородулин, который сейчас находится под стражей по другому делу, а ранее, на момент убийства Мозжериной, находившийся на свободе.

Кроме того, в апреле прошлого года в городе Кунгур скончался от ножевого ранения гражданин Тархов. Дело по факту причинения ему тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, не раскрыто, но имеются показания женщины, слышавшей разговор пьяных мужчин. Одним из них и был Бородулин, который говорил своему собеседнику, что это он зарезал Тархова. Собеседник Бородулина вскоре после этого скончался от алкогольного отравления, и опросить его они не успели.

Обсудив ситуацию, решаем начать с того, что нужно найти объективные доказательства вины Бородулина, а для этого необходимо, прежде всего, изъять его одежду и исследовать ее. Одежда сохранилась, и на ней эксперты-биологи находят пятна крови, которые могут принадлежать убитой. Эксперты-криминалисты также находят на куртке подозреваемого наличие микрочастиц платка, перчаток и пальто Мозжериной.

Помимо этого устанавливаем, что в этот же вечер, примерно за час до совершения убийства потерпевшей, в том же районе, Бородулин, находящийся в нетрезвом состоянии,

напал на гражданку Чигишеву, отобрал у нее перчатки и наручные часы. В дальнейшем при опознании эта потерпевшая на него уверенно показала. А после нападения на Чигишеву он напал на несовершеннолетнего Новикова, которого просто так, ради своего удовольствия, ударил кулаком по лицу и, свалив, ударил лежащего ногой в бок. Здесь налицо грабеж и хулиганское нападение. После всех этих нападений и было совершено убийство Мозжериной.

Пора встречаться с подозреваемым Бородулиным и допрашивать его по этому убийству. Передо мной предстает небольшого роста паренек, немногословный и угловатый, который поначалу делает вид, что ни о каком убийстве ему не известно. Однако заключения нескольких экспертиз производят на него ожидаемое сильное впечатление. Он задумывается, а затем начинает рассказывать, как по пьяному делу напал на незнакомую ему женщину, ограбил, изнасиловал, а затем убил, нанеся несколько ударов по голове найденным там же поленом. Рассказанное им полностью подтверждается при выезде на место преступления – окровавленное полено было обнаружено при осмотре местности, и, по заключению судебно-медицинской экспертизы, именно им были причинены повреждения на голове женщины, повлекшие ее смерть. Полностью расследуем этот эпизод убийства, для чего проводим и другие различные следственные действия.

Что касается трех ранее арестованных за совершение этого убийства парней, то в отношении них в части совершения этого преступления выносится постановление о прекращении дела. При этом за совершенный ими грабеж они остались под стражей и позднее предстали перед судом, который приговорил каждого из них к лишению свободы.

Между тем продолжаем расследование дела по обвинению Бородулина – переходим к эпизоду смерти Тархова. Бородулин отрицает этот эпизод категорически. Показания женщины,

подслушавшей его рассказ, как он зарезал мужчину, не производят на него никакого впечатления. Он, осведомленный о смерти своего визави, утверждает, что женщина на него наговаривает. Очная ставка, проведенная между ними, не приносит положительного результата.

Фото обвиняемого Бородулина В.А.

Переводим Бородулина в СИЗО № 1, проще говоря, Пермскую тюрьму, для дальнейшего содержания под стражей, где и начинаются каждодневные допросы обвиняемого. Бородулин по-прежнему отрицает свою причастность к смерти Тархова.

В процессе общения между нами выстраиваются достаточно доверительные отношения, и в одном из разговоров я поясняю ему – дело по обвинению его в грабеже, хулиганстве, убийстве женщины можно хоть сейчас направить в суд, и доказательств по нему для вынесения приговора – достаточно. Предлагаю ему прикинуть, сколько, по его мнению, лет лишения свободы он может получить. Недолго думая, Бородулин ответил, что с учетом уже трех имеющихся судимостей и отбытых сроков надеется получить пятнадцать лет.

Бородулин В.А. указывает место убийства Мозжериной

– Представь себе, – продолжаю я дальше, – что из этих пятнадцати лет ты отбудешь, к примеру, половину срока, и останется отбывать еще лет семь, восемь, а тебя вновь могут привлечь – за совершение причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего Тархова. По ст. 108 ч. 2 Уголовного кодекса, которая предусматривает наказание от шести до двенадцати лет лишения свободы. Ведь следствие по делу об убийстве Тархова, пока ты будешь отбывать наказание по последнему приговору, будет и дальше продолжаться, и результаты его, скорее всего, будут в конечном итоге не в твою пользу. Сам-то ты знаешь, как было дело, – именно ты зарезал потерпевшего. Будет новый судебный процесс, который признает тебя виновным, и суд к отбытому сроку добавит назначенный новый – и будут те же

пятнадцать лет, с той только разницей, что отсидел ты уже половину, а тут – опять эти же пятнадцать лет снова отбывать, как будто и не отбыл уже часть срока.

Бородулина это крайне заинтересовало:

– Это как?

Говорю, давай вместе подсчитаем. Сейчас за всё вместе, включая эпизод Тархова, можно получить в качестве наказания всего пятнадцать лет лишения свободы, а с учетом, что будет два процесса, между которыми пройдет несколько лет, в общей сложности можно схлопотать по двум разным приговорам более двадцати лет.

Это озадачило обвиняемого. По его лицу понял, что лишний срок ему отсиживать, понятно, не хотелось. Это же простая арифметика – пятнадцать меньше, чем двадцать, считай. Озадаченный и задумчивый, он покинул следственный кабинет.

Через пару дней мною была получена адресованная начальнику следственного изолятора бумага, озаглавленная «Явка с повинной», следующего содержания (стиль и орфография подозреваемого):

Каждый советский человек, идя навстречу 60-летию Великого Октября, берет на себя повышенные обязательства, и как бы мне хотелось быть рядом с ними... Находясь в следственном изоляторе, я долго думал, переживал, не спал по ночам – думал, всё потеряно: работа, товарищи, родственники, но благодаря правильно поставленной воспитательной работе, где начальником подполковник Березкин, а также простому советскому человеку, блюстителю законов, поистине настоящему кузнецу человеческих сердец, как ст. следователь обл. прокуратуры Рева В.А., я решил совершенно добровольно и чистосердечно рассказать о совершенном мной тяжком преступлении – убийстве, неизвестном органам, а именно: проживая в г. Кунгуре, я где-то в конце апреля 1976 года около двух часов ночи шел к своей знакомой Л. Сибиряковой, которая проживает на улице Уральская, д. 26.

Когда я подходил к дому, из двора вышел мужчина, ранее мне незнакомый. Он был в нетрезвом состоянии, поравнявшись со мной, он оскорбил меня нецензурной бранью, а затем ударил в область груди, отчего я упал. Я быстро поднялся, так как он решил нанести мне удар ногой. У нас в это время возникла схватка, в которой я нанес ему удар ножом сзади в правый бок. Схватившись за бок рукой, он пошел во двор. Когда он вошел во двор, я увидел, что он упал. Я сразу подошел к нему. В это время я не осознавал, что я ему причинил телесное повреждение, т.е. он стонал, как пьяный. Я убрал его с дороги в сарайку. После чего очень сильно постучал в дверь дома, после чего ушел домой. Был я совершенно трезвый. Нож выбросил в реку Сылву. Подобный нож у меня изъяли органы милиции. Цели на убийство у меня не было. Написав явку с повинной, я считаю, что органы следствия, прокуратуры, суд и УВД учтут данные, а доверие, которое мне будет оказано, я оправдаю, стыдно за меня не будет. Написано собственноручно и добровольно.

12.03.1977 г. 10 часов утра. Бородулин

На следующий день, встретившись с Бородулиным, я подробно допросил его по существу сделанной им явки с повинной. Он пояснил, что у него имелось четыре одинаковых ножа, одним он и нанес удар мужчине, затем выбросил его в реку. Окончив допрос, мы разговорились. Он пояснил, что явку с повинной он принес, не желая испытывать судьбу и чтобы не получить лишний срок – простая арифметика с возможным сложением сроков оказалась для него убедительным аргументом. Еще через день Бородулин уже на месте, где им было совершено преступление, самым подробнейшим образом и показал, и рассказал об обстоятельствах нанесения ножевого ранения Тархову.

Были выявлены свидетели, которые слышали той ночью громкий стук в дверь дома, во дворе которого утром затем был обнаружен труп Тархова. У Бородулина дома были изъяты

три оставшихся одинаковых ножа. Криминалистической экспертизой было установлено, что повреждения на одежде Тархова могли быть причинены ножом, подобным изъятым у Бородулина. Сам нож, являющийся орудием убийства, извлечь со дна реки не представлялось возможным из-за толстого слоя льда на реке, установившегося еще в зимнее время.

Обвиняемый Бородулин В.А. указывает место где упал от удара ножом раненый им Тархов

До наступления ледохода было еще не менее двух месяцев, а следствие, как известно, имеет свои установленные сроки, не связанные и не совпадающие с временами года.

Обвиняемый Бородулин В.А. указывает место на берегу реки Сылва, где он выбросил в воду нож

У Бородулина было всего семь классов образования и запас слов у него был небольшой, а явка с повинной была написана ясным и, вроде, толковым языком, без особых ошибок, его рукой. Это и показалось мне странным: по моему мнению, написанное по стилю изложения не соответствовало его уровню образования и культуры. За разъяснением я обратился к оперативникам следственного изолятора, а те, выслушав меня, пояснили, что, эка невидаль, арестанты, не имеющие достаточной грамотности, в таких случаях обращаются к другим, умеющим грамотно изложить всё на бумаге – кому-то жалобу толковую написать, заявление какое, письмо послать

на волю, да много ли чего. Тут есть свои писатели и поэты, такое напишут, что любо-дорого прочесть будет, за что их сокамерники уважают.

Это борзописное ремесло в цене везде – и в следственном изоляторе, и еще больше в зоне, когда пишут письма женщинам, желающим заочно познакомиться с отбывающими наказание в колонии. Известно, что женщины любят ушами, особенно когда им говорят приятные, ласкающие слух слова, которые к тому же они и хотят услышать. Известно, что доброе слово и кошке приятно, а написанное на бумаге умелой и владеющей художественным словом рукой производит на мечтательных женщин, называемых в народе «заочницами», не меньшее впечатление и эффект, чем живое слово.

Укорять женщин за излишнюю доверчивость не стоит – кто из них не мечтает счастливо устроить свою личную жизнь с тем, единственным. В этой связи мне вспоминается другое уголовное дело, когда уставшая жить и растить одна малолетнюю дочь работающая молодая женщина списалась с отбывающим наказание в колонии хулиганом. Получала от него письма с ласковыми словами, от которых у нее сладко замирало сердце и кружилась голова. Вскоре он освободился и приехал к ней – у невесты была отдельная квартира. Благостный туман рассеялся быстро, избранник оказался далек от того вымышленного образа, который сложился после прочтения получаемых ею из мест не столь отдаленных писем, написанных под диктовку лагерного щелкопера. Он оказался грубым и наглым мужиком, который не пожелал трудиться, зато выпить и закусить, поскандалить – только подавай, а под горячую руку и колотушек женщина стала получать. Медовый месяц закончился после его очередной пьянки и очередного избиения женщины. Она отвела свою трехлетнюю дочь к соседям и вернулась в квартиру с топором: крепко спящему пьяному мужчине она просто отрубила голову напрочь. Взяв топор, пришла с ним сдаваться в милицию – топор был большой и острый, весь в крови.

Но бывали и иные случаи. Об одном таком мне рассказал мой бывший шеф Александр Васильевич Магнутов, прокурор Дзержинского района города Перми, под началом которого я имел счастье работать три года – до перевода старшим следователем в областную прокуратуру. Это был очень начитанный и образованный человек, прекрасно владеющий пером и словом, до перевода в областной центр он был прокурором города химиков Губахи. Там же служил городским военным комиссаром подполковник, который как-то в разговоре с Александром Васильевичем посетовал, что скоро его на пенсию отправят, а за душой у него ничего нет, кроме казенной квартиры по месту службы, да и две дочери подрастают, их учить надо, а где и как...

В дальнейшем выяснилось, что до войны он был личным водителем командира дивизии, недавно назначенного заместителем министра обороны СССР. Александр Васильевич предложил написать письмо высокому адресату от имени его подчиненного, для этого дотошно расспросил военкома, как, где проходила их совместная служба. После этого взялся за перо и больше недели творил, по сути своей, литературное послание.

В своем письме он от имени военкома поздравил маршала с назначением на высокую должность и напомнил о совместной службе в молодые годы. Вспомнил, как по ночам его (военкома) забирали в НКВД, где из него выбивали показания на его начальника (маршала), а он их не давал, и полученные от чекистов синяки объяснял дракой на свадьбе, как супруга командира захотела научиться управлять автомобилем, да въехала в дерево, а вину он взял на себя. Припомнил и другие хорошие примеры из их жизни в те годы, о которых было бы приятно прочесть старому воину, а в конце – логично и ненавязчиво: хотелось бы увидеться и снова быть ближе к нему. Как рассказал мне Александр Васильевич, когда он передал это письмо военкому, тот, суровый мужчина, прошедший войну, ознакомившись, долго рыдал над ним.

Письмо было отправлено.

Прошло три месяца, и неожиданно для всех пришел приказ о переводе военкома для дальнейшего прохождения службы в Москву с предоставлением ему квартиры. Письмо, написанное доброй и умелой рукой прокурора, достигло своей цели, и, самое главное, был результат. Велика бывает сила воздействия написанного, зная об этом, Александр Васильевич наставлял – писать надо так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно.

Между тем предварительное следствие по обвинению Бородулина было завершено. Приговором Пермского областного суда он был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорен к пятнадцати годам лишения свободы.

Отрубившая голову женщина была признана виновной в совершении убийства в состоянии аффекта и приговорена к мере наказания, не связанной с лишением свободы. Суд принял во внимание наличие у нее на руках малолетнего ребенка и явку с повинной. По моему мнению, это было справедливо и гуманно.

Частное определение

18 марта 1982 г. вместе с шефом, заместителем прокурора Пермской области В.М. Бахаревым, и представителями УВД области проводили заслушивание проблемных уголовных дел в Березниках – крупном промышленном городе. Одним из таких дел было нераскрытое изнасилование десятилетней девочки, Татьяны Малевой, произошедшее 4 февраля в соседнем городе Усолье.

Суть дела докладывал следователь прокуратуры Усольского района В.А. Роговец: преступник вечером поймал девочку на улице и завел в сарай, изнасиловал, а затем повел ее дальше, вновь продолжил насилие – уже в уличном туалете прокуратуры района, который представлял собой построенный во дворе из досок клозет с выгребной ямой, именуемый «Удобство на улице». Во время изнасилования ее в извращенной форме девочка заметила в свете уличного фонаря буквы, нанесенные на половом члене насильника – татуировку.

Проведенными розыскными мероприятиями был установлен подозреваемый – двадцатидвухлетний дважды судимый за хулиганство и кражу, отсидевший в общей сложности пять лет, слесарь Шарев. Хотя он категорически и отрицал свою причастность к совершению преступления, но Шарев был опознан потерпевшей, и у него была изъята одежда, в которую он, по показаниям девочки, был одет во время совершения преступления. Его сожительница, однако, утверждала: во время, когда совершалось преступление, подозреваемый и она спали дома.

По непонятным причинам дальше этого следствие почему-то не пошло, и подозреваемого отпустили на все четыре стороны. Бахарев попросил меня лично разобраться с этим уголовным делом. По окончании заслушивания я подробно ознакомился с имеющимися материалами и пришел

к выводу о необходимости срочно освидетельствовать Шарева на предмет наличия татуировок. Назначить судебно-биологическую экспертизу спермы Шарева – для сравнения с образцами спермы, взятой при освидетельствовании потерпевшей девочки, криминалистическую экспертизу – на предмет наличия микрочастиц одежды подозреваемого на одежде девочки и наоборот, а также тщательно допросить его сожительницу и, самое главное, решить вопрос об избрании ему меры пресечения – содержание под стражей.

Шеф согласился с моими предложениями. От УВД к нам сразу присоединился подполковник Леонид Оборин, с которым мне приходилось и раньше работать по другим делам. Не откладывая в долгий ящик, немедленно прошу доставить Шарева. Через пару часов он уже у нас в кабинете – и по-прежнему всё отрицает. Приглашаем двух мужчин в качестве понятых и предлагаем подозреваемому полностью раздеться. Увиденное на теле Шарева впечатляет: три десятка татуировок сверху до низу, с сюжетами на любой вкус, начиная с век, на которых нанесена татуировка «Не буди», кончая ступнями – «Они устали». А на детородном органе расположена татуировка, состоящая из трех вертикально расположенных букв, образующих слово «Хам».

Всё это фиксируем на фотопленку и вносим в протокол освидетельствования. Так у нас появляется еще одно доказательство его вины. Обращаюсь к прокурору города Березники Жукову с ходатайством о даче санкции на арест Шарева. Тот, по-видимому, желая перестраховаться, неожиданно для нас отказывает в санкции на арест – его смущают показания сожительницы подозреваемого. Возникает ситуация, при которой отпустить преступника нельзя, но и санкции на его арест не получено.

В данной ситуации я по закону, как прокурор-криминалист, обладал всеми правами следователя и правами надзирающего прокурора, т.е. закон мне не запрещал проводить

такое следственное действие, как задержание на 72 часа (трое суток) подозреваемого в порядке ст. 122 Уголовно-процессуального кодекса. Воспользовавшись своим правом, я объявляю Шареву, что он задерживается в порядке ст. 122 УПК, тот воспринимает это как должное, а по его лицу видно – он понял, что это конец его нахождению на свободе.

На следующий день вместе с Обориным приступаем к подробному многочасовому допросу подозреваемого. Шарев продолжает всё отрицать. Отправляем его назад в камеру. На второй день – вновь допрос подозреваемого и хорошо подготовленная очная ставка с девочкой, после чего вновь продолжаем его допрашивать. Вопросы на него сыплются как из рога изобилия, и, наконец, на вопрос, как якобы незнакомая ему девочка сумела узнать про имеющуюся у него татуировку на интимном месте, он не находит ответа и признается в совершении изнасилования девочки. Его показания мы фиксируем на магнитофонную ленту. Не откладывая, сразу же по окончании допроса, организуем его выезд на место совершения преступления с целью проверки его показаний. Там он подробно, обстоятельно и абсолютно точно рассказывает о совершенном насилии. Всё это мы также фиксируем на магнитную ленту и фотопленку. Во время следственных действий само собой рассыпалось и его алиби: как пояснил Шарев, он и его сожительница тогда изрядно напились, улеглись в постель, она вскоре заснула крепким пьяным сном, а он незаметно встал с постели и ушел из квартиры. После совершения изнасилования он, вернувшись домой, застал сожительницу по-прежнему спящей. О том, что он уходил, она, понятно, не могла знать, да и отсутствовал он недолго – не больше часа. Допрошенная сожительница Шарева подтвердила, что действительно крепко спала после выпивки и ничего не слышала.

Во время последнего допроса Шарев неожиданно спросил у меня, может, он дурака сваял, что признался, может, и доказать бы ничего не смогли и опять отпустили, не прогадал

ли он. Я ответил ему: сам знаешь, что совершил изнасилование, потерпевшая тебя опознала, экспертизы подтвердят контакт твоей одежды с одеждой потерпевшей, группа крови совпадет с образцами спермы, взятыми у потерпевшей, буквы имеются в нужном месте. Неужели ты считаешь, что суд при таких доказательствах тебя оправдает? Он со мной согласился, а потом: ну пусть хоть учтут, что в сознанку иду, срок скостят. Я подтвердил, что суд, решая вопрос о мере наказания, должен будет учесть это обстоятельство, выигрышное для него. Тот успокоился.

Подозреваемый Шарев указывает место изнасилования потерпевшей девочки

Арест Шарева был прокурором санкционирован. Передав дело для завершения расследования районному следователю, я занялся другими делами. Прошло два месяца. Состоялся суд, и Шарев был осужден к 12 годам лишения свободы. А еще через месяц меня вызвал к себе мой начальник Бахарев.

– На, смотри, тут областной суд вынес в отношении тебя частное определение по делу осужденного Шарева. Ты унизил его честь и достоинство – в обнаженном виде его сфотографировал и фототаблицу приложил к уголовному делу. Просит принять меры к тебе.

Владимир Михайлович быстро всё понял, когда я ему объяснил, в чем дело. Ведь другого способа доказать наличие татуировки на фаллосе преступника, каковая являлась доказательством по делу, иначе как его сфотографировать и фотографию предоставить суду, просто не существовало. Не будет же суд прямо в судебном заседании, при всем честном народе, обнажать интимные места подсудимого и их рассматривать. И потом, пояснил я, никак не возможно унижить того, чего у него нет – его честь и достоинство. Совершивший в отношении десятилетней девочки гнусное преступление, прямо на полу сортира, покрытого замерзшими нечистотами, Шарев не имел ни чести, ни достоинства.

Ситуация с документированием улики на интимном месте преступника даже немного развеселила моего руководителя: «Всё ты правильно сделал, доказательство тому – обвинительный приговор насильнику. Хотя, черт знает, что такое написали, но сам понимаешь, в месячный срок мы должны дать ответ суду о принятых к тебе мерах. Так вот тебе наказание за это – сам и подготовь проект ответа, а я подпишу». Так мы и поступили, отписав суду ничего не значащую бумагу. Так была закрыта тема моего «нарушения» прав лица, совершившего тяжкое преступление.

К вопросу о нарушении прав человека я случайно вернулся через десять лет, когда занимал уже должность начальника отдела в Генеральной прокуратуре Российской Федерации. В октябре 1992 г. в Мраморном зале здания Генеральной прокуратуры была презентация нового фильма «Разыскивается опасный преступник». Картина была снята по событиям, происходившим в 1962 г. в Новочеркасске, где были расстреля-

ны рабочие, выступившие против советской власти. На презентации помимо артистов Натальи Белохвостиковой, Веры Васильевой и других, снимавшихся в фильме, присутствовал известный правозащитник Сергей Адамович Ковалев, являющийся председателем парламентского Комитета по правам человека, с ним был и его заместитель.

После просмотра кинофильма все присутствующие стали разъезжаться, а с отъездом Ковалева и его заместителя произошла заминка, за ними не прибыл автомобиль. Для решения этого вопроса потребовалось какое-то время, и я пригласил Сергея Адамовича и его заместителя в свой кабинет, где те могли бы дожидаться приезда автомобиля. Они охотно приняли предложение. Как гостеприимный хозяин, в кабинете я предложил им коньяк и кофе, туда же подошел мой коллега, начальник другого отдела генпрокуратуры Артур Маменков, и завязался интересный разговор, затянувшийся на несколько часов. Во время беседы, под кофе и коньяк, я рассказал, что работал в прокуратуре Пермской области в то время, когда Сергей Адамович отбывал там наказание в известной колонии № 36 для политзаключенных.

Разговор, естественно, не мог не затронуть темы соблюдения прав человека. Время уже было близко к полуночи, когда я поблагодарил Сергея Адамовича и его коллегу за их активную жизненную позицию и столь необходимую деятельность

Татуировка на плече Шарева

в области защиты прав человека, но попросил их разъяснить мне, как простому гражданину, кого конкретно защищают правозащитники. Того, у кого украли, т.е. потерпевшего, или того, кто украл, – вора, того, кого изнасиловали, т.е. – потерпевшую или того, кто изнасиловал, – насильника, того, кого убили, – потерпевшего, или того, кто убил, т.е. убийцу, – интересы этих лиц прямо противоположны. Минут сорок оба пытались объяснить мне свою позицию и ответить на мой вопрос, который, понятно же, был непростым. Однако удовлетворительного и вразумительного ответа получено так и не было.

Мы проводили их до автомобиля и дружески расстались. Вспоминая об этой памятной для меня встрече, я понял: гораздо проще говорить о правах человека и защищать их именно в абстрактном смысле, вообще, во вселенском масштабе, так сказать. В жизни же приходится решать вопрос о правах не абстрактного человека, а конкретного, и в определенной жизненной ситуации – а это совсем другое дело.

Как могут отстаивать свои права убитый обычный гражданин или десятилетняя беззащитная девочка-ребенок? О правах человека можно много рассуждать и говорить, но кто вступится реально за их нарушенные права?

Всюду жизнь

В начале августа 1982 г. я находился в командировке на раскрытии убийства сторожа в городе Соликамск, расположенном на севере Пермской области, где кончалась железная дорога и начинался таежный край и болота. Эта территория всегда была нашей головной болью: в Соликамске, кроме тюрьмы, находился транзитно-пересыльный пункт (на языке заключенных – «пересылка»), откуда осужденных развозили автозаками по нескольким десяткам исправительно-трудовых колоний дислоцированных здесь сразу трех лесных лагерных управлений: Усольлага, Нырблага, Вишералага. Кроме этого, были колонии-поселения с поселенцами и многочисленными безконвойниками. Здесь же находилось большое количество осужденных за преступления небольшой тяжести, которые искупали свою вину на стройках народного хозяйства, в народе их называли «химиками», последние состояли на учете в спецкомендатурах и проживали в специальных общежитиях, куда в вечернее время лучше было не заходить, поскольку это было небезопасно. В этих же местах находилась одна из двух имеющихся в стране ИТК-20, в которой отбывали наказание те, кому смертная казнь в порядке помилования была заменена на срок – 15 лет лишения свободы (сейчас это колония для пожизненно осужденных «Белый лебедь»). После отбытия наказания вся эта публика с севера области объявлялась в Соликамске, откуда начиналось их возвращение в цивилизованный мир и курсировали два поезда, на которых в комфортных условиях можно было добраться до областного центра – города Перми и столицы нашей родины – Москвы. Понятно, что, добравшись до первого островка свободы, Соликамска, некоторые из них отмечали свое освобождение в единственном в городе ресторане «Север». Оттуда те, кто не рассчитал

свои силы и размер дозы спиртного, отправлялись в исправно работающий медвытрезвитель, ну а те, кто не исправился и вновь встал на путь совершения преступления, отметив свое освобождение хулиганством или поножовщиной, получив новый срок вскоре возвращались в места отсидки. Те же, кого минула чаша сия, на поезде уезжали в родные края. Однако были и те, кому, порой, и ехать-то было некуда, они оседали в городе. Не могли обойти стороной Соликамск и беглые всех мастей. Так что концентрация преступного люда в здешних местах зашкаливала, и, как указывалось в служебных документах, «оставалась сложная и напряженная оперативная обстановка». Словом, скучать следователям и оперативникам уголовного розыска было некогда – дел хватало. Командировки наши туда тоже носили частый и постоянный характер.

Все правоохранительные органы города располагались в одном большом пятиэтажном здании. В подвальном помещении находились камеры предварительного заключения, на первом, втором, третьем этажах располагался РОВД, на четвертом и пятом этажах – прокуратура и суд. Это было довольно удобно для работы, всё под боком, но уникальность расположения здания заключалась еще и в другом: почти вплотную к строению с восточной стороны примыкало городское кладбище. Понятно, что расписание рассмотрения дел в суде, окна которого были обращены прямо на кладбищенский пейзаж, никак не согласовывалось с графиком проведения похорон, поэтому не раз случалось, что во время оглашения приговора на кладбище звучал похоронный марш, который и сопровождал чтение судьи. Это неприятно и угнетающе действовало на подсудимых, но зато запоминалось надолго. Сразу вспоминалось известное изречение: «загреметь под фанфары». Не поднимала музыка Шопена настроение и тех, кто содержался в камерах подвального цоколя, наводя на них грустные мысли о бренности земного существования и неотвратимости наказания.

Исправить такое положение было невозможно, поскольку отменить одновременно работу кладбища и суда, которые работали в одну дневную смену, было никак нельзя. Подобного взаимодействия в работе кладбища и суда больше в своей практике встречать мне не приходилось нигде.

Уголовный розыск Соликамского РОВД тогда возглавляли два человека: майор Валерий Иванович Малышков – заместитель начальника РОВД по оперативной работе, и капитан Виктор Михайлович Вострокнутов – начальник отдела уголовного розыска, оба энергичные и опытные, профессионалы в своем деле. Валерий Иванович помимо всего обладал специфическим чувством юмора, связанным с его профессиональной деятельностью. Как-то он мне в частной беседе поведал о том, как занимался раскрытием одной кражи личного имущества. Пораскинув мозгами, он вычислил, что кражу могли совершить трое неоднократно судимых, и пригласил одного из них к себе. Тот стал божиться – что ты, начальник, не совершал никакой кражи, да я готов прямо сейчас свою мошонку гвоздем прибить к полу в кабинете, если это не так. Малышков, проявив всё свое умение, через пару дней нашел похищенные вещи и расколол двух других участников. Снова пригласил к себе того, третьего соучастника. Но обставил это тогда таким образом: по пути в свой служебный кабинет, на лестничной площадке первого этажа здания милиции, поставил одного из задержанных, на втором этаже – второго задержанного, а дверь кабинета распахнул настежь и на стол положил изъятые ворованные вещи, так, чтобы было видно, и чуть отдельно – большой гвоздь с молотком. Похититель был проведен мимо своих поделничков, а войдя в кабинет, увидел предметы, лежавшие на столе. Мгновенно поняв всё, он бухнулся на колени перед Валерием Ивановичем и завопил, признаваясь во всем и прося о пощаде, ссылаясь на беса, который его попутал. Оперативный кураж был налицо, работали с выдумкой.

Как-то в конце рабочего дня ко мне подошел Малышков. Он сообщил мне, что у него имеется информация, заслуживающая доверия: несколько дней назад в лагерном поселке Сим убили поселенца, которого все считали сбежавшим, а труп его закопали. К этому преступлению причастны ранее судимая некая Николаева и ее любовник – поселенец по имени Петр. Кроме того, там же в розыске значился местный охотник. После совершенного убийства он скрылся в тайге вместе с ружьем – орудием преступления, но изредка, по ночам, навещал свою жену. Засаду тайную там организовать сложно, появление посторонних людей сразу насторожит преступника, но есть шанс в результате неожиданного ночного рейда застать беглеца «тепленьким» в постели в собственном доме. Поскольку речь в первом случае шла о неизвестном убийстве, которое по закону расследуется следователями прокуратуры, Малышков попросил меня подключиться и поучаствовать в мероприятии. Определяем состав оперативно-следственной группы, в которую входят Малышков и Вострокнутов, судебно-медицинский эксперт Валерий Парешин, оперуполномоченный областного управления уголовного розыска Борис Чебыкин и я – прокурор-криминалист.

В поселке, куда мы направляемся, имеется собственная дизель-электростанция, которая, правда, прекращает свою работу за час до полуночи, после чего поселок погружается во тьму. Мы решаем тихо и незаметно появиться в поселке ближе к полуночи, когда там погаснет свет, и все будут спать. Разбитая, в ухабах, грунтовая дорога в таежном лесу длиной в сорок километров у нас заняла почти два часа, и в расчетное время мы были на месте. Оставив машину на окраине этого небольшого поселка, наносим визит в барак, где проживает Николаева и ее любовник. Застаем их обоих в комнате, оба они либо слегка выпивши, либо наглотались каких-то таблеток, сразу не разберешь. Петр очень

бледный, левая рука у него в области запястья перевязана. Оказывается, он, опасаясь ответственности за убийство и переживая, решил покончить жизнь самоубийством и за несколько часов до нашего появления вскрыл себе вены. Сожительница его, хотя и была этим напугана, не растерялась и сумела перевязать ему рану, но он уже успел потерять немало крови. Поэтому, отбросив все формальности, сразу требуем отдать труп. Сообщники явно деморализованы и сразу же ведут нас в сарай, указывают место – там уже выложена поленница, под которой спрятан труп убитого поселенца. Петр, как и подобает мужчине, начинает утверждать, что убийство совершил именно он, ударив поселенца в грудь ножом, а его подруга не при чем, она только присутствовала при убийстве. Сожительница тут же подтверждает сказанное им. Всё это происходит при понятых, которых мы нашли в том же бараке. При свете фонарей убираем поленницу и, взяв лопаты, начинаем копать чавкающий болотный грунт. Выкопав яму глубиной около метра, обнаруживаем там завязанный мокрый мешок. Вытаскиваем его и, развязав, обнаруживаем в нем труп поселенца, которого сразу опознают понятые. За дело берется эксперт Парешин, он помогает мне осмотреть и описать повреждения и трупные явления на убитом.

Пока мы занимаемся трупом, Малышков и Чебыкин незаметно уходят в темноту за разыскиваемым охотником. Отсутствуют они минут сорок. Затем так же тихо возвращаются, но уже с задержанным мужчиной среднего роста, лет сорока, и изъятым ружьем. Еще пару часов занимает составление процессуальных документов: протоколов осмотра, допроса подозреваемых, постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа. Это занимает гораздо больше времени, чем в обычных кабинетных условиях – тут, в ночи, при плохом освещении, писать приходится, как

говорится, на коленке. Транспорт для доставки трупа в городской морг среди ночи взять неоткуда, и эксперт Парешин предлагает исследовать тело на месте. Оказалось, что он хорошо знаком с местным лагерным врачом. Сходив к нему домой и разбудив его, он возвращается вместе с ним и набором хирургических инструментов, необходимых для производства вскрытия тела. Для задуманного им требуется освещение и место, но находчивые медики и тут находят выход: они освобождают один из боксов гаража, устанавливают там импровизированный секционный стол из деревянных ящиков, на который настилают полотно старой двери. Что касается освещения, то оно организовано еще лучше – почти вплотную подогнанная машина при включенном дальнем свете прекрасно освещает им рабочее место.

Эксперты споро берутся за работу. Шум работающего двигателя автомобиля им совершенно не мешает. Когда, закончив составление следственных документов, я прихожу к ним, чтобы узнать результаты вскрытия, они уже заканчивают свою работу. Парешин сообщает мне, что смерть наступила в результате ножевых ранений в грудную клетку спереди, сопряженных с повреждением внутренних органов и обильным внутренним кровотечением. Таким образом, показания убийцы, как именно он совершил преступление, полностью находят свое подтверждение.

Ночь еще не закончилась, на улице темно, а мы уже загружаемся в УАЗ-469, с отсеком для задержанных в задней части. Туда загружаем всех троих подозреваемых. Автомобиль перегружен и, переваливаясь боку на бок, не торопясь ползет по разбитой дороге. Луна освещает своим бледно-белым светом верхушки высоких елей, стоящих строем вдоль дороги. Движение автомобиля укачивает, незаметно меня начинает одолевает дремота. Сквозь нее слышу равномерное шуршание болоньевого плаща задержанной женщины. Вначале на него не обращаю

внимания, но тут не выдерживает Чебыкин, которому надоело это шуршание, и он, поняв первым, в чем дело, требует от задержанной женщины немедленно прекратить блудное бесстыдство. Та в ответ только непечатно огрызнулась, мол, когда теперь смогу мужика поиметь, закроете меня на несколько лет, так хоть напоследок... Шуршание плаща тем не менее прекратилось, а мне почему-то сразу пришла на память картина известного художника Николая Ярошенко, тоже на арестантскую тему – «Всюду жизнь».

Впереди у нас были еще километры дороги и два часа до рассвета...

Николай Ярошенко. Всяду жизнь

М.В. Лебедев

Двойное убийство в День матери

До какой степени жестокости может дойти человеческое существо по отношению к ближнему? Кто из нас не задавал себе этот вопрос, выезжая на очередной осмотр места происшествия, приступая к расследованию нового дела или принимая участие в следственных действиях. Годы, а у кого-то из уважаемых коллег и десятилетия службы в следствии, приучили ничему не удивляться.

А всё-таки – до какой? Убийство женщины. Большинство, даже среди гражданских обывателей, подумает: «Бывает». Убийство ребенка. Жестоко, но, увы, многим следователям и следователям-криминалистам приходилось выезжать на осмотры места происшествия по делам такой категории и принимать участие в их расследовании. Убийство матери и ребенка ножом с нанесением множества колото-резных ранений, да еще и совершенное женщиной из корысти. Такое само по себе является пределом дикости. Особенно, если совершено это зверское и циничное преступление в День матери. «Совпадение», – скажут скептики. Однако следствие установило обратное.

27 ноября 2020 г. преподаватель физкультуры одного из саратовских колледжей 53-летняя Елена Щ. созвонилась со своей знакомой А. и предложила встретиться и поболтать, что называется, «о женском». Тем более, что были и поводы. 28 ноября А. отмечала свой 38-й день рождения, а 29 ноября был День матери – праздник, хоть и не отмечаемый широко, но символичный, ведь и сама Елена и А. были любящими мамами.

А. охотно согласилась. В последнее время она переживала из-за судебных заседаний бракоразводного процесса, на которых решался вопрос о порядке общения ее младшей дочери Маши с отцом. Как раз на одно из таких заседаний, предстоящих в ближайшее время, Елена Щ. была приглашена в качестве свидетеля со стороны А. Женщины договорились встретиться дома у А. через два дня, то есть 29 ноября.

Елена неплохо знала А. Та жила в небольшой однокомнатной квартире с двумя дочками. С мужем А. была в разводе и практически не общалась. Отца девочкам фактически заменял их дедушка.

Уже несколько месяцев шли судебные процессы с бывшим супругом А. по расторжению брака и определению порядка общения с ребенком. Мужчина проживал в Москве, занимался конструкторской работой и хорошо зарабатывал. Уже с конца лета А. начала получать значительные суммы от бывшего мужа в качестве алиментов. Буквально за пару-тройку месяцев работодатель бывшего мужа перечислил ей более 120 тысяч рублей.

В ходе следствия свидетели, лично знавшие А., утверждали, что она была очень открытым человеком, много рассказывала о себе.

Из показаний подруги, свидетеля Б.: «А. была очень искренней, открытой и доверчивой. В присутствии Щ. рассказывала о крупных денежных суммах, которые хранились либо у нее дома, либо на банковской карте. После расторжения брака А. также рассказывала о поступлении на банковскую карту денежной суммы в 120 000 рублей в качестве алиментов от бывшего супруга, об этих деньгах Щ. также было известно».

А. даже не подозревала о том, что своими рассказами может пробудить алчность, достойную настоящего зверя в человеческом облики.

Елена Щ. появилась в кругу общения А. пару лет назад. Детям нужна была помощь профессионального массажиста, и знакомые порекомендовали обратиться к Елене. Преподаватель, бывшая спортсменка, специалист в области массажа, она действительно помогла девочкам, да и самой А. несколько раз делала массаж. Однако после курса массажа в 2019 г. А. вместе с мужем и детьми уехала в Москву, и женщины прекратили общение.

Из показаний несовершеннолетней Г. (старшей дочери потерпевшей): «Мама познакомилась с Щ. еще до переезда в Москву. После возвращения из Москвы мама приглашала Щ. делать ей массаж только один раз. 28.11.2020 г. мама сообщила, что Щ. придет к ним домой на следующий день».

Действительно, после приезда в Саратов А. один раз обращалась к Елене Щ., тогда-то она и рассказала жизненных проблемах, об отношениях с бывшим мужем, алиментах, а заодно, расплачиваясь при ней в магазине, случайно показала PIN-код от своей банковской карты.

В ходе следствия личность Елены Щ. была хорошо изучена, допрошены ее родственники и коллеги. В молодости Елена профессионально занималась армрестлингом и, как это часто бывает, свою профессию также связала со спортом, работая учителем физической культуры в различных образовательных учреждениях города Саратова. Как к педагогу, к Елене не было претензий, но общечеловеческие ее качества были весьма противоречивы. Она «преподносила недостоверную информацию руководству и коллегам», «создавала в коллективе напряженную обстановку», «вела себя довольно грубо и жестко со своими коллегами». Кроме того, говоря о Елене Щ., коллеги отмечали у нее одну черту – жадность: «падкая на деньги», «занимала денежные средства у своих коллег, однако не отдавала и довольно агрессивно реагировала на просьбы вернуть долги», «была

единственным работником, кто никогда не сдавал деньги ни на корпоративные нужды, ни на оказание помощи своим коллегам при возникновении у тех тяжелых жизненных ситуаций».

В семейной жизни у Щ. также было не всё благополучно. Возможно, именно поэтому А. и прониклась доверием к человеку, которого она совсем не знала. Елена Щ. была разведена, причем дважды. От первого брака имелось двое сыновей, на момент описываемых событий – уже совершеннолетних. От второго брака – две тринадцатилетние дочери-близняшки. Сын Щ. в ходе допроса отмечал, что мать всё время высказывалась о том, что ей не хватает денег, настаивала на том, чтобы он со своим родным братом ехал работать на Север, чтобы зарабатывать больше денег и давать ей. Снова жадность, причем подмеченная уже близкими людьми.

Кто-то может подумать, что такое поведение могло быть обусловлено в целом низким достатком, маленькой заработной платой. Действительно, заработная плата учителя физкультуры была невысокой, но неплохой доход приносили услуги массажа и маникюра, да и бывший супруг, отец девочек, постоянно помогал семье деньгами.

Однако на себя Елена денег не жалела. Многие из допрошенных лиц отмечали ее нездоровую тягу к ювелирным украшениям. Она могла надеть сразу три золотые цепочки, по несколько колец на каждую руку, всегда обращала внимание на чужие украшения. В последующем, совершив два жестоких убийства, она, как ни в чем не бывало, принесет домой аккуратно сложенные в пакет похищенные ювелирные украшения.

29 ноября 2020 г. Елена Щ. приобрела бутылку недорогого коньяка и пришла домой к А. Ее вход в подъезд дома в 13:10, как и выход в 16:21, зафиксировала видеочкамера

домофона. За эти 3 часа 11 минут Елена Щ. совершила жестокие убийства А. и маленькой Маши, которой на тот момент не исполнилось еще и 4 лет, нанеся им в общей сложности более 40 ножевых ранений.

Отдельно следует отметить, что, идя в гости, Елена захватила из дома заранее истолченные в порошок таблетки феназепама, которыми планировала усыпить А. Как в сценарии популярных детективных фильмов, в ходе осмотра места происшествия рядом с телами погибших следователями будет обнаружен выпавший из кармана одежды Щ. пустой блистер из-под этого препарата. На его поверхности эксперты обнаружат генетический профиль Щ. Аналогичные блистеры препарата также обнаружены в ходе обыска в квартире подозреваемой, а следы самого феназепама – на одной из изъятых в ходе осмотра места происшествия чашек.

Тела зверски убитых дочери и внучки примерно в 18:40 найдет отец А., который приведет старшую из внучек домой. Вполне вероятно, что то, что девочка была в гостях у бабушки с дедушкой, спасло ей жизнь. Хотя Елена Щ. и утверждала, что знала об отсутствии дома старшей дочери А., и это подтверждалось их перепиской в мессенджере, остановило бы ее присутствие в доме второй девочки или нет – можно только предполагать.

Картина преступления в целом была понятна следователям: некто, находясь в квартире потерпевшей, вооружившись ножом, взятым тут же на кухне (участвовавший в осмотре отец А. сразу же указал на отсутствие в специальной подставке одного из кухонных ножей), жестоко убил хозяйку и ее дочь, а затем ушел, похитив банковскую карту, наличные денежные средства и все ювелирные украшения.

Преступление, безусловно, вызвало широкий общественный резонанс. На его раскрытие руководством правоохра-

нительных ведомств были брошены лучшие силы. Уже к вечеру следующего дня их труды принесли свои результаты.

В ходе следственных действий и оперативных мероприятий было установлено, что уже в 17:29 некто снял в банкомате с карты убитой денежные средства. Непрочитанные СМС-оповещения об этом уже в ходе осмотра места происшествия были обнаружены в телефоне А., так и оставшемся лежать на кухне ее квартиры.

На видеозаписи с камер видеонаблюдения ближайшего к месту преступления отделения Сбербанка была зафиксирована женщина, одетая точно так же, как и женщина, заходившая в подъезд дома потерпевшей и выходящая из него. Единственная мера маскировки, которую предприняла неизвестная – это медицинская маска, которую она надела перед тем, как войти в помещение отделения банка. Предметы одежды будут найдены, видеозаписи исследованы в ходе следствия – вывод однозначный: на них запечатлена Елена Щ. Кстати, на ее одежде будет обнаружена и кровь потерпевших, хотя и немного – из вещей, что были на ней в момент убийства, у нее осталась только верхняя одежда, от остальных, как и от ножа, она успела избавиться до задержания.

Из обвинительного заключения: «Установлено, что предметы одежды... пуховик, сапоги, лицевая маска, используемая банковская карта, сумка-клатч, визуально соответствуют одноименным предметам, изъятым впоследствии в ходе обыска от 01.12.2020 в жилище Щ. За вышеуказанный период нахождения у банкомата Щ. многократно (не менее 13 раз) оборачивается в сторону входной двери при входе и выходе из помещения других лиц, а также производит действия с банковской картой в каждом из 3-х имеющихся банкоматов. Также зафиксированы: комбинация ввода цифр пароля карты – 5685, указание суммы денег для снятия...»

Всего Елена сняла с банковского счета А. 89 900 рублей, после чего спокойно отправилась домой.

Из показаний бывшего мужа Щ., который в это время находился у нее дома с дочками: «С собой Щ. принесла какой-то белый пакет, который был чем-то наполнен, содержимое мне неизвестно. Где она была... мне неизвестно. 01.12.2020 я, а также двое понятых участвовали в проведении следователем осмотра квартиры. В ходе осмотра следователь в нашем присутствии обнаружил и изъял прозрачный пакетик с ювелирными украшениями, который был спрятан под простыней на кровати в жилой комнате. О происхождении данных ювелирных украшений, а также о причине их нахождения под простыней на кровати, мне ничего неизвестно». В пакете, принесенном Еленой Щ., находились ювелирные украшения, похищенные ею из квартиры А., общей стоимостью 90 810 рублей.

Уже на следующий день Щ. отправилась в магазин-ломбард в центре Саратова и сдала два золотых кольца А., не подошедших ей по размеру, выручив за них 11 000 рублей. Деньги она забирать не стала, а, добавив еще примерно 4 000 рублей, приобрела новые ювелирные украшения: золотое кольцо, золотые и серебряные серьги. «В качестве документа при сдаче колец Щ. предъявила свой паспорт гражданина РФ, с которого внесла сведения в две скупочные квитанции. При выборе сережек Щ. сообщила, что является учителем физкультуры и тренером по спортивной гимнастике, и поэтому для работы ей нужны удобные сережки», – показала в ходе допроса администратор магазина-ломбарда.

К вечеру того же дня Щ. была задержана сотрудниками уголовного розыска. Среди прочего, в ее сумке был обнаружен фрагмент листа бумаги с рукописным текстом «5685 Сбер» – PIN-кодом банковской карты А.

Свою причастность к убийствам Щ. не отрицала, хотя несколько раз меняла свои показания, пытаясь если не избе-

жать ответственности, то хотя бы облегчить свою участь. Так, сначала Елена утверждала, что маленькую Машу убила сама А., находясь в неадекватном состоянии нервного расстройства. И лекарство феназепам А. выпила при ней сама. Данная версия не выдерживала критики. Согласно показаниям свидетелей из числа подруг А., которым та, кстати, накануне смерти рассказывала о предстоящем визите Щ., из-за судебного процесса А. категорически отказывалась принимать какие-либо лекарственные препараты, в особенности сильнодействующие, опасаясь возможного проведения в отношении нее судебной экспертизы. Сомнений в адекватности поведения А. ни у кого никогда не возникало.

Позже, в ходе допроса в качестве обвиняемой, Щ. показала, что не хотела убивать А., а последняя сама напала на нее после ссоры из-за долга за услуги массажа и маникюра. Данная версия также была опровергнута следствием очень быстро: все, кто знал Елену, давали показания о том, что из-за своей паталогической любви к деньгам она никогда не оказывала никаких услуг в долг. Да и косметические процедуры А. проходила в специализированных салонах.

При расследовании дела всеми задействованными службами были добыты неопровержимые доказательства вины Щ. Так, оперативными сотрудниками был поминутно установлен ее путь к дому потерпевших и обратно, а также последующие действия до момента задержания. Следователями допрошены более 30 лиц, проведены обыски, выемки и осмотры. В результате осмотра в отделе криминалистики изъятых мобильных телефонов с использованием аппаратно-программных комплексов была обнаружена переписка Щ. с потерпевшей и иные сведения, имеющие доказательственное значение. Экспертами на изъятых предметах был обнаружен генотип обвиняемой и следы лекарственного

препарата. К оправдывающим свои действия версиям Щ., как следствие, так и суд, отнеслись критически.

7 декабря 2021 г. Саратовским областным судом Щ. была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «в», «д», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, и ей назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 23 года с отбыванием в колонии общего режима. В последующем Щ. безуспешно пыталась обжаловать приговор, ссылаясь на его чрезмерную суровость. Приговор вступил в законную силу.

Я.Я. Пистер

Кое-что о морали...

То и дело в фильмах – старых и новых – особенно в сериалах, муссируется тема «крутых» и «хитрых» следователей, причем частенько такой показ выглядит топорным и даже смешным.

Смешиваются в одну кучу совершенно разные понятия и служебные обязанности должностных лиц: сотрудники уголовного розыска самостоятельно проводят допросы, очные ставки, другие следственные действия, выносят постановления и проч. И нередко попахивают эти киношные «откровения» элементарным беззаконием, моральным уродством. Однако простим создателям фильмов их прегрешения – у них работа такая. Гораздо опасней, когда профессиональные следователи, пытаясь любой ценой «расколоть» фигуранта, попирают закон.

В шестидесятых годах уже прошлого века мне, молодому тогда следователю районной прокуратуры, рассказали одну поучительную историю.

Один наш бывший коллега, по фамилии Ерастов, весьма энергичный и честолюбивый товарищ, страстно возжелал выделиться, а заодно и сделать себе быструю карьеру.

«Голь на выдумки хитра» – гласит народная мудрость. Вот и наш герой сконструировал вроде бы простенький, но весьма коварный прибор. На картонном экранчике с правой стороны вывел слово «ложь», с левой – «правда», поместив в центре экранчика подвижную металлическую стрелку. Допрашивая очередного подозреваемого, он кивал на экран и «давил» на психику.

– Вот видишь, прибор показывает, что ты врешь! В последний раз предупреждаю – говори правду!

Надо признать, что это был неплохой психолог и актер, он подмечал малейшие нюансы, умело и наступательно вел допросы, а «техническое средство» почти всегда склоняло фигурантов к капитуляции.

Но вот один из подозреваемых под давлением следователя признался в умышленном убийстве, которого не совершал.

К счастью, областной суд, рассматривавший это дело, объективно и скрупулезно оценив все представленные материалы, вынес оправдательный приговор с освобождением подсудимого из-под стражи.

Представитель областной прокуратуры, проводивший в этой связи служебную проверку, докопался и до «технического средства». Оказалось, что стрелки этого примитивного «детекторалжи» приводились в движение ногой следователя – вправо или влево. Что касается самого Ерастова, то он еще легко отделался – его попросту выгнали из органов прокуратуры.

О своей собственной работе следователем много рассказывать не буду. Она отличалась запредельной нагрузкой, напряжением всех сил, огромной ответственностью. Невольно вспоминается страшный сон: в нем я тоже следователь, собираюсь в отпуск. Перебираю находящиеся в производстве уголовные дела (а их не менее двух десятков), составляю справку для коллеги, что нужно сделать по каждому из дел. И вдруг на самом дне сейфа натыкаюсь на «бомбу»: совершенно забытое мною уголовное дело, по которому обвиняемый содержится под стражей, а срок его ареста истек неделю назад... Просыпаюсь в холодном поту и радуюсь: как хорошо, что это был только сон! Самое интересное – этот «ужастик» преследовал меня многие годы, даже когда я вышел на пенсию.

Прослужив в районной прокуратуре три года, я оказался в прокуратуре области, в должности старшего следователя.

Пистер Я.Я. в рабочем кабинете

Принял к производству очередное уголовное дело – об умышленном убийстве в отношении ранее судимого Конкина. Суть дела такова. Конкин, немолодой уже мужчина 50-ти лет, находясь в состоянии алкогольного опьянения, беспричинно, из хулиганских побуждений, в общественном месте (на одной из улиц города) в вечернее время, напал на незнакомого ему парня, ударом ножа в грудь убил его, после чего скрылся.

Несколько человек видели не очень быстро убежавшего с места происшествия пожилого мужчину. Рассмотреть черты его лица они не смогли из-за слабого освещения, однако все свидетели обратили внимание на характерную деталь – непривычно длинное пальто убежавшего. Соседи и сослуживцы Конкина показали, что в это время года он всегда ходил в длинном черном пальто.

Ранее это дело расследовалось районной прокуратурой, довольно опытным следователем, допустившим, к сожалению, существенные ляпы.

Разумеется, я внимательно изучил все имевшиеся в деле материалы, сделал выписки, сформулировал вопросы. Особый интерес вызвал протокол судебного заседания: государственный обвинитель настойчиво пытался выяснить у свидетелей приметы виденного ими человека, все они вновь подтвердили, что он был в длинном пальто. Казалось несколько странным поведение адвоката на судебном процессе – он задавал те же вопросы, что и прокурор, и с видимым удовольствием соглашался с показаниями свидетелей по поводу длины пальто.

Развязка наступила в конце первого дня, когда адвокат обратился к суду с просьбой – надеть на Конкина то самое злополучное пальто, которое было на нем в момент задержания. К изумлению участников процесса и всех присутствовавших в зале, это пальто оказалось почти куцым, на уровне колен...

Поскольку в деле и так было немало «белых пятен», а казавшийся важным аргумент по поводу длины пальто вдруг рассыпался, областной суд вынес единственно правильное решение – о возвращении дела на дополнительное расследование.

Исходя из обстановки, мною был составлен план дополнительных оперативно-следственных мероприятий, главным направлением которых являлось выяснение обстоятельств, способствовавших метаморфозе пальто.

Выяснилось следующее: это пальто после задержания Конкина хранилось в районной прокуратуре, но вскоре было возвращено жене обвиняемого по ее просьбе (и подсказке адвоката). Протокол осмотра пальто при этом не составлялся. И только через два месяца, перед направлением дела в суд, пальто, наконец, было приобщено к делу в качестве вещественного доказательства, и снова без протокола его осмотра.

Стало ясно, что за время длительного нахождения пальто у жены обвиняемого, оно подверглось переделке.

Назначенная мною товароведческая экспертиза категорически подтвердила, что нижняя часть пальто недавно подвергалась переработке, с подробным сравнительным анализом ткани, ниток и способа пошива.

Наконец, надо было найти важнейшую улику – ту самую широкую полосу ткани, которая была отделена от пальто. Я исходил из того, что выросшая в полунищете и привыкшая к бережливости пожилая женщина вряд ли сможет выбросить такой большой кусок сукна, поэтому вынес постановление о производстве обыска в доме Конкиных, и сам лично, с соблюдением всех процессуальных норм, этот обыск провел.

Надежды мои оправдались, удалось найти в самом дальнем углу кладовки широкую суконную полосу. Назначил еще одну экспертизу, криминалистическую, которая подтвердила, что пальто Конкина и найденный в его доме отрезок ткани ранее составляли единое целое.

Много усилий, и на первоначальном, и на дополнительном этапах расследования, было затрачено на поиски орудия преступления – ножа. К сожалению, обнаружить его не удалось. Коллеги обвиняемого по работе (все они – слесари) сообщали, что несколько раз видели у Конкина сделанный им самим нож, с их помощью специалистами были изготовлены рисунок и макет этого ножа.

По заключению дополнительной судебно-медицинской экспертизы, смертельное ранение потерпевшему причинено именно таким ножом.

Кроме того, экспертному исследованию было подвергнуто пальто, в одном из карманов которого обнаружены следы металлизации, возможно – микрочастицы ножа.

Сам Конкин на протяжении всего расследования категорически отрицал свою причастность к убийству: на месте происшествия не был, ножа с собой не носил. Разумеется, он при такой позиции не мог и не хотел ничего сказать о причинах внезапного изменения длины пальто.

При дополнительном расследовании проверялись и доводы адвоката, высказанные им в судебном заседании, о том, что пожилой человек не мог преодолеть расстояние от места происшествия до своего дома за столь короткое время – 15 минут. С этой целью мною был организован и проведен следственный эксперимент, в ходе которого 50-летний мужчина не спеша преодолел это расстояние именно за 15 минут.

По окончании дополнительного расследования дело снова было направлено в областной суд. К этому времени мое должностное положение изменилось, я стал старшим помощником прокурора области, а посему именно мне поручили поддерживать обвинение в суде. Как и ожидалось, все свидетели подтвердили свои прежние показания, эксперты мотивировали результаты экспертиз, а сам Конкин «ушел в полный отказ». Но выявилось и кое-что новое. Жена подсудимого вдруг изменила свою позицию и признала, что пальто мужа она укорачивала собственноручно и что сделала это по совету адвоката.

Конкин был признан виновным и осужден к 13 годам лишения свободы.

Что касается адвоката, то областным судом было направлено в президиум коллегии адвокатов частное определение о допущенном им беззаконии.

Осталось только назвать фамилию адвоката. Это был... Ерастов, тот самый бывший следователь, изобретатель «детектора лжи», о котором речь шла в начале этого рассказа. Разумеется, из адвокатуры его тоже выставили.

Как видим, моральное уродство не зависит ни от профессионального стажа, ни от должности его носителя. Оно или есть, или его – нет.

В.М. Самороковский

Ах, зубы, зубы...

Бывают такие криминалистические исследования представленных на экспертизу вещественных доказательств, которые вызывают особый, живейший профессиональный интерес эксперта и стремление помочь следователю в разрешении возникших перед ним вопросов. К таким именно экспертизам относилась и та, о которой я хочу рассказать.

Отбыв положенный судом срок за грабеж, Ишутин вышел за ворота колонии строгого режима, и с рюкзаком за плечами, в котором, кроме старых брюк и рубахи, практически ничего не было, бодро, не оглядываясь, зашагал прочь от ненавистного ему учреждения. Предстоял неблизкий путь, чтобы добраться до родного дома. Но он не унывал. «Свобода! Чего еще нужно?» А нужны были деньги, чтобы купить еды, да на железнодорожный билет, так как заработанных во время отбывания в колонии денег было совсем мало.

Шагая по проселочной дороге до ближайшей станции, где Ишутин намеревался сесть на поезд и доехать до Саратова, он по пути завернул в небольшую деревеньку Березовка, зашел в сельмаг, расположенный на ее окраине, недалеко от лесной полосы. Зайдя в магазин, Ишутин внимательным взглядом окинул торговый зал. Покупателей почти не было, всего две-три старушки, которые разглядывали разложенный на прилавке товар, тихо между собой переговариваясь.

Продавщица, молодая женщина лет 30-35-ти, в торговом зале была одна. Ишутин купил пачку сигарет, коробку спичек, батон белого хлеба и полкило ливерной колбасы. Расплатившись за покупки, он тут же покинул магазин и, отойдя на приличное расстояние от него, свернул в лесную полосу,

чтобы пообедать, так как время было уже за полдень. Поев, он решил немного отдохнуть на свежем и чистом воздухе, в тишине, а главное, на свободе.

Был конец июня, лето в разгаре, тепло и сухо. Положив рюкзак под голову, наш герой через некоторое время заснул, да так крепко, что проспал до позднего вечера. На небе уже мерцали звезды, а в деревне засветились окна в домах жителей.

Вокруг было ни души, глухомань, и у Ишутина возникло намерение забраться в магазин, чтобы запастись продуктами в дорогу, а если повезет, то прихватить и кассовую выручку. Решившись на это, он осторожно вернулся к магазину, крадучись обошел и осмотрел его вокруг. На входной двери – навесной амбарный замок, сторожа нигде видно не было. С задней стороны магазина Ишутин обнаружил в стене небольшую дверь, запертую изнутри, которая вела в подсобное помещение, служившее складом. Надавив посильнее на дверь, протиснулся внутрь и оказался в кладовке. Дальше было проще. Он быстро загрузил свой рюкзак разными продуктами, консервами и решил заглянуть в торговый зал магазина, проверить кассу: «Глядишь: и денюжат прихвачу». Однако касса оказалась пустой. «Продавщица, видимо, всю выручку унесла с собой», – так размышлял вор, проверяя кассовый ящик. Но вдруг он нащупал в дальнем углу ящика какие-то бумажки. Вытащил, пригляделся: лотерейные 30-ти копеечные билеты. Пересчитал, их оказалось 12 штук. А надо сказать, что в то время эти билеты распространялись среди населения через различные учреждения, магазины и даже школы. Прихватив билеты, Ишутин быстро выскочил через подсобку во двор и скрылся в ночной темноте.

Отойдя метров на двести от магазина, он наткнулся на стог свежего сена, сложенный у лесной полосы, и решил закусить прихваченными продуктами. Достал пол-литровую

банку с кабачковой икрой, полбатона и кусок колбасы, оставшиеся от обеда. Но как открыть крышку банки с икрой без ножа? И, недолго думая, решил эту операцию проверить зубами. Попробовал – поддается. Вращая в руках банку, он как клещами, наконец ее открыл и, отбросив крышку в сторону, принялся за еду. Поев, Ишутин поднялся, оставив у стога пустую банку и, крадучись вдоль лесной полосы, стал удаляться в сторону железнодорожной станции. Уже начало светать (летние ночи коротки). Идти пришлось километра четыре.

Добравшись до станции и не заходя в вокзал, он стал ждать поезд Воронеж – Саратов, который проходил здесь рано утром. Не нем-то и намеревался Ишутин побыстрее добраться до дома, а там «ищи-свищи» – Саратов город большой.

Когда подошел и остановился поезд, Ишутин, не взяв в кассе билет, чтобы не было никакого следа, быстро договорился с одной из проводниц за определенную мзду, и она посадила его в свой полупустой вагон. Теперь он был спокоен и уверен, что скоро будет дома. Так и получилось, поездом он благополучно, оберегаемый проводницей, прибыл в свой родной Саратов.

А в деревне, куда по пути на станцию заходил Ишутин, уже наутро, придя на работу, продавщица обнаружила, что в магазине ночью была совершена кража. Она сразу же сообщила в милицию и прокуратуру о случившемся.

Осмотром места происшествия установили, что именно было украдено. Продавщица сказала следователю, что из ящика кассы пропали также остававшиеся от реализации несколько лотерейных билетов, номера которых были ею записаны при их получении для распространения.

Возникла небольшая надежда на то, что злоумышленника можно будет задержать при предъявлении им в сберкассу выигравшего билета, если таковой окажется среди похищенных.

В сберкассе сразу же была направлена спецориентировка о случившемся и дано указание в случае обращения к ним за получением выигрыша немедленно сообщить в ближайшее отделение милиции.

Расширяя зону осмотра места происшествия, а это, по методике расследования преступлений, надо обязательно иметь в виду, следователь Шумаков обнаружил в траве, около стога сена, стеклянную банку с остатками недоеденной кабачковой икры и в стороне от нее – металлическую крышку, которой закрывалась обнаруженная банка. Всё это было изъято с места обнаружения, осторожно упаковано и приобщено к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств. Других предметов и следов, пригодных для исследования, обнаружено не было.

Выдвинутая версия о преступнике позволяла предположить, что кражу мог совершить «гастролер».

Проходили дни за днями, а расследование вперед не продвигалось. Вся надежда была на лотерейные билеты, следы рук на банке и следы зубов на ее крышке.

Еще не имея подозреваемого, следователь назначил криминалистическую экспертизу, чтобы установить, пригодны ли для идентификации человека следы рук на стеклянной банке и следы в виде трасс на металлической крышке, изъятых с места происшествия.

Тщательно осмотрев поверхность стеклянной банки под различными углами освещения, экспертом не было обнаружено пригодных для идентификации следов пальцев и ладонных поверхностей рук преступника. Всё было смазано и забито засохшими остатками кабачковой икры. Это произошло в результате того, что в процессе открывания крышки, вращая банку в руках, преступник смазал все следы своих рук и в дополнение к этому испачкал поверхность банки икрой.

Таким образом, данный объект оказался исключенным из дальнейшей работы.

В процессе же изучения внешней поверхности металлической крышки под большим микроскопным увеличением и различными углами косо падающего освещения, я обнаружил, что в некоторых следах хорошо видны трассы в виде бороздок и гладких промежутков между ними, имеющих различную ширину, количество и степень выраженности.

Известно, что кромка передних зубов как верхней, так и нижней челюсти человека имеет неровную, хотя и еле заметную бугристую поверхность. Я пришел к выводу, что эти следы зубов человека, оставленные передними резцами, пригодны для идентификации, то есть установления по ним субъекта, оставившего эти следы.

Каждому, кто сомневается в особенностях строения своего зубного аппарата, особенностях режущей кромки передних зубов, особенно верхней челюсти, я предлагаю сделать простой проверенный эксперимент. Когда будете есть сыр, масло или шоколад обратите внимание под углом к свету на бороздки и валики в следах откуса зубами, и вы их увидите.

Количество этих бороздок, степень их четкости, ширина и взаиморасположение у каждого из нас сугубо индивидуальны. Индивидуальны и более крупные особенности – ширина зубов, расстояние между ними, прикус, разворот отдельных зубов относительно рядом стоящих, выступание и т.д. Это обстоятельство объясняется анатомическим строением зубного аппарата, какими-то болезненными аномалиями, лечением и протезированием зубов, и другими причинами. Высокая прочность эмали зубов позволяет сохранять их индивидуальные особенности очень долго, что дает криминалистам возможность идентифицировать человека по следам зубов и зубному аппарату.

Тем временем Ишутин, привыкая вновь после восьмилетнего заключения к родным местам и наслаждаясь свободой, гулял по родному Саратову. В одном из газетных киосков купил газету «Труд», где, как оказалось, была напечатана таблица очередного тиража выигршей лотерейных билетов. Придя домой, он поспешил проверить номера украденных билетов. И что же? На один из них выпал выигрыш в 1000 рублей. Совпали и серия, и номер. Ишутин не верил своим глазам. Он еще и еще водил пальцем под строчкой с выигрышем и в душе ликовал, так как денег у него давно не было, а устроиться на работу было не так-то просто. Кто его примет с таким прошлым! И вдруг такая удача! Не поделившись радостью даже с домашними, Ишутин на другой день отправился в ближайшую сберкассу (это теперь они стали отделениями Сбербанка). Он хотел побыстрее получить выигрыш, но что-то его тревожило: а вдруг по номеру билета его вычислят? Но если удастся получить выигрыш, он уедет на Север, где для него и работа найдется. Заберется в дальний «медвежий угол» и попробуй его отыщи. Рассудив таким образом и успокоившись, он вошел в сберкассу. Подойдя к девушке, обслуживающей клиентов, Ишутин, улыбаясь, сказал: «Поздравьте меня, я выиграл 1000 рублей». И протянул ей лотерейный билет. Разглядывая билет, девушка обратила внимание на то, что серия билета не из числа тех, которые имели билеты, распространенные в городе. Значит, иногородний. «Извините, у меня под рукой нет таблицы розыгрышей, я вернусь через минуту и обслужу вас». Сообщив заведующей о своем подозрении и попросив ее сообщить куда надо, девушка вернулась на свое рабочее место и, развернув газету с таблицей, стала внимательно и долго сверять нужные реквизиты. Потом, улыбаясь и поздравляя Ишутина с выигрышем, попросила его пройти в следующий зал в кассу. Не успел наш счастливец развернуться от окошка и направиться в кассу,

как навстречу к нему двинулись два человека в милицейской форме и попросили предъявить документы. Ишутин почувствовал нутром, что с билетом он, кажется, «влип».

В дальнейшем всё завертелось, как в калейдоскопе. Его задержали и препроводили в милицию. На его возражения и негодование никто не обращал внимания.

А в это время по телетайпу были переданы следователю, расследующему уголовное дело о краже из магазина в небольшом селе Березовка, номера серии и билета, на который выпал выигрыш.

Однако Ишутин утверждал на допросе, что билет он купил у какого-то бомжа и знать ничего не знает, где тот его взял. Несмотря на стойкое упрямство, он был этапирован в Воронежскую область, где только два месяца назад отбывал в колонии наказание и был освобожден, отбыв свой срок.

В воронежском следственном изоляторе при встречах на допросах со следователем он продолжал отрицать свою причастность к краже в магазине.

Следователю ничего не оставалось, как предъявить Ишутину изъятые с места происшествия стеклянную банку из-под кабачковой икры и металлическую крышку со следами зубов. Ишутин и на это отреагировал отрицательно.

Настал момент назначить трасологическую экспертизу следов зубов, имеющих не крышке, которые, как вы уже знаете, оказались пригодными для идентификации по ним человека.

Следователь пригласил высококлассного специалиста-зубопротезиста и поручил ему отлить гипсовый слепок зубов с верхней челюсти Ишутина. Немного поупрямившись, Ишутин согласился на этот зубопротезный эксперимент, видимо полагая, что из этого ничего не получится и расшифровать его «автограф» не удастся.

Неделю спустя следователь сам лично доставил в лабораторию отлитый гипсовый слепок зубов верхней челюсти

Ишутина и поставил передо мной вопрос: не зубами ли подозреваемого Ишутина оставлены следы скольжения на поверхности металлической крышки от банки из-под кабачковой икры, обнаруженной и изъятой на месте происшествия по делу о краже из магазина в селе Березовка?

Предстояла довольно кропотливая, но очень уж захватывающая работа. Осмотрев под микроскопом кромки передних зубов на гипсовой модели, я увидел их неровности – выступы и углубления.

Теперь необходимо было подобрать соответствующий материал, на котором предстояло оставлять экспериментальные следы гипсовым слепком зубов Ишутина. И такой материал был найден в виде пластины застывшей восковой композиции темно-коричневого цвета. Экспериментально имитировались те же движения, что производил и взломщик, открывавший консервную банку.

Получив экспериментальные следы зубов, я приступил к их детальному изучению. Путем микроскопического исследования в них было установлено наличие четких валиков и бороздок от их передних кромок. Теперь предстояло сфотографировать в одном масштабе и со значительным увеличением и исследуемые, и экспериментальные следы для их последующего сравнения.

Когда был применен метод совмещения, оказалось, что и трассы, и валики на обоих объектах исследования совпали с такой точностью, что одни следы явились продолжениями других. Такой результат для меня как эксперта был верхом удовлетворения от проделанной работы. Тут же была изготовлена фототаблица, иллюстрирующая результаты сравнительного исследования следов зубов подозреваемого, составлено экспертное заключение с категорическим положительным выводом, а именно: следы зубов на крышке от консервной банки из-под кабачковой икры, изъятой с места происше-

ствия и представленной на экспертизу по делу о краже из магазина села Березовка, оставлены именно Ишутиним.

Все материалы и документы по результатам экспертизы были направлены следователю с просьбой дать отзыв о проделанной работе и реакции Ишутина на заключение.

Через несколько дней, приехав в лабораторию с новым материалом для экспертизы по другому делу, следователь рассказал мне следующее.

– Когда, вызвав на новый допрос Ишутина, я предъявил ему ваше заключение и фототаблицу с убедительной иллюстрацией совмещенных следов от его зубов, он очень долго и внимательно разглядывал фотоснимки, потом, отложив ее в сторону, удивленно заявил: «Ну, надо же! Вот это работа! Пиши, гражданин начальник, чего уж теперь». И всё рассказал, как было на самом деле.

Об этом я вам и поведал. Эксперту всегда приятно сознавать, что его труд, усердие не были напрасными, а результаты проведенной им экспертизы помогли установить истину, ответили в категорической форме на поставленные перед ним вопросы следователя или суда.

Справедливо говорится: «Вору краденого хватает ненадолго, а честь свою он теряет навсегда».

Черная зависть

Не зря говорят, что хороший сосед лучше дальней родни. Но когда он становится недругом, тогда вам придется претерпеть от него множество всяческих подлостей.

О такой метаморфозе в дружественных отношениях между двумя соседями-пенсионерами Лукиновым и Сергучёвым я и хочу рассказать.

Познакомились они, а потом и подружились, когда оказалось, что их дачные участки располагаются рядом – межа к меже.

Прошло несколько лет их дружественных соседских отношений, пока в одну пасмурную, темную ночь, не произошло то, что привело потом одного из них, Сергучёва В.П., на скамью подсудимых. Вина его была доказана не в последнюю очередь и с помощью судебно-биологической экспертизы древесных объектов.

Но продолжу свой рассказ в логической последовательности. Получив по шесть соток не очень плодородной земли, известные нам друзья-дачники принялись ее облагораживать – выравнивать, удобрять купленным на колхозной ферме навозом и минеральными удобрениями.

Через год-полтора каждый из них построил на своем участке домик-дачку на две комнатки с кухней, совсем скромные (не то, что сейчас возводят коттеджи в три этажа дворцового вида причудливой архитектурной формы). И посадили плодовые деревья: яблони, груши, косточковые, заложили ягодники, разбили грядки под различную зелень.

Ежегодно, приезжая весной на свои дачные участки, друзья принимались за свое хозяйство и ревниво следили за успехами друг друга. Всё росло и развивалось прекрасно, особенно у Лукинова. Плодовые и косточковые сорта у него ежегодно и обильно плодоносили, не болели. Одним словом, радовали душу и хозяину, и его домашним.

У Сергучёва же поначалу тоже вроде бы всё шло нормально, однако плодоношение было нерегулярным и не обильным, не то, что у Лукинова. А потом и вовсе начали засыхать отдельные деревья. Сергучёв ходил чернее тучи, почти ни с кем не разговаривал, и в его голову заползла сумасшедшая мысль: а не Лукинов ли приложил к этому руку, навел на его сад порчу?

Лукинов, встречаясь с Сергучёвым, тоже недоумевал, советовал соседу применить то одно, то другое, хотя в душе не склонен был огорчаться и принимать близко к сердцу неудачи последнего.

Постепенно их отношения стали вежливо-прохладными, и они практически перестали общаться. И тут Сергучёв задумал испортить настроение Лукинову, но как? У того всё цветет и благоухает, а его сад чахнет на глазах. Подвыпив, он решил заставить усыхать и сад Лукинова.

Дождавшись темноты ночи, Сергучёв осторожно перелез через изгородь, разделявшую их участки и, крадучись, с ножовкой в руке, стал приближаться к стволам яблонь и груш. Присев на корточки, он начал почти у поверхности грунта опиливать стволы деревьев. Завершив свою черную работу, Сергучёв перелез обратно через изгородь и, удовлетворенный проделанным, повесил ножовку в сарай, где находился весь садовый инвентарь, тихо вошел в домик и улегся спать.

На утро, как ни в чем не бывало, соседи занялись каждый своим делом. Всё шло, как обычно. Сергучёв исподволь наблюдал за Лукиновым, чем тот занимается. А последний, ничего не замечая, опрыскивал свой сад от тли и других вредителей.

Прошла, примерно, неделя с той злополучной ночи, Лукинов стал приглядываться к кронам яблонь и груш, и увидел, что с их листьями происходит что-то неладное: они привяли и стали желтеть по краям листовой пластинки. Он забеспо-

коился, принялся анализировать свои действия по уходу за садом и ничего не находил, что могло бы ему повредить. Тогда Лукинов стал тщательно осматривать свои деревья, особенно большие, начиная с кроны и опускаясь до низа ствола. Каково же было его удивление, даже ужас, когда он обнаружил почти круговые подпилы каждого ствола – трех яблонь и двух груш. Он даже обнаружил вокруг подпиленных стволов немного смешанных с землей опилок. Его распирало возмущение и негодование. Лукинов сразу же догадался, что это дело рук его соседа Сергучёва.

Никому и ничего не сказав, даже своей жене, чтобы ее не расстраивать, Лукинов направился к участковому инспектору, в зону обслуживания которого входил и садово-огородный кооператив «Возрождение». Выслушав Лукинова, участковый посоветовал ему обратиться в отдел милиции к следователю с заявлением. Что Лукинов и сделал. В своем заявлении он указал и на подозреваемого им соседа по даче Сергучёва.

Следователь Свиридов на другой день приехал в дачный поселок и по адресу, указанному Лукиновым, прибыл к нему на дачу. Осмотром с понятыми места происшествия убедился, что налицо признаки преступления.

Получив у прокурора разрешение на производство обыска, следователь решил не медля его провести. Придя на участок к Сергучёву, следователь его не застал. Сергучёв уехал в город, на даче была лишь его жена. Следователь представился и предъявил ей постановление на обыск, предложив показать садовый инвентарь. Жена безо всякого возражения, ничего не подозревая, показала ему висевшую на стене в сарае ножовку и другой инвентарь. Следователь снял ножовку с гвоздя и осторожно вынес из сарая, попросил понятых и жену Сергучёва подойти поближе, расстелил на садовом столике газету и стал внимательно осматривать ножовку.

В двух местах между зубьями следователь обнаружил и кончиком ножа извлек древесные опилки, а между щечкой крепления полотна ножовки с ручкой в щели застрял кусочек коры, также извлеченный с помощью ножа. Добытые древесные остатки, снятые с ножовки, были упакованы и опечатаны, составлен протокол обыска, осмотра вещественного доказательства и его изъятия. Таким образом было положено начало предварительного следствия. Жене же Сергучёва следователь оставил на имя ее мужа повестку для явки к нему.

На следующий день к следователю Свиридову явился вызванный повесткой Сергучёв. На вопрос, ему ли принадлежит ножовка, лежащая на столе, Сергучёв ответил: «Да, моя».

– Когда вы ей пользовались в последний раз? – спросил следователь.

– Очень давно, пилил сосновые рейки для изгороди, – заявил, хотя и без особой убежденности, подозреваемый.

– Вчера в присутствии понятых и вашей жены эта ножовка была мною тщательно осмотрена, – сказал следователь, – и между зубьями ножовки и между щечкой в месте крепления ее полотна с ручкой были обнаружены и изъяты несколько опилок и кусочек коры дерева. Все они находятся вот в этом пакете и будут направлены на экспертизу для установления породы дерева, от которого они были отделены при распиле. Осмотр ножовки и изъятие с нее опилок и кусочка коры отражено вот в этом протоколе, ознакомьтесь, – заключил следователь.

– Но я ничего не пилил. И если Лукинов считает, что это я подпилел ему яблони, то он напрасно так думает. Я тут не при чем, – парировал Сергучёв.

– А откуда вам известно, гражданин Сергучёв, что у вашего соседа Лукинова кем-то подпилены в саду деревья? – немедля задал ему вопрос следователь.

И Сергучёв понял, что проговорился, но тут же нашелся и заявил, что, мол, об этом знают многие.

– Извините, Сергучёв, но о таком вандализме в дачном поселке не знает пока никто, кроме вас. Отсюда вывод: эту черную работу проделали именно вы. Но окончательно это обстоятельство установит экспертиза. Прошу вас не отлучаться из поселка. Ознакомьтесь и подпишите протокол допроса. Как только будет получено заключение экспертизы, я вас вызову.

Сергучёв тяжело поднялся со стула и, не сказав больше ни слова, медленно поплелся к выходу из кабинета. С содроганием сердца он все дни ждал вызова к следователю. Следователь Свиридов позвонил в лабораторию и справился о том, сможем ли мы в лаборатории провести исследование древесных опилок на предмет определения породы дерева, имеются ли в лаборатории такие специалисты?

Ему ответил заведующий лабораторией, что теперь такой специалист в лаборатории работает, и следователь может назначить биологическую экспертизу. Дело в том, что до того, как я начал работать в лаборатории, с вопросами об исследовании древесины обращались на кафедру анатомии и физиологии растений Воронежского лесохозяйственного института, к профессору П.Б. Раскатову и он, идя навстречу правоохранительным органам, такие исследования проводил. Теперь этот вид экспертного исследования поручался только мне.

На экспертизу следователь представил ножовку Сергучёва, а также изъятые при ее осмотре древесные опилки и кусочки коры дерева.

Передо мной были поставлены следующие вопросы: к какой породе дерева относятся снятые с ножовки опилки и кусочек коры, лиственной или хвойной? Если к лиственной, то не является ли эта порода плодовым растением – яблоней или грушей? С какой части дерева были при распиле отделены представленные на экспертизу опилки и кусочек коры?

Для меня эти вопросы были не новыми, так как, изучая анатомию различных видов древесных и кустарниковых пород по основному курсу и занимаясь в научном студенческом кружке на кафедре у профессора П.Б. Раскатова, я хорошо знал отличительные особенности анатомического строения их древесины и коры. К тому же, в моем распоряжении был микротом для изготовления препаратов, биологические микроскопы, а также атлас-определитель древесных и кустарниковых пород, произрастающих в европейской части нашей страны.

Малые размеры исследуемого материала заставили меня очень осторожно и бережно отнестись и к их общему осмотру через лупу, и к детальному исследованию под биологическим стереоскопическим микроскопом. Я буквально препарировал эти объекты, изготовил биологические препараты и увидел под покровным стеклом, что по своей структуре и строению эти древесные объекты являются ни чем иным, как опилками лиственных пород дерева, более того, древесина и кора принадлежали ранее плодовому дереву, его стволовой части.

Как всегда, мною была изготовлена фототаблица препаратов внутреннего строения исследуемых объектов с увеличением в десятки раз через микроскоп, а также и равномерное фото для сравнения из атласа-определителя.

На завершающем этапе исследования я подсказал следователю, что возможно провести и сравнительное изучение полученных результатов с образцами древесных опилок и кусочков коры, взятых с поврежденных деревьев сада Лукинова. Следователь охотно откликнулся на мое предложение, так как дальнейшее исследование и сравнение углубляло и усиливало доказательственное значение результатов экспертизы.

Этим же днем он доставил требуемые образцы в лабораторию и дополнительно поставил передо мной вопрос: сходны ли по своему анатомическому строению и структуре пред-

ставленные на экспертизу образцы опилок и кусочков коры, изъятые с поврежденных деревьев из сада Лукинова с опилками и кусочком коры, снятыми с ножовки Сергучёва?

С полученными от следователя для сравнительного исследования биологическими объектами – опилками и кусочками коры, я проделал все те же этапы изучения, препарирования и микроскопического исследования, и убедился, что они имеют аналогичную структуру и строение, что и кора с опилками, снятые с полотна ножовки Сергучёва, о чем я и написал в выводах своего заключения.

Вызвав на допрос Сергучёва, следователь ознакомил его с заключением, хотя тот решил сам признаться в содеянном и без экспертизы. Изведя себя терзаниями совести, Сергучёв сокрушался и говорил, что его как будто бы черт попутал, особенно после того, как он привел себя в опьяненное состояние. «Меня обуяла какая-то злость, черная зависть».

Сергучёв ругал себя, однако дело сделано и теперь ему придется отвечать перед законом. Пытался, как он говорил следователю, за это время объяснить с Лукиновым, но тот не стал с ним разговаривать.

Дело было передано в народный суд, который приговорил Сергучёва к трем годам лишения свободы условно, с обязательной выплатой определенной суммы за причиненный ущерб. Сергучёв вынужден был продать свою дачу, расплатиться с потерпевшим Лукиновым и уехать из кооператива «Возрождение». Видимо, совесть его всё-таки мучила.

Да, всё же скверная эта штука – черная зависть.

Лукинову пришлось выкорчевывать подпиленные Сергучёвым плодовые деревья и на их месте посадить купленные в плодопитомнике молодые саженцы яблонь и груш.

Наши авторы

Вафин Равиль Джагфарович

Родился 1 июля 1959 г. в с. Дубъязы Высокогорского р-на Татарской АССР.

В 1981 г. окончил юридический факультет Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина. Военнообязанный, имеет воинское звание лейтенант.

В 1980-1986 гг. – стажер прокуратуры Ленинского района г. Мурманска, стажер, старший следователь, следователь по особо важным делам прокуратуры г. Мурманска.

В 1986-1987 гг. – следователь по особо важным делам прокуратуры Мурманской области.

В 1987-1989 гг. – старший следователь следственной части Главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР.

В 1989-1992 гг. – следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. В 1992 г. освобожден от занимаемой должности в связи с ликвидацией Прокуратуры СССР.

С апреля 2024 г. – Председатель Региональной общественной организации Союз ветеранов следствия.

Младший советник юстиции.

Награжден медалями Союза ветеранов следствия «Медаль Кравцева» и «Медаль Почета», медалями Следственного комитета Российской Федерации «Ветеран следственных органов», «За заслуги», «75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «10 лет Следственному комитету Российской Федерации», «350 лет со дня рождения Петра I» и «За чистоту помыслов и благородство дел».

Гришина Надежда Викторовна

Родилась 3 июня 1996 г. в Минеральных Водах.

В 2022 г. с отличием окончила магистратуру Саратовской государственной юридической академии по направлению «Юриспруденция».

В 2018-2020 гг. – следователь, следователь по особо важным делам следственного отдела по Фрунзенскому району г. Саратов СУ СК РФ по Саратовской области.

В 2020-2022 гг. – следователь следственного отдела по г. Саратов СУ СК РФ по Саратовской области.

С 2022 г. по настоящее время – следователь отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по Саратовской области.

Драбкин Александр Леонидович

Родился 20 ноября 1957 г.

Почетный гражданин Еврейской автономной области, полковник юстиции.

Возглавил отдел криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Еврейской автономной области с момента его создания в 2007 г. Под его руководством созданы и оборудованы учебный класс криминалистики и учебный полигон,

на которых проходят первоначальную стажировку и повышение квалификации следователи управления.

В 2013 г. ушел на заслуженный отдых, который совмещает с преподаванием криминалистики в Приамурском государственном университете Шолом-Алейхема в г. Биробиджане, многие его ученики успешно работают в правоохранительных органах. Активно занимается литературным творчеством.

Кондратов Анатолий Иванович

Родился 16 июня 1949 г. в г. Красный Луч Ворошиловградской области Украины (ныне Луганская Народная Республика). Окончил Саратовский юридический институт.

В 1977-1984 гг. работал старшим следователем и следователем по особо важным делам прокуратуры г. Красный Луч Ворошиловградской обл.

В 1984-1992 гг. – старший следователь следственной части, следователь по особо важным делам, старший следователь по особо важным делам

Управления по расследованию дел особой важности Прокуратуры Союза ССР.

В 1992-1993 гг. – заместитель начальника отдела оперативного реагирования Следственного управления Генеральной прокуратуры РФ.

В 1993-1996 гг. проходил службу в органах внутренних дел в должностях заместителя начальника отдела и начальника отдела специальных операций Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД РФ.

Государственный советник юстиции 3 класса, полковник милиции в отставке.

В 2012-2021 гг. – заместитель председателя Совета региональной общественной организации «Союз ветеранов следствия».

Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации. Награжден медалями СК РФ «За верность служебному долгу», «За заслуги», «За содействие», «За чистоту помыслов и благородство дел», медалями МВД РФ «За заслуги в борьбе с организованной преступностью и терроризмом», «200 лет МВД России».

Костарев Валерий Евграфович

Родился в 1949 г. в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области.

После службы в Советской Армии в 1974 г. окончил Свердловский юридический институт.

В 1974-1984 гг. работал в прокуратуре Северо-Казахстанской области в должностях старшего следователя прокуратуры области и прокурора-криминалиста.

В 1984-1991 гг. – в Прокуратуре Союза ССР в должностях старшего следователя следственной части, сле-

дователя, старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре Союза ССР.

В 1992-2007 гг. – в должности следователя, старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре Российской Федерации, заместителем начальника управления по расследованию особо важных дел – начальника первого отдела по расследованию бандитизма и умышленных убийств.

В 2007-2009 гг. – в должности заместителя руководителя управления ГСУ Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации – руководителя первого отдела.

Государственный советник юстиции 3 класса. Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации. Награжден более 30 медалями и почетными знаками, один из первых лауреатов премии «Фемида».

Лебедев Максим Васильевич

Родился в 1985 г. в Саратове.

В 2007 г. окончил с отличием Институт прокуратуры Саратовской государственной академии права.

В 2009 г. назначен на должность следователя следственного отдела по г. Энгельс СУ при Прокуратуре России по Саратовской области, затем работал в должности старшего следователя, следователя по особо важным делам следственного отдела по Кировскому району г. Саратова СУ СК России по Саратовской области.

В 2011 г. назначен на должность следователя-криминалиста следственного отдела по г. Балашов. Дальнейшую карьеру продолжил в службе криминалистики СУ СК России по Саратовской области.

С 2022 г. – старший следователь-криминалист отдела криминалистики СУ СК России по Саратовской области, подполковник юстиции.

В свободное от работы время увлекается музыкой. Неоднократно представлял следственное управление по Саратовской области на всероссийских конкурсах, проводимых Следственным комитетом РФ, является их призером. В 2022 г. вместе с сотрудницей управления стал призером Всероссийского фестиваля народного творчества воинов ВС России, других силовых структур, ветеранов войны и военной службы и членов их семей «Катюша-2022».

Пистер Яков Яковлевич

Родился в 1941 г.

В 1968 г. окончил юридический факультет МГУ.

Работал следователем прокуратуры Дубенского и Алексинского районов Тульской области, старшим следователем областной прокуратуры. В 1974 г. назначен на должность старшего помощника прокурора Тульской области по организации работы и контролю исполнения.

С апреля 1980 г. трудился в аппарате Прокуратуры РСФСР – прокурором, старшим прокурором организационно-методического отдела следственного управления, помощником Прокурора РСФСР по особым поручениям, начальником организационно-методического отдела, начальником отдела по делам несовершеннолетних.

В декабре 1996 г. назначен на должность начальника следственного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации. После ее реорганизации в 1997 г. – заместитель начальника Главного следственного управления Генеральной прокуратуры, начальник организационно-методического управления.

Весной 1998 г. вышел в отставку, однако связи с прокуратурой не утратил, продолжая работать (на договорных началах) в отделе реабилитации жертв политических репрессий.

Государственный советник юстиции 3 класса. Почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Рева Василий Александрович

Родился 14 января 1948 г. в Перми.
В 1973 г. окончил юридический факультет Пермского государственного университета.

В 1969-1974 гг. – следователь прокуратур Оханского, Ильинского районов Пермской области, прокуратуры Дзержинского района г. Перми.

В 1975-1976 гг. работал в составе следственной группы прокуратуры Союза ССР в Узбекской ССР.

В 1976-1985 гг. – старший следователь, прокурор-криминалист, началь-

ник следственной части прокуратуры Пермской области.

В 1985-1987 гг. – старший следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР.

В 1987-1989 гг. – старший следователь прокуратуры города Одинцово Московской области.

В 1989 г. – руководитель следственной группы прокуратуры Союза ССР в Армянской ССР.

В 1990 г. – старший следователь прокуратуры Московской области.

В 1991 г. – следователь по особо важным делам прокуратуры Союза ССР.

В 1992-1995 гг. – начальник отдела Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Старший советник юстиции. Почетный работник прокуратуры Российской Федерации. Член Союза писателей России. Лауреат национальной премии «Имперская культура». Награжден ведомственными медалями Прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации.

Савченко Андрей Петрович

Родился 5 ноября 1954 г. в Алтайском крае.

В 1975 г. по завершении срочной армейской службы поступил на юридический факультет Алтайского государственного университета, который успешно окончил.

С августа 1980 г. работал стажером, помощником прокурора Заринского района, следователем прокуратуры Родинского района, затем в аппарате прокуратуры Алтайского края – стар-

шим следователем, следователем по особо важным делам, заместителем начальника отдела по расследованию особо важных дел.

В 1985 г. под руководством следователя по особо важным делам прокуратуры РСФСР А.Д. Филина участвовал в расследовании уголовного дела о взяточничестве на московском предприятии «Совтрансавто».

В 1988-1989 гг. под руководством старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР С.М. Громова участвовал в расследовании уголовного дела о взяточничестве и хищениях партийно-хозяйственного руководства Таджикской ССР.

Советник юстиции. В 1996 г. вышел на пенсию по выслуге лет.

Самороковский Василий Михайлович

Родился 28 июля 1928 г.

Длительное время работал экспертом-криминалистом в отделе почерковедческих экспертиз Воронежской научно-исследовательской лаборатории судебных экспертиз, преподавал криминалистику на юридическом факультете Воронежского государственного университета. Доцент, кандидат юридических наук.

Ветеран Великой Отечественной войны, имеет ранение.

В настоящее время находится на заслуженном отдыхе, проживает в г. Воронеже. Пишет стихи и рассказы.

Тамаев Руслан Сугаипович

Родился в 1951 г.

В 1976 г. окончил Свердловский юридический институт, 33 года работал в органах прокуратуры, из которых 15 лет (с 1994 по 2009 гг.) работал в центральном аппарате Генеральной прокуратуры РФ старшим следователем по особо важным делам, заместителем начальника Управления по расследованию особо важных дел, советником Генерального прокурора РФ и заместителем директора научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры РФ по науке.

Государственный советник юстиции 2 класса (генерал-лейтенант юстиции), Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации, Почетный сотрудник следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук.

После выхода на пенсию работал советником Контрольного управления Администрации Президента РФ.

Оглавление

<i>А.И. Бастрыкин</i>			
Вступительное слово.....	5		
<i>А.И. Кондратов</i>			
Кировабадский дневник. Документальная повесть			
Предисловие	8		
Истоки конфликта (Карабахский узел).....	10		
Кировабадский дневник.....	16		
Штаб следственной бригады	44		
Принятый вызов (гвардейцы-десантники).....	68		
Агония.....	95		
Эпилог.....	104		
<i>В.Е. Костарев</i>			
Узгенская резня. Межэтнические беспорядки в Узгене в июне 1990 года.....	108		
<i>Р.С. Тамаев</i>			
Афера века			
Гохран России.....	141		
Уголовное дело	146		
Результаты следствия	164		
<i>Н.В. Гришина</i>			
«Я просто хотел найти себе третью жену...».....	169		
<i>А.Л. Драбкин</i>			
Дело о еврейской маме.....	182		
Приговор.....	187		
Любовь и перестройка в отдельно взятом Хинганске.....	191		
Ах! Какая женщина	196		
<i>А.П. Савченко</i>			
«Благие» намерения.....	200		
<i>Р.Д. Вафин</i>			
«Вещий сон»	227		
На уголовный розыск надейся, но сам не плошай	259		
<i>В.А. Рева</i>			
«Политическое» убийство	291		
Простая арифметика.....	298		
Частное определение	310		
Всюду жизнь	317		
<i>М.В. Лебедев</i>			
Двойное убийство в День матери	324		
<i>Я.Я. Пистер</i>			
Кое-что о морали... ..	333		
<i>В.М. Самороковский</i>			
Ах, зубы, зубы.....	339		
Черная зависть	348		
Наши авторы	355		

Литературно-художественное издание

**Следственный комитет Российской Федерации
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева**

Союз ветеранов следствия

СЛЕДСТВИЕ СКВОЗЬ ГОДЫ...

(воспоминания ветеранов следствия)

Выпуск 4

Возрастное ограничение 18+

Подписано в печать: 22.04.2024.
Формат 60х90/16. Гарнитура «PT Serif».
Бумага офсетная. Печ. л. 23.
Тираж 1200 экз.
Издательский Дом «СЛАВЯНКА»